

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО
И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Проблемы доказывания виновности
в советском уголовном процессе**
МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК

КРАСНОЯРСК 1989

Проблемы доказывания виновности в советском уголовном- процессе:
Межвуз. сб. /Красноярск, ун-т. Красноярск, 1989. С. 176.

Редакционная коллегия; В. Г. Заблоцкий — отв. редактор;
Н. Г. Стойко — отв. за вып.
В. Е. Корноухов
А.С. Барабаш

Рецензенты: Красноярское отделение Омской высшей школы
милиции МВД СССР;
Ю. Д. Ильментьев — народный судья Центрального
райнарсуда г. Красноярска

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Красноярского госуниверситета

ВВЕДЕНИЕ

Решения XXVII съезда КПСС, последующих Пленумов ЦК КПСС требуют коренной перестройки правоохранительного механизма нашей страны, создания более целостной и гибкой системы правоохранительных органов. Одним из основных направлений перестройки правоохранительного механизма является повышение роли, авторитета, самостоятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда. Это объясняется тем, что указанные органы образуют «единый комплекс», ведущий непосредственную борьбу с преступностью. Именно на нем лежит часть социальной ответственности за значительное сокращение уровня преступности и претворение в жизнь стратегического курса партии на полное ее устранение.

В ряду приоритетных направлений советской юридической науки выделяется вопрос о виновности (вине) и ее установлении. Первостепенное значение данному вопросу уделяли и продолжают уделять многие ученые (В. Д. Арсеньев, В. Г. Даев, В. Н. Кудрявцев, Д. П. Котов, Б. Я. Петелин, М. С. Строгович, Н. А. Стручков и др.). Это главный вопрос в деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, от правильного решения которого во многом зависит обеспечение того, чтобы практически реализовывались «демократические принципы правосудия, равенства граждан перед законом, другие гарантии, обеспечивающие защиту интересов государства и каждого гражданина»¹.

Вот почему перед юридической наукой (на стыке уголовного права и процесса, криминалистики и правовой психологии) ставятся такие задачи: расширить научные исследования в области теории и практики установления виновности, раз-

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М : Политиздат, 1986. С. 61,

работать новые и повысить эффективность уже используемых способов ее доказывания для обеспечения неотвратимости уголовной ответственности.

На решение этих важных задач и направлен наш сборник научных трудов, подготовленный коллективом авторов юридических вузов Москвы, Ленинграда, Сибири, Дальнего Востока и других регионов страны.

Сборник состоит из двух разделов: «Понятие доказывания виновности в советском уголовном процессе» и «Вопросы методики и тактики доказывания виновности в советском уголовном процессе».

Исследования, включенные в первый раздел, определяют: понятие виновности; содержание процесса ее установления; предметы изучения виновности; общие условия ее доказывания; особенности установления на отдельных этапах уголовно-процессуальной деятельности.

Исследования, включенные во второй раздел, раскрывают: роль косвенных доказательств в установлении виновности обвиняемого; использование версий для организации такого установления; конкретные способы доказывания виновности по делам о хищениях и убийствах.

Предлагаемый сборник научных трудов представляет собой, пожалуй, первую попытку комплексного изучения вопросов виновности и ее установления в уголовном процессе. Авторы сборника дополняют и развивают имеющиеся научные разработки по указанным вопросам с учетом социального назначения уголовного судопроизводства и психологических особенностей исследования личности обвиняемого; дают свою трактовку понятиям виновности, процесса и предмета ее доказывания, уголовной ответственности и др.; определяют основные пути и способы исследований виновности в уголовном процессе; вносят конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства и методик установления виновности при расследовании отдельных видов преступлений.

I. ПОНЯТИЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ВИНОВНОСТИ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Р. И. Михеев

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ВИНЫ

Дальнейшее укрепление социалистической законности и правопорядка, усиление охраны прав и законных интересов граждан, улучшение деятельности милиции, прокуратуры, судов и юстиции — важнейшие задачи, поставленные Программой КПСС (см.: 10. С. 160) и решениями XXVII съезда КПСС (см.: 10. С. 6-1, 108—111). Реализуя директивы XXVII съезда КПСС и последующие решения Пленумов ЦК КПСС, партией и государством принят целый ряд принципиальных партийно-государственных документов, в которых сформулированы конкретные пути, формы и методы укрепления режима законности в стране, усиления правовой основы государственной и общественной жизни, улучшения охраны прав и законных интересов граждан, совершенствования деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и другими негативными явлениями, повышение ответственности государственных органов, должностных лиц и каждого гражданина за соблюдением законов Советской власти (см.: 11; 12).

Вполне понятно, что правовая наука не может стоять в стороне от нужд и запросов практики. Ее задача — выполнить социальный заказ: исследовать актуальные проблемы («болевые точки») практики; разработать методологию и научные рекомендации по совершенствованию законодательства и практики его применения. К числу таких актуальных проблем относится проблема вины и ее установления. Несмотря на то, что за последние 15 лет эту проблему интенсивно

изучали советские ученые (В. Н. Кудрявцев, Д. П. Котов, Б. Я. Петелин, Н. А. Стручков, С. А. Тарарухин и др.), многие ее вопросы ждут своего разрешения. Причем не только в уголовном и уголовно-процессуальном праве, но и в других отраслях правовой науки (например, требует серьезной и всесторонней разработки проблема установления вины в административном праве, ибо в сфере административно-правовой практики наиболее часты волюнтаристские решения, отступления от принципа вины, недооценка или игнорирование ее установления).

Вина — центральный вопрос уголовного права и процесса. От правильного решения вопроса о вине прежде всего зависит укрепление законности в деятельности органов и должностных лиц, ведущих борьбу с преступностью и другими негативными явлениями, авторитет социалистического правосудия, практическая реализация принципа социальной справедливости. Поэтому важность и правильность установления вины для определения основания, объема и пределов уголовной ответственности (состава преступления, квалификации содеянного, индивидуализации ответственности) приобретает особое значение в системе гарантий прав и свобод личности в социалистическом обществе (см.: 22. С.10).

1. Правовые гарантии установления вины. Права и свободы советских граждан, в том числе презумпция невиновности и обязанность доказывания вины гражданина компетентными органами и лицами гарантирована в нашей стране всеми средствами: экономическими, политическими, нравственными, этическими, юридическими. В праве презумпция невиновности и обязанность установления вины лица в содеянном гарантирована в СССР на всех уровнях: во-первых, конституционно; во-вторых, всей системой советского права; в-третьих, правовыми принципами как самостоятельным видом гарантий; в-четвертых, специальной регламентацией вины, как предмета доказывания по делу нормами уголовного материального и процессуального права.

Конституция СССР гарантирует гражданам СССР неприкосновенность личности в социалистическом обществе (ст. 54 Конституции СССР). Согласно Основному Закону Советского государства: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию, иначе как по приговору суда и в соответствии с законом» (ст. 160 Конституции СССР).

Выражением принципа, провозглашенного в ст. 160 Кон-

ституции СССР, в уголовном праве выступает принцип вины, закрепленный в ст. 3 Основ уголовного законодательства, а в уголовно-процессуальном праве — презумпция невиновности, как проявление уголовно-правового принципа вины (ч. 2 ст. 7 Основ уголовного судопроизводства). Практическая реализация названных правовых принципов осуществляется путем точного и достоверного установления вины лица при осуществлении правосудия на основании и в порядке, установленном законом (ст. 3 УК РСФСР, ст. 68, п. 2, ст. 77, 150, 205, 211, 222, 250, 278, 279, 303, 314 и др.). Любой «сбой» на стадии реализации этих принципов, любое отступление от презумпции невиновности будет грубейшим нарушением социалистической законности, оно порождает произвол, ведет к несправедливости, а в итоге — к осуждению невиновного. Между тем одна из целей правосудия состоит в том, «чтобы ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден» (ч. 1 ст. 2 Основ уголовного судопроизводства). Сказанное в равной мере относится и к другим отраслям права и правоприменения (например, к административному — ст. 7 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях, ст. 10, 11, 12 КАП РСФСР).

Необратимый процесс социально-экономических преобразований в советском обществе, начатый апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС и подтвержденный XXVII съездом КПСС, демократизация общественных отношений, обстановка гласности, правды и социальной справедливости должны привести к усилению экономических, политических, нравственных, этических, юридических гарантий прав и законных интересов граждан в социалистическом обществе", в том числе и при принятии решений о виновности (невиновности) лица и его ответственности. Причем социально-экономический, научно-технический и духовный прогресс советского общества способствует расширению, развитию и совершенствованию правовых гарантий прав и законных интересов личности в социалистическом обществе.

2. Понятие установления вины можно правильно сформулировать и раскрыть, если исходить, с одной стороны, из признания самостоятельности, а с другой, — неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости уголовного и уголовно-процессуального права. На наш взгляд, следует различать установление вины в материальном (уголовно-правовом) и процессуальном (уголовно-процессуальном) значении.

В уголовно-правовом значении установить вину — это установить в общественно опасном деянии субъекта умысел или неосторожность, определить конкретную форму вины и раскрыть ее содержание и направленность, выявить мотивы и цели содеянного, а также иные признаки, характеризующие субъективную сторону конкретных составов преступлений, указанные в законе, и, наконец, определить конкретную степень вины субъекта в совершении данного деяния (ст. 3, 7, 8, 9, 15, 17 и др. УК РСФСР). Причем, прежде чем ставить вопрос о вине субъекта, следует разрешить вопрос о наличии (или отсутствии) субъективных условий вины и уголовной ответственности: вменяемости (невменяемости) и возраста (ст. 10, 11, 12 УК РСФСР). Содержательная сторона вины как предмета доказывания, таким образом, определяется уголовным законом. Им же определяется и объем вины, ее формы, содержания и степени. Вот почему представляется важным совершенствование законодательной техники описания в законе признаков вины (субъективной стороны преступления) в нормах Общей и Особенной части уголовного законодательства, наряду, но не в ущерб другим элементам и признакам состава преступления. Вина — заключительный этап в установлении состава преступления, т. е. самого основания уголовной ответственности лица, после чего разрешается вопрос о мере этой ответственности либо освобождении от нее по основаниям, названным в уголовном законе.

В уголовно-процессуальном значении установить вину субъекта — это в установленном законом порядке, при помощи процессуальных средств и криминалистических методов доказать вину лица: сам факт виновности (или невиновности) субъекта, форму, содержание и степень его вины, мотивы и цели совершения преступления, другие признаки субъективной стороны, указанные в уголовном законе; обосновать виновность (невиновность) субъекта, форму, содержание и степень его вины фактическими обстоятельствами дела в их совокупности и отразить результаты установления вины субъекта в приговоре и других процессуальных документах. Только тогда приговор о виновности (невиновности) субъекта можно признать законным и обоснованным (см. : 22. С. 9).

3. Процесс установления вины — многоэтапный, сложный, динамический, а главное — творческий. Здесь необходима политическая зрелость, нравственная чистота, высокий профессионализм, принципиальность и бескомпромиссность.

Сам процесс установления вины состоит из решения в строгой логической последовательности целого ряда вполне определенных и взаимосвязанных между собой вопросов, ответ на которые должен привести суд к однозначному решению; о наличии либо отсутствии вины субъекта в совершении общественно опасного деяния. В случае положительного ответа на вопрос о виновности, решается вопрос о ее форме, содержании и степени.

В силу специфичности предмета доказывания установление вины в ряде случаев представляет большие трудности, которые объясняются, с одной стороны, сложностью установления психологических компонентов, составляющих вину (интеллектуального, волевого и эмоционального), и, с другой, тем, что «у человека нет никаких специальных умственных орудий для познания психических фактов, вроде внутреннего чувства или психического зрения, которое, сливаясь с познаваемым, познавало бы продукты сознания непосредственно, по существу» (15. С. 172). На сложность решения этих вопросов указывал В. И. Ленин, подчеркивая, что «...бывают случаи, когда очень нелегко решить, было ли это. вполне справедливое и даже обязательное убийство (например, необходимая оборона) или непростительная небрежность, или даже тонко проведенный коварный план» (8. С.52). И это понятно.

Суд должен исследовать не только внешнюю сторону действий субъекта, но и внутреннюю психологическую сторону, проникнуть в «помыслы и чувства» человека (см. : 3. С. 423—424). Суду необходимо выяснить, такие психологические факторы поведения лица, как мотивы и цели, характер и объем предвидения, направленность воли и т. д. Не случайно, именно в этих вопросах следственными органами и судами допускаются ошибки. По нашим данным, каждая третья судебная ошибка связана с неправильным установлением вины, а в 3/4 случаев неправильной квалификации — ошибка касалась субъективной стороны преступления. Проведенный нами анализ характера судебных ошибок, связанных с неправильным установлением субъективной стороны преступления, повлекших отмену или изменение приговоров (определений) в отношении 1580 лиц, показал, что причиной изменения или отмены приговоров (определений) судов первой инстанции вышестоящими судебными органами, явились: отсутствие вины осужденного — 11,6%, неправильное признание лица виновным — 3,2%/п, осуждение за умышленное преступление, тогда как в действительности имела место неосторожность лица — 3,0%,

неправильное установление мотива преступления — 6,2%, неправильное установление цели преступления — 2,8%, неучет степени вины лица — 4,9%, неправильное толкование уголовного закона (признаков субъективной стороны) — 12,6%, неустановление или неправильная оценка фактических обстоятельств дела, необходимых для установления вины — 33,1 %.

Было бы серьезной ошибкой надеяться только на одни показания обвиняемого (подсудимого) о виновности его или невиновности (хотя, к сожалению, подобные факты еще не изжиты в следственной и судебной практике). Например, по изученным нами делам об убийстве свыше 50% осужденных отрицали вину (умысел или неосторожность), хотя только 10% из них оспаривали сам факт нанесения ранений или иных повреждений, приведших к смерти потерпевшего.

4. Предпосылками правильного решения вопроса о вине являются:

во-первых, знание, правильное понимание и истолкование уголовного закона (признаков, характеризующих различные формы вины) — ст. 8, 9 Основ уголовного законодательства; субъективных признаков особых форм преступной деятельности (приготовления, покушения, соучастия, группового посягательства с участием ненадлежащих субъектов) — ст. 15 и 17 Основ; признаков субъективной стороны конкретных составов преступлений, предусмотренных Особой частью уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик;

во-вторых, полное и объективное установление всех объективных и субъективных обстоятельств, причин и условий, определивших общественно опасное поведение лица, на основе которых только и возможно правильно познать внутреннюю сторону совершенного деяния, установить вину, доказать ее действительное содержание, форму и степень;

в-третьих, правильная социально-политическая, нравственно-психологическая и юридическая оценка совокупности объективных и субъективных обстоятельств, характеризующих триаду «деяние — ситуация — личность» в их взаимосвязи с элементами и особенностями психического отношения лица к деянию и его последствиям.

5. Критериями установления вины выступают три группы обстоятельств, в совокупности позволяющих решить вопрос о субъективной стороне совершенного преступления (вине). К ним относятся обстоятельства, характеризующие: а) деяние, б) обстановку, в) личность обвиняемого (подсудимого). Сис-

тема взаимосвязи «деяние — ситуация — личность» при ее тщательном анализе позволяет правильно решить вопрос о вине. Она помогает в каждом конкретном случае рассмотреть аргументацию о виновности или невиновности лица, а при установлении вины определить ее содержание, форму и степень, выявить мотивы и цели содеянного, другие признаки субъективной стороны преступления, имеющие значение для определения ответственности лица, ее дифференциации и индивидуализации в каждом конкретном случае.

Следует лишь иметь в виду, что связь триады «деяние — ситуация — личность» с виной и ее формой может быть однозначной или многозначной. В первом случае обстоятельства, определяющие систему взаимосвязи «деяние — ситуация — личность», могут оказаться достаточными для достоверного вывода о вине, ее содержании, форме и степени, во втором — нет.

Фактические обстоятельства, характеризующие систему «деяние — ситуация — личность», могут в ней сочетаться самым различным образом. При этом то или иное обстоятельство, входящее в указанную триаду, может приобретать решающее значение для конечного вывода о вине и ее форме, содержании и степени (разумеется, в совокупности с другими фактическими обстоятельствами). Это определяет и те методы, с помощью которых органы правосудия устанавливают вину субъекта (например, метод «зависимого соответствия», метод «свободного соответствия», метод «акцентирования») и избегают судебных ошибок (см. : 18. С. 124—127; 19. С. 85—90).

6. Методологический подход к установлению вины должен быть четким и однозначным: марксистско-ленинским, диалектическим. Это единственный метод, позволяющий практически познать истину. Он означает, что исследование любых фактов, событий и явлений (в том числе антиобщественных) должно проводиться в их динамике, взаимосвязи, взаимозависимости и взаимообусловленности, а не в метафизической изолированности, в состоянии покоя и неподвижности.

Методология (марксистско-ленинская теория отражения и учение о детерминированности и свободе воли, принципиальные положения материалистической психологии о познаваемости внутреннего мира человека, его психики на основе изучения продуктов общественной деятельности человека) — база для положительного решения вопроса о вине лица и его ответственности,

С позиций марксистско-ленинской теории отражения, психические процессы (и вина как психический процесс) представляют собой отражение объективной действительности, окружающего мира, включая социальные условия жизни и деятельности человека, потому что «наши ощущения, наше сознание есть лишь образ внешнего мира» (4. С.66), «сколок с действительности» (15, С. 466). В. И. Ленин подчеркивал, что «природная» и общественная среда служит материалом, объектом духовной жизни личности, «отражается в ее «помыслах и чувствах» с положительной или отрицательной стороны» (3. С. 423).

Психическое отношение лица определяется его потребностями, интересами, убеждениями, системой его ценностных ориентации, т. е. его социальной позицией, сформировавшейся под влиянием окружающей среды и системы воспитания. От социальной позиции личности (позитивной или негативной) зависит содержание отражаемых сознанием субъекта социально-ценностных фактов окружающей среды. Особенностью психики человека является его способность правильно воспринимать и отражать объективную действительность, а следовательно, способность сознавать фактическую сторону совершаемого, их социальную значимость, способность руководить своими действиями и предвидеть их результаты (разумеется, речь не идет о лицах малолетних, невменяемых, или оказавшихся в ситуации казуса).

Поэтому человек вменяемый может быть виновным и ответственным за свои действия и их результаты, поскольку отражение человека есть одновременно и его отношение к социальным ценностям и интересам, к окружающей действительности. «В психике и в сознании осуществляется и отражение действительности и отношение к ней. Вместе с тем, — писал В. Н. Мясищев, — оба эти понятия представляют собой единство, потому что в них дано отражение единым субъектом объективной действительности» (13. С. 109).

Внешние факторы и внутренние побуждения детерминируют общественное поведение человека, проходя через его сознание и волю. Интересы и потребности личности, преломляясь в ее сознании, порождают цели и мотивы, которые, в свою очередь, детерминируют дальнейшее поведение человека: общественно полезное, либр антиобщественное. Воля выступает одной из форм отражения действительности, а в основе воли лежат воздействия объективного мира. Волевые дей-

ствия детерминированы внешними условиями окружающей среды, подчинены определенным закономерностям, включены в определенные общественные связи и зависимости. Воздействие внешней среды на личность оказывает влияние на формирование ее отношения к окружающему, на ее желания, намерения, характер поведения.

Познание человеком законов развития природы и общества открывает ему возможность правильно ориентироваться в конкретной ситуации, верно оценивать факты и явления окружающей действительности и сознательно определять свое общественное поведение по отношению к внешней среде — к обществу, к другим членам общества. Поэтому свобода воли человека состоит не в воображаемой независимости от законов природы и общества, это не есть «продукт чисто биологического характера», как пытаются представить буржуазные психологи и юристы, а, напротив, — познание законов естественного и общественного развития определяет способность человека действовать разумно, подчиняя личный интерес общественной необходимости. Свобода воли означает, следовательно, «способность принимать решения со знанием дела» (2. С.116). И эта способность человека служит основанием его ответственности за выбранный из возможных вариантов антиобщественного поведения.

Содержанием вины является психическое отражение в сознании лица объективных признаков конкретной ситуации (обстановки) и совершаемого им деяния как до преступления («опережающее отражение»), так и во время, и после него (уже «за пределами вины», как оценка содеянного субъектом). Это позволяет понять, какие именно объективные признаки преступления отразились в вине лица; дает возможность установить конкретное содержание умысла или неосторожности, раскрыть мотивы и цели совершения преступления. Следует лишь иметь в виду, что предметным содержанием вины (умысла и неосторожности) могут быть только объективные признаки преступления, но, отнюдь, не признаки субъекта и субъективной стороны преступления.

Единство сознания и деятельности субъекта, т. е. единство объективного и субъективного, — основа подлинно научного познания психологической природы общественного поведения человека. Принцип познания психики человека (вины) через посредство его деятельности — основной методологический принцип, которым пользуется правовая наука при разрешении вопроса о вине и ответственности человека за общественно

опасное поведение, предусмотренное и определенное законом как преступление. Вместе с тем нужно избегать упрощенного, примитивного понимания возможности познания психического отношения (вины) на основе внешнего поведения человека.

Содержание вины (субъективной стороны преступления) не раскрывается непосредственно. Оно обнаруживается опосредованным образом. Психологи исходят из того, что между сознанием и поведением человека всегда существует связь, в силу которой внутренняя психологическая природа акта деятельности сказывается и на внешнем его протекании. «Однако это отношение между ними не зеркально; их единство — не автоматическое совпадение; оно не всегда адекватно... Если бы оно всегда было адекватно, зеркально, так, что каждый совершенный акт не требовал бы никакого истолкования для квалификации его внутренней природы, психологическое познание было бы излишним» (14. С. 24).

Вина — часть объективной истины. В качестве предмета доказывания она подлежит точному и достоверному установлению по каждому уголовному делу. Приговор суда о виновности лица будет законным и обоснованным только в том случае, когда он правильно отразит имевшие место в действительности умысел или неосторожность субъекта. Поэтому представляется неприемлемой точка зрения тех, кто считает, что вина лица может устанавливаться на основе вероятности, хотя, дескать, вероятность может улучшать, но не ухудшать положение подсудимого (см. : 16. С. 11).

Закон (например ст. 43 Основ уголовного судопроизводства) и положительная судебная практика придерживаются принципа, согласно которому приговор суда о виновности (невиновности) лица и о содержании, форме и степени его вины должен быть только достоверным. Вероятность совершения преступления не является основанием для категорического вывода суда о виновности подсудимого. Таким основанием служит только достоверность вывода о виновности лица в совершении данного преступления. Недопустимо обоснование приговора суда о виновности (невиновности) лица на предположениях (см. : 22. С. 9), на соображениях вероятности тех или иных фактов. Как бы ни была высока вероятность виновности лица, пока это есть вероятность, всегда имеется и вероятность обратного, т. е. его невиновности. Даже самая высокая степень вероятности не может служить гарантом от ошибочного решения вопроса о виновности (невиновности) лица. Следует согласиться с теми процессуалистами, кто

считает, что вероятное знание может быть основой для разрешения процессуальных вопросов промежуточного или сопутствующего характера (например, о возбуждении уголовного дела, задержании подозреваемого, производстве обыска и т. п.). Что же касается вины — конечной цели доказывания, то вывод о ее доказанности может быть только достоверным (см.: 21. С. 227—230; 20. С. 10).

Вина (умысел или неосторожность), в этом ее особенность, представляет, с одной стороны, «кусочек реальной действительности и отражение действительности» (14. С. 5), с другой, — вина лица проявляется в совершенном им деянии, а сознательная цель как закон определяет способ и характер действий человека. Поэтому марксистско-ленинская методология исходит из принципиальной возможности познания вины лица на основе анализа его поведения. К. Маркс писал: «Какое объективное мерило можем мы приложить к намерению, помимо содержания действия и его формы» (1. С. 122). В. И. Ленин развил эту мысль дальше: «По каким признакам судить нам о реальных «помыслах и чувствах» реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей, — а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: общественные действия личностей, т. е. социальные факты» (3. С. 423—424). Отсюда видно, что критериями установления вины являются «содержание и форма действия» (по К. Марксу), «общественные действия личностей, т. е. социальные факты» (по В. И. Ленину), что в переводе на язык уголовного права и процесса означает совокупность фактических обстоятельств, характеризующих триаду «деяние — ситуация — личность» (см.: 17. С. 37--51). Возможность познания вины лица через действия (бездействия) его определяется тем, что в действии «как в «клеточке» или «ячейке», представлены зачатки всех элементов или сторон психики» (14. С. 176). Поэтому внимательное исследование поведения субъекта позволяет правильно понять его сознание, направленность его воли, мотивы и цели его преступной деятельности, т. е. установить вину лица, раскрыть ее содержание, форму и степень. Заметим, что в последние годы среди ученых и практиков обсуждается вопрос о возможности использования инструментальных методов исследования для доказывания вины обвиняемого (подсудимого). Мы считаем, что такие методы в принципе могут быть использованы для решения некоторых процессуальных и криминалистических вопросов (например,

раскрытия и расследования преступлений). Для доказывания вины подобные методы, на наш взгляд, неприемлемы (из-за многозначности истолкования результатов, получаемых, в частности, путем применения таких методов.

Принципиальное методологическое значение для раскрытия психологической природы преступления (вины) имеет марксистско-ленинский подход к фактам при разрешении сложных и трудных вопросов, к числу которых бесспорно относится вопрос о виновности (невиновности) лица. «Факты,— писал В. И. Ленин, — если их взять в целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь... Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность без единого исключения... Точные факты, бесспорные факты — вот что... особенно необходимо, если хотите серьезно разобраться в сложном и трудном вопросе» (7. С.350—352).

Итак, марксистско-ленинский методологический подход к установлению вины состоит в том, что для вывода о виновности (невиновности) лица нужны не просто факты, а совокупность фактов. Под совокупностью объективных и субъективных фактических обстоятельств (критериев), с помощью которых устанавливается субъективная сторона преступления, мы понимаем объем и характер фактических обстоятельств, относящихся к деянию, конкретной ситуации (обстановке) его совершения и к личности, совершившей, деяние, существенных, необходимых и достаточных для установления вины, ее содержания, формы и степени. Объем фактических обстоятельств выражает количественную сторону совокупности, а их характер — ее качественную сторону. Разрешение вопроса о вине на основе совокупности фактических обстоятельств дела способствует предотвращению возможных судебных ошибок.

Правильная социально-политическая, нравственно-психологическая и юридическая оценка фактических обстоятельств — важнейший этап в установлении вины. Факт еще не вся истина. Это лишь «фундамент», позволяющий установить содержание психического отношения человека к деянию. И сложность состоит в том, что «один и тот же материал дает диаметрально противоположные выводы при различных приемах группировки» (5. С. 190). Вывод о виновности (невиновности) лица относится к особой разновидности познания. И задача суда в том и состоит, чтобы правильно оценить установленные фактические обстоятельства и на их основе рас-

крыть связь между фактическими обстоятельствами, характеризующими деяние, ситуацию и личность, а также и элементами и признаками, определяющими психическое отношение лица к деянию и его последствиям, т. е. вину (умысел или неосторожность), ее содержание и форму.

С позиций материалистической психологии каждый отдельный акт поведения допускает обычно различное психологическое истолкование. Внутреннее психологическое содержание поведения определяется обычно не по изолированно взятому акту, не по отдельному фрагменту, а по системе действий.

Лишь учитывая деятельность индивида, а не только какой-нибудь изолированный акт, и соотнося ее с теми конкретными условиями, в которых она совершается, можно адекватно раскрыть то внутреннее содержание поведения, которое может быть угадено в высказываниях человека, но обнаружено в его действиях. Далее. Один и тот же внешний результат может иметь самое различное психологическое содержание в зависимости от того, в какой конкретной ситуации он имел место. Поэтому «раскрытие психологического содержания результатов каждого объективного исследования, исходящего из внешних данных, его расшифровка и правильная интерпретация требует обязательного учета, а значит, и изучения конкретной личности и в конкретной ситуации» (14.С.29, 31).

Содержание субъективной стороны преступления чаще всего не раскрывается непосредственно из характера действий лица. Один и тот же результат имеет различное психологическое содержание в зависимости от особенностей конкретной ситуации и индивидуально-личностных особенностей субъекта. Например, удар ножом в грудь еще не определяет однозначно содержание субъективной стороны содеянного. Это может быть и акт необходимой обороны, и умышленное убийство, и умышленное нанесение телесных повреждений, и хулиганство, и даже неосторожное убийство. Равным образом факт недостачи материальных ценностей может свидетельствовать и о халатности, и о злоупотреблении служебным положением, о хищении социалистической собственности, и об отсутствии преступления вообще. Материалистическая психология исходит из того, что «отдельный изолированно взятый, как бы выхваченный из контекста акт поведения обычно допускает самые различные истолкования. Его внутреннее содержание и подлинный смысл обычно раскрывается лишь на основе

более или менее обширного контекста жизни и деятельности человека — так же, как смысл фразы часто раскрывается из контекста речи, а не определяется однозначно лишь словарным значением составляющих ее слов» (14. С. 24).

Таким образом, чтобы правильно установить содержание вины, ее форму, мотивы и цели преступной деятельности, необходимо в диалектическом единстве, взаимосвязи и взаимозависимости исследовать и правильно оценить всю совокупность обстоятельств, характеризующих деяние, ситуацию и личность, не только между собой, но, и это главное, — в диалектическом единстве с элементами и признаками психологического отношения, составляющего вину, в их динамике или, по В. И. Ленину, в их «самодвижении» (см. : 6. С. 317).

В основе гносеологического познания субъективной стороны преступления (вины) лежит закономерная связь внешнего и внутреннего преступления, отражаемая категориями «явления» и «сущность». И здесь важное значение имеет применение марксистско-ленинского диалектического метода, который предполагает «бесконечный процесс раскрытия н о в ы х сторон, отношений... бесконечный процесс углубления познания человеком вещи, явлений, процессов и т. д. от явлений к сущности и от менее глубокой к более- глубокой сущности» (6. С. 203). Для этого при установлении вины одной из разновидностей познания необходимо соблюдение методологического принципа — единства анализа и синтеза объективных и субъективных обстоятельств, характеризующих преступление. «Соединение анализа и синтеза, — писал В. И. Ленин, — разборка отдельных частей и совокупность, суммирование этих частей вместе» (6. С. 202) есть один из важнейших элементов диалектики.

Всесторонность «предостерегает от ошибок и от омертвления» (9. С. 290). Поэтому только всесторонний и внимательный анализ действий обвиняемого (подсудимого), конкретной ситуаций, в которой совершались эти действия, и личности деятеля в их совокупностей, — ключ к правильному решению вопроса о вине. При этом следует иметь в виду, что поскольку личность и ситуация в реальной действительности не ограничиваются психологическими рамками, установление вины требует тщательного учета целого ряда других моментов (социальных, биологических, психо-физиологических и др.) Разумеется, могут быть простые и более сложные случаи, но только рассмотренный подход к установлению вины гарантирует от возможных ошибок при решении этого вопроса. Имен-

но на такой подход к установлению вины и психологических компонентов, ее составляющих, постоянно ориентируют суды, высшие судебные инстанции страны и республики — Верховный Суд СССР и Верховный Суд РСФСР в руководящих постановлениях, а также в постановлениях и определениях по некоторым категориям дел и по конкретным делам.

7. Основные начала (исходные положения) установления вины, таким образом, — это совокупность методологических, теоретических и методических требований, базирующихся на принципиальных положениях марксистско-ленинской философии, материалистической психологии, выводах уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и криминалистической науки, действующем законодательстве и положительной судебной практике, которые помогают разрешить вопрос о психологической природе совершенного общественно опасного деяния, квалифицируемого законом как преступление, и, позволяют суду прийти к однозначному и достоверному выводу о наличии (отсутствии) вины субъекта, о содержании, форме и степени этой вины, чтобы выполнить все последующие цели, стоящие перед правосудием.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1.
2. Там же. Соч. Т. 20.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1.
4. Там же. Т. 18.
5. Там же. Т. 27.
6. Там же. Т. 29.
7. Там же. Т. 30.
8. Там же. Т. 41.
9. Там же. Т. 42.
10. Материалы XXVII съезда КПСС. М. : Политиздат, 1986.
11. Постановление ЦК КПСС от 4 июня 1987 г. «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка»//Правда. 1987. 19 июня.
12. Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 24 июня 1987 г. «О работе органов юстиции по правовому обслуживанию населения»//Ведомостп Верхов. Совета СССР. 1987. № 30.
13. Мясищев В. Н. Личность и неврозы. М. : Изд-во МГУ, 1960.
14. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946.
15. Сеченов И. М. Избранные произведения. М., 1952. Т. 1.
16. Курылев С. В. Установление истины в советском правосудии: Автореф... дис... д-ра юрид. наук. М, 1967.

17. Михеев Р. И. Обстоятельства, на основе которых устанавливается умышленная вина: Учен. зап. Дальневост. гос. ун-та. Т. 30. Владивосток, 1969.
18. Петелин Б. Я. Методы установления вины // Сов. государство и право. 1983. № 10.
19. Резниченко И. М., Майков Г. А. Анализ неосторожности в защитительной речи адвоката // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью/ Дальневост. ун-т. Владивосток, 1976.
20. Соловьев А. Д. Процессуальные вопросы установления истины на предварительном следствии: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1969.
21. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1.
22. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1987. № 1.

В. Г. Заблоцкий

О ПОДХОДЕ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ВИНОВНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Для обеспечения эффективности борьбы с преступлениями наше государство требует от органов предварительного расследования и суда, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства¹, ст. 2 УПК РСФСР²). В соответствии с этим требованием ст. 15 ОУС (ст. 68 УПК РСФСР) предусматривает, что наряду с другими обстоятельствами подлежит доказыванию и виновность обвиняемого в совершении преступления (п.2), а ст. 43 ОУС (ст. 309 УПК РСФСР) указывает, что обвинительный приговор постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана.

Виновность обвиняемого в совершении преступления является, следовательно, своеобразным объектом (или частью объекта) познания в уголовном деле и в таком качестве она представляет собой определенную совокупность элементов психического процесса, обеспечивающего регуляцию преступного поведения. Ведь уголовный процесс, как известно, есть форма (способ, средство) реализации уголовной ответственности, а осуществляемое в нем доказывание направлено на установление необходимых для ее реализации предпосылок, т. е. совокупности фактических обстоятельств (признаков) исследуемого деяния, соответствующих юридическим признакам

¹ В дальнейшем сокращено: «ОУС».

² Ссылаясь здесь и в дальнейшем на статьи УПК и УК РСФСР, мы имеем в виду также и соответствующие им статьи УПК и УК других союзных республик.

состава конкретного преступления. Для выявления же их соответствия возникает необходимость в постоянном соотношении фактических обстоятельств дела в процессе их установления с юридическими признаками того или иного состава преступления. В результате такой деятельности, когда устанавливаются все фактические обстоятельства (признаки) исследуемого деяния, завершается процесс его квалификации (см. : 11. С. 7—20; 10. С. 57—63). Отсюда следует, что уголовно-процессуальные термины, обозначающие подлежащие доказыванию по делу обстоятельства, должны быть подчинены терминам уголовно-правовым, обозначающим признаки состава преступления, и должны конкретизировать последние применительно к задачам доказывания фактических обстоятельств уголовного дела.

Поскольку же одним из необходимых элементов состава любого преступления является его субъективная сторона (или вина лица), то среди подлежащих доказыванию обстоятельств уголовного дела должно быть и соотносимое с ним обстоятельство, признаки которого при исследовании деяния сопоставляются с юридическими признаками данного элемента состава преступления для выяснения соответствия между ними. Если же такое обстоятельство в процессе исследования деяния соотносится с субъективной стороной состава преступления (или виной лица), то оно должно, разумеется, представлять собой тоже субъективную сторону исследуемого деяния, а обозначение такого обстоятельства в уголовно-процессуальном законодательстве должно быть соотносимым с обозначением данного элемента состава преступления, быть производным от него и однозначным с ним. Именно это и наблюдается в ст. 15 ОУС (ст. 68 УПК РСФСР), где среди обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, наряду с объективными обстоятельствами исследуемого деяния указана виновность обвиняемого в совершении преступления (п.2), отражающая, несомненно, его субъективную сторону (вину лица).

Поскольку закон (ст. 8 и 9 Основ уголовного законодательства¹, ст. 8 и 9 УК РСФСР) предусматривает две формы вины, каждая из которых, в свою очередь, подразделяется на два вида, то все это указывает на довольно широкий диапазон в преступных проявлениях элементов их субъективной стороны. Поэтому для успешного познания данного объекта

¹ В дальнейшем сокращено: «ОУЗ».

субъектом доказывания последнему необходимо иметь четкое и правильное представление о характере и объеме, а также о последовательности подлежащих разрешению вопросов, т. е. о предмете исследования в уголовном деле при установлении виновности обвиняемого в совершении преступления¹. Между тем данный аспект виновности обвиняемого как подлежащего доказыванию при производстве по делу обстоятельства не привлек еще к себе должного внимания ученых и не получил своего разрешения в юридической литературе. К тому же его разрешение сопряжено со значительными трудностями. Обусловлены они тем, что установление виновности лица в совершении преступления органически связано, как уже отмечалось, с установлением в его деянии состава преступления, а законодательные конструкции составов конкретных преступлений содержат указания только на некоторые из числа всех возможных в преступных проявлениях элементов субъективной стороны, предусматривающие в качестве субъективной предпосылки уголовной ответственности не только ту или иную форму вины, но и вид умысла или неосторожности. Ведь конкретное психическое отношение лица к общественно опасному деянию и последствиям своего деяния в момент его совершения — «это те рамки, в которых отрицательное отношение лица к интересам общества составляет сущность вины и обуславливает ответственность субъекта. Помимо этих рамок не выразившееся в преступлении отрицательное отношение лица к интересам общества к понятию вины не принадлежит и уголовную ответственность не обуславливает» (5.С.67—68). О наличии же у лица порицаемого уголовным законом негативного отношения к нарушенным его деянием, интересам общества можно судить, только установив, что отношение лица к деянию и последствиям своего деяния в момент его совершения соответствует законодательным определениям форм вины. Иначе говоря, вне социально-политической и правовой оценки субъективной стороны совершенного лицом деяния (и самого деяния) нельзя говорить о его виновности в совершении преступления. Как известно, квалификация преступления представляет собой процесс, который завершается установлением и оценкой с точки зрения уголовного закона всей совокупности юридически значимых фактических обсто-

¹ Говоря о предмете исследования, мы имеем в виду обстоятельства или элементы именно субъективной стороны Деяния, а не объективной его стороны, на основе или посредством исследования которых устанавливается виновность (вина) лица в совершении преступления.

ятельств совершенного лицом деяния, в том числе и субъективной его стороны (см. : 11. С. 20, 70). Доказанность совершения общественно опасного деяния определенным лицом и его виновности в совершении преступления служит, таким образом, основой для установления в деянии состава преступления, а выявление соответствия внешней и внутренней сторон совершенного лицом деяния юридическим признакам состава данного преступления выступает, в свою очередь, в качестве необходимого условия для оценки психического отношения лица к деянию и последствиям своего деяния в момент его совершения как виновности лица в совершении преступления. В силу органической взаимосвязи установления виновности лица и состава преступления в его деянии как раз и возникает нечто вроде «заколдованного круга» в определении характера и объема вопросов, подлежащих разрешению при установлении виновности обвиняемого в совершении преступления, чтобы определить, какие именно элементы субъективной стороны совершенного лицом деяния подлежат выяснению, необходимо, оказывается, знать, о составе какого преступления идет речь в рассматриваемом случае. Для определения же вида состава преступления наряду с фактическими признаками (обстоятельствами) объективной стороны совершенного лицом деяния требуется оценить и фактические признаки (обстоятельства) субъективной стороны с точки-зрения их соответствия юридическим признакам состава конкретного преступления. Для производства же указанной операции элементы (обстоятельства) субъективной стороны деяния должны быть уже известны, установлены.

Взаимосвязь и зависимость между элементами психического процесса, обеспечивающего регуляцию преступного поведения, свидетельствует о его единстве. Поэтому для преодоления трудностей в определении предмета исследования при установлении виновности обвиняемого в качестве необходимых следует рассматривать все те элементы субъективной стороны из многообразия их в преступных проявлениях, которые в принципе могут иметь юридическое значение. Знания такой их совокупности станет надежной предпосылкой для правильного суждения о содержании и форме вины лица и, таким образом, о наличии в его деянии состава преступления.

Предлагаемый подход к исследованию элементов субъективной стороны деяния при доказывании виновности обвиняемого в совершении преступления соответствует требованиям диалектики и закона о всесторонности, полноте и объ-

ективности исследования всех обстоятельств уголовного дела, среди которых данное обстоятельство не представляет собой исключения. К тому же при этом подходе не вносятся каких-либо осложнений в деятельность субъектов доказывания, ибо решения о характере и содержании всей совокупности элементов субъективной стороны деяния они будут принимать на основе тех же фактических обстоятельств уголовного дела в результате психологической их интерпретации. При ином подходе изложенные выше трудности оказываются непреодолимыми. Не случайно ведь даже в немногочисленных исследованиях авторы по-разному определяют как характер и объем, так и последовательность подлежащих выяснению вопросов при установлении виновности (вины) обвиняемого в совершении преступления.

Так, по мнению В. Я. Дорохова и В. С. Николаева, при разрешении вопроса о виновности лица суду необходимо: 1) выяснить, предвидел ли и мог ли предвидеть подсудимый наступившие последствия; 2) убедиться в том, сознавал ли подсудимый преступный характер своих действий и последствий, которые они за собой повлекли; 3) установить форму вины — умысел или неосторожность; 4) выявить мотивы, которыми руководствовался подсудимый, и цель, которую он преследовал, совершая преступление; 5) установить степень его вины; 6) установить вид умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (самонадеянность или небрежность) (см.: 8.С.107—114).

Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин полагают, что для выяснения виновности лица в совершении преступления по каждому делу необходимо проверить: «Предвидело ли или должно было и могло ли предвидеть оно общественно опасный характер своих действий (бездействия) и их вредные последствия. Если собранные фактические данные свидетельствуют о виновности субъекта правонарушения, то следует конкретизировать формы и степень его вины — установить, умышленно или по неосторожности совершено им преступное деяние и каковы его роль и фактическое участие данного лица в осуществлении преступных намерений и достижении их результата. Вместе с тем надо выяснить мотив и цель преступления, вскрыть те побудительные факторы и стремления, которые толкнули виновного на общественно опасные действия» (9. С. 101).

Согласно же мнению М. Нокербекова, виновность обвиняемого устанавливает и характеризует следующая «совокуп-

ность обстоятельств»: 1) событие я объективные признаки преступления; 2) кто совершил преступление; 3) мотив и цель совершения преступления; 4) сознавало ли лицо, совершившее преступление, общественно опасный характер своего действия или бездействия; 5) предвидело ли это лицо общественно опасные последствия своего действия или бездействия; 6) желало ли оно наступления этих последствий; 7) сознательно ли допускало наступление этих последствий; 8) предвидело ли возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния или бездействия; 9) легкомысленно рассчитывало ли на предотвращение наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия; 10) не предвидело ли лицо возможность наступления таких последствий; И) должно ли оно было предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий; 12) могло ли предвидеть возможность наступления их; 13) обстоятельства, предшествовавшие совершению преступления; 14) обстоятельства, сопутствовавшие совершению преступления; 15) обстоятельства, последовавшие за совершением преступления. При этом автор поясняет, что наличие обстоятельств, указанных в пп. 1—6 и 13—15, устанавливает и характеризует прямой, а в пп. 1—5, 7, 13—15 — косвенный умысел. Наличие же обстоятельств, указанных в пп. 1—3, 8—9, 13—15, устанавливает и характеризует самонадеянность, а в пп. 1—3 и 10—15 — небрежность (см.: 13. С. 14—15).

С В. Бородин и другие авторы пришли к выводу, что по делам об убийствах «при доказывании вины подсудимого суд прежде всего решает вопрос об отграничении ее от случайного причинения смерти... Затем подлежит доказыванию форма вины подсудимого» (4. С. 89; 12. С. 166). В последней работе авторы дополнительно указывают на важное значение установления мотива и цели преступления (см.: 12. С.167).

Иной подход к определению предмета исследования при установлении виновности обвиняемого предложили П. С. Дагель и Р. И. Михеев, которые справедливо при этом отметили, что приведенные мнения либо «не в полном объеме охватывают законодательные признаки субъективной стороны, подлежащие установлению при разрешении уголовного дела, или не совсем последовательны логически, либо им присущи оба указанных недостатка» (6. С 151). Авторы исходят при этом из того, что характер и объем вопросов, подлежащих разрешению при установлении вины лица, должен определяться совокупностью законодательных признаков умысла и неосто-

рожности, а также специфическими признаками субъективной стороны того или иного состава преступления (6. С. 148). Вместе с тем они предпочли говорить не о «предмете исследования», а о «логической программе установления вины», переименовав ее позднее в «алгоритм установления вины» (7..С.26—27). Программа (алгоритм), по их мнению, представляет собой «строго определенный, исчерпывающий круг вопросов и порядок их разрешения при выяснении субъективной стороны преступления. Причем это такой порядок разрешения вопросов при определении вины, ее содержания, формы и степени, — уточняют авторы, — при котором разрешение каждого предыдущего вопроса дает основание для разрешения последующего и позволяет сделать общий однозначный вывод о субъективной стороне совершенного деяния» (6.С.147).

Поскольку уже речь идет о доказывании определенной совокупности элементов внутренней, психической стороны преступных проявлений, т. е. о их познании, ибо «доказывание есть вообще опосредствованное познание» (1.С.133), то круг подлежащих разрешению при этом вопросов предпочтительнее называть не программой или алгоритмом, а предметом познания или доказывания. Применительно к познанию термин «предмет» в философии обозначает «зафиксированные в опыте и включенные в процесс практической деятельности человека стороны, свойства и отношения объектов, исследуемые с определенной целью в данных условиях и обстоятельствах» (2 С. 379), а в словарном значении — «то, на что направлена познавательная или творческая деятельность» (3. С. 366). Термин же «программа» в сочетании с термином «познание» не употребляется; программа обозначает «содержание и план предстоящей деятельности, работы и т. п.» (3. С. 476). В связи с этим программу предстоящей деятельности субъекта доказывания и способы составляющих ее действий нужно рассматривать лишь в качестве того пути, который избран им для изучения определенных отношений и сторон данного объекта, включенных в процесс познания, т. е. его предмета. Обратимся же, однако, к сути самой упомянутой «логической программы».

П. С. Дагель и Р. И. Михеев полагают, что для «установления вины следует выяснить, во-первых, каково было психическое отношение (обвижаемого.-В.З.) к объективным обстоятельствам, фактически имевшим место; во-вторых, что на самом деле охватывалось сознанием и волей субъекта во время

совершения общественно опасного деяния» (6. С. 153). Чтобы достичь этого, авторы предложили осуществить последовательно ряд мероприятий. По их мнению: 1) «специально должен быть исследован вопрос о мотивах и цели совершения деяния, без чего во многих случаях невозможно правильно решить вопрос ни о содержании, ни о форме вины обвиняемого...; 2) в необходимых случаях следует поставить и разрешить вопрос о наличии или отсутствии обстоятельств, исключающих виновность деяния или влияющих на характер субъективной стороны...; 3) на этой основе необходимо решить, сознавал или не сознавал обвиняемый общественно опасный характер своего деяния, а если не сознавал, то должен был или мог ли он сознавать...; 4) после выяснения указанных выше вопросов, решается вопрос о форме вины обвиняемого, т. е. о наличии в его действиях умысла прямого или косвенного, либо самонадеянности или небрежности. Этот вопрос решается путем установления совпадения признаков уже выясненного психологического отношения субъекта к деянию и его последствиям с признаками умысла или неосторожности, указанными в ст. 8 и 9 Основ...

«Установлением в деянии лица умысла или неосторожности решается вопрос о его виновности в совершении преступления», — специально отметили авторы в конце изложения своей «программы», но тут же неожиданно добавили, что «в необходимых случаях устанавливается разновидность умысла (определенный или неопределенный, простой и т. д.) или неосторожности» и «делается вывод о степени вины лица, совершившего преступление» (6. С. 153—154; 7. С. 34—36).

Даже самый общий анализ, встречающихся в литературе тех немногих (и приведенных здесь) мнений, обнаруживает не только серьезные расхождения между ними, но и некоторые общие для них недостатки.

М. Нокербеков объединил в предмете исследования обстоятельства, характеризующие (по его терминологии) виновность обвиняемого, с обстоятельствами, ее устанавливающими. В результате их смешения нельзя понять, какие же обстоятельства необходимо выяснить по делу, чтобы на их основе можно было устанавливать все юридически значимые элементы психологического механизма совершенного деяния, и вопросы, подлежащие разрешению в процессе их установления на основе таких обстоятельств.

В. Я. Дорохов и В. С. Николаев отступили не только от последовательности (логической и установленной законом)

выяснения, но и от законодательного определения признаков интеллектуального элемента вины в форме умысла. Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин «поглотили» первый из этих признаков вторым, дополнительно присоединив к их «совокупному» содержанию еще и признаки психического отношения лица к деянию и его последствиям при вине в форме неосторожности. С. В. Бородин и другие авторы сочли возможным поставить на разрешение вопрос об отграничении вины от случайного причинения вреда еще до выяснения упомянутых выше признаков, а следовательно, еще до попытки установления формы вины, ибо суд, по их мнению, доказывает форму вины после разрешения им данного вопроса, очевидно, опять-таки без постановки и разрешения вопросов о признаках интеллектуального элемента субъективной стороны. Вопреки своему же Справедливому утверждению, что для отграничения вины от субъективного случая (казуса) «необходимо вначале выяснить содержание психических компонентов, составляющих психическое отношение лица к содеянному» (6. С. 151), П. С. Дагель и Р. И. Михеев в «логической программе» предложили совсем противоположное, не видя при этом потребности в выяснении психического отношения лица еще и к последствиям содеянного, т. е. предвидения им последствий своего деяния.

При анализе приведенных мнений обнаруживается также и то, что установление формы вины нередко предлагается наряду с выяснением мотивов и цели совершения деяния и содержания интеллектуального элемента его субъективной стороны или с установлением виновности субъекта; зато установление разновидности умысла или неосторожности и степени виновности обвиняемого дается при этом почему-то даже без упоминания о необходимости выяснения содержания волевого элемента субъективной стороны совершенного лицом деяния. В итоге получается, что при избытке вопросов о признаках интеллектуального элемента субъективной стороны деяния наблюдается немалый дефицит вопросов о признаках волевого ее элемента, невосполняемый вопросами, производными от основных.

Критический анализ не исключает вместе с тем возможности сказать, что позиция П. С. Дагеля и Р. И. Михеева выгодно отличается от иных приведенных мнений, хотя не все и в их «логической программе» представляется, как уже отмечалось, безупречным, что свидетельствует о необходимости ее усовершенствования. Однако Б. Я. Петелин признал

эту «логическую программу» порочной в своей основе. Главным ее недостатком он считает то, что «в ней игнорируется гносеологическая характеристика вины как недоступного чувственному восприятию объекта следственно-судебного познания, ничего не говорится о необходимости выявления внешних форм ее проявления и конкретных методов получения данных о ней в ходе следствия и суда» (14.С.85—86).

Выступая против «логической программы», Б. Я. Петелин не учел того, что «в процессе познания вины подлежит установлению, — как справедливо заметил он сам, — весь психологический механизм преступного поведения» (14. С. 88). Поскольку это так, то необходимо определить характер и объем вопросов, разрешением которых будет обеспечиваться полнота исследования названного механизма. Но именно данные вопросы и последовательность их разрешения авторы и назвали «логической программой (алгоритмом) установления вины». Поэтому в ней не может ни игнорироваться, ни быть принятой во внимание гносеологическая характеристика вины, как не может быть и указания о необходимости выявления внешних форм выражения вины и конкретных методов получения данных о ней. О необходимости установления последних, как и о недопустимости игнорирования гносеологической характеристики вины, уместно говорить лишь при определении и установлении тех объективных обстоятельств, учет совокупности которых позволяет субъекту доказывания получить представление о субъективной стороне совершенного лицом деяния. Но чтобы исключить пробелы и ошибки при ее установлении, необходимо все же точно знать, какие вопросы и в какой последовательности должны быть при этом разрешены на основе ранее указанных объективных обстоятельствах уголовного дела.

Позиция П. С. Дагеля и Р. И. Михеева, их «логическая программа», а также высказанные ее авторами замечания о позициях других ученых, заслуживают особо пристального внимания. Развитие и дополнение ими критического анализа иных суждений позволит полнее вскрыть недостатки последних, а равно и «программы» самих авторов, что поможет в дальнейшем точнее определить предмет исследования при установлении виновности обвиняемого в совершении преступления. При этом исходным должно стать положение о том, что закон одинаково определяет умысел для всех преступлений, совершаемых умышленно (ст. 8. ОУЗ, ст. 8 УК РСФСР), равно как и неосторожность для всех преступ-

лений, совершаемых по неосторожности (ст. 9 ОУЗ, ст. 9 УК РСФСР). Для каждой формы вины и даже для каждого вида умысла (прямого или косвенного) и неосторожности (самонадеянности и небрежности) он предусматривает при этом строго определенный объем и характер признаков субъективной стороны деяния, относящихся к интеллектуальному либо к волевому элементам вины. Установленный законом объем и характер таких признаков не может быть произвольно изменен при разрешении уголовных дел в зависимости от категории или вида преступления, либо особенностей его состава. Основанием для разграничения умысла и его видов, неосторожности и ее видов служит, как известно, различное соотношение признаков интеллектуального и волевого элементов. Чтобы избежать пробелов и ошибок в каждом случае установления виновности обвиняемого, предмет исследования действительно должен охватывать полный объем законодательных признаков субъективной стороны преступных проявлений о любом преступлении, каким бы ни была его юридическая конструкция и в какой бы форме оно ни проявлялось.

1. Ленин В. И. Философские тетради // Поли. собр. соч. Т. 29.
2. Философский словарь. М., 1986.
3. Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1983. Т. 3.
4. Бородин С. В. Рассмотрение судом уголовных дел об убийствах. М.: Юрид. лит. 1964.
5. Дагель П. С. Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та. 1974.
6. Дагель П. С. Михеев Р. И. Теоретические основы установления вины. Владивосток, 1975.
7. Дагель П. С. Михеев Р. И. Алгоритм установления вины // Уголовная ответственность и ее реализация. Куйбышев, 1985.
8. Дорохов В. Я., Николаев В. С. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе. М., 1959.
9. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965.
10. Заблоцкий В. Г. Установление фактических обстоятельств уголовного дела и квалификация преступления // Правоведение. 1974. № 1.

11. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972.
12. Народный суд. Воронеж, 1970.
13. Нокербеков М. Предмет доказывания в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1964.
14. Петелин Б. Я. Методы установления вины // Сов. гос-во и право. 1983. № 10.

Н. Г. Стойко

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НЕОТВРАТИМОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И УСТАНОВЛЕНИЕ ВИНОВНОСТИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Уголовное судопроизводство представляет собой сложную полипроцессуальную и полицелевую деятельность, понимаемую так: «...специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которого составляет его целесообразное изменение и развитие» (15. С. 151; см. также: 8.С.85; 10.С.214, 223). Осуществляться она должна в соответствии с личной позицией (реальным самоопределением, обусловливаемым воспитанием) представителей органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, их целевой функцией (ролью и социальным назначением, определяемым законом) и жизненной ситуацией.

От первой зависит идеологическое, политическое и нравственное содержание уголовно-процессуальной деятельности, от второй — движение уголовного дела (формальное функционирование), от последней — особенности конкретного судопроизводства.

С учетом сказанного уголовный процесс можно интерпретировать как деятельность, направленную на достижение нравственно-психологических, правовых и познавательных целей. На наш взгляд, речь идет о трех группах задач (целей), сформулированных в ст. 2 УПК РСФСР:

- 1) быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение всех виновных в их совершении (познавательные);
- 2) обеспечение правильного применения закона (правовые);

3) соблюдение того, чтобы каждый виновный был подвергнут справедливому наказанию с точки зрения как возмездия, кары, так и исправления и перевоспитания (нравственно-психологические).

Согласно первой группе целей уголовное судопроизводство есть познавательной-практической деятельностью, имеющей своим объектом преступление (т. е. часть объективного мира, выделенную практикой). Это опосредствованный объект, который в деятельности соответствующего субъекта может быть представлен только идеально, так как реально он для данного субъекта всегда в прошлом. В настоящем же есть только круг непосредственных объектов, образующих предметную область, где субъект реализует свои цели с помощью имеющихся средств. Это реальный предмет познания в уголовном процессе. Особенность его в том, что он всегда находится как бы в правовой рамке, которая накладывается на «непосредственные» объекты при совершении предусмотренных законом действий. Через правовую рамку реальный предмет связан с идеальным как с опосредствованным отражением самого себя (см.: 2. С. 56).

В соответствии со второй группой целей уголовное судопроизводство представляет собой правоприменительный процесс (т. е. применение норм права уголовного и уголовно-процессуального в первую очередь). Причем данный процесс не должен, по нашему мнению, рассматриваться только как подведение под норму права конкретной жизненной ситуации, но и как использование правовых норм в подобных ситуациях в качестве функциональных средств организации деятельности. Речь идет об организации судопроизводства в систему как в формально определенную правом последовательность и взаимосвязь процессуальных действий. В этом смысле такие действия будут образовывать процесс целевого функционирования, в котором внешне отразится определяемая законом роль и назначение лица, представляющего государственный орган, ведущий борьбу с преступностью.

По логике законодателя (ст. 2 УПК РСФСР) выполнение первой и второй групп задач необходимо для того, чтобы обеспечить неотвратимость уголовной ответственности, справедливость наказания, понимаемого нами скорее в смысле исправления, нежели кары. Следовательно, третья группа задач является главенствующей (генеральной), которой подчинены все остальные.

С точки зрения нравственно-психологических целей каж-

дое действие конкретного должностного лица в уголовном процессе должно осознаваться им как общественно-значимое, т.е. выражать его личную позицию, быть поступком. В данном смысле судопроизводство — нравственный процесс, отражающий реальное самоопределение должностного лица, обусловленное его воспитанием. Обращенный к себе (в плане личной ответственности как осознания, переживания) процесс приобретает характер формирования внутреннего убеждения, перерастания сомнений в уверенность, выражения личностной позиции (см.: 4.С.25; 5.С.33). Обращенный во вне (в плане возложения ответственности) — характер убеждения другого лица, т. е. склонения его к определенному мнению (см.: 14.С.289), к осознанию, переживанию им своих действий как социально полезных в одном случае или социально-вредных — в другом. Особенность ответственности здесь — ее правовая форма: уголовно-процессуальная (если речь идет об осознании необходимости и полезности следования уголовно-процессуальным нормам) или уголовно-правовая (если речь идет об осознании необходимости и, полезности выполнения уголовно-правовых норм).

Сказанное, однако, не означает, что мы сводим содержание ответственности к субъективным моментам, как это сделал, например, В. Г. Смирнов (см.: 12. С. 79). Внешне уголовная ответственность будет проявляться в правопослушном, правомерном поведении, соответствующем уголовно-правовым нормам (объективная сторона ответственности) (см.: 7. С. 515; 13. С. 22, 29), но определяться будет все же сферой сознания. На это правильно указывает С. С. Алексеев, имея в виду ответственность в широко позитивном смысле (см. : 1. С. 204, 277). Ведь понятие ответственности в философско-социологическом плане отражает «объективный, исторически конкретный характер взаимоотношений между личностью, коллективом, обществом с точки зрения сознательного осуществления предъявляемых к ним требований» (15. С. 469). Причем речь идет о сознательном выполнении предусмотренных уголовно-правовыми нормами требований; выполнении, основанном на установках, ценностях, стремлениях и т. п. личности быть полезной обществу, служить интересам последнего (субъективная сторона ответственности).

Таким образом, уголовная ответственность может рассматриваться как позиция (реальное самоопределение) лич-

ности, являющаяся, с одной стороны, результатом воспитания (в том числе правового), а с другой стороны, результатом правоприменительной деятельности государства (см. : б. С. 37). В таком смысле выделение двух аспектов уголовной ответственности — ретроспективной (негативной) и проспективной (позитивной) — будет весьма условным, поскольку они характеризуют не столько явление, сколько основания и механизм его возникновения. В первом случае мы говорим о сопровождающемся негативной оценкой за прошлое механизме перевоспитания, исправления личности с антисоциальными установками, ценностями и т. д., которые выражаются в отклоняющемся от общественных требований поведении. Во втором — о сопровождающемся позитивной оценкой за настоящее и будущее механизме становления личности, у которой еще только формируются или закрепляются социально полезные установки, ценности, привычки и т. п., что отражается в правопослушном в целом поведении. "В обоих случаях общество должно определенным образом реагировать на поведение соответствующих лиц, прекращая, пресекая или поощряя их через систему внешних требований и воздействий, пока эти требования не будут восприняты и не станут внутренней основой мотивации уже ответственного поведения конкретного лица (не из боязни наказания и не по принуждению).

Иначе говоря, возложению ответственности должно корреспондировать принятие ответственности. Тогда само общество действительно поступает ответственно, т. е. берет на себя, на свои органы, ведущие непосредственную борьбу с преступностью, социальную ответственность за ее успешное осуществление, что требует постоянного развития этих органов.

Понятно, что социальная ответственность органов предварительного расследования, прокуратуры и суда (и индивидуальная ответственность их представителей) и индивидуальная ответственность лица, совершившего преступление, не могут отождествляться, так как относятся к разным лицам, занимающим разное общественное и правовое положение, имеют различную правовую форму, особенности внутреннего и внешнего выражения. Первая — форму уголовно-процессуальной ответственности (в ее индивидуальном и социальном выражении) дознавателя, следователя, прокурора, судьи, предполагающей изменение их собственной деятельности с целью изменения деятельности лица, совершившего преступление, и предупреждения отклоняющегося поведения право-

послушных лиц. Вторая — форму уголовной ответственности осужденного или правопослушного лица, предполагающей изменение только его собственной деятельности. Что касается очевидной связи между указанными видами ответственности, то ее наличие само по себе не дает нам права смешивать их. Поэтому нам представляется не совсем верной точка зрения В. С. Прохорова, характеризующего ответственность, «с одной стороны, как позицию личности, выполняющую требования общества, а с другой — как реакцию общества на поведение, отклоняющееся от общественных требований» (7. С. 512).

Ответственность лица, совершившего преступление, возникающая в ходе и в результате уголовного процесса — всегда ответственность за прошлое. Ее неотвратимость обеспечивается прежде всего установлением (определением) реального отношения соответствующего лица к совершенному им и инкриминируемому ему деянию. Это отношение, взятое в самом широком контексте установок, ценностей, чувств, привычек и т. п. названного лица, по нашему мнению, есть виновное отношение, виновность в ее нравственно-психологическом выражении. Содержание реальной вины (виновности) в данном аспекте будет значительно шире реальной вины в уголовно-правовом смысле (как психического отношения к содеянному). Последняя рассматривается лишь в контексте преступного поведения (внешне наблюдаемой системы действий), по которому судят о преступных намерениях определенного лица, об осознании им своих действий в форме умысла или неосторожности (см.: 9. С. 260, 265).

Поэтому для выявления вины в уголовно-правовом смысле достаточно распознавания конкретной жизненной ситуации и подведения ее под соответствующую норму уголовного права. В то же время для выявления вины в нравственно-психологическом смысле необходимо еще специальное изучение индивидуальных и личностных качеств лица, совершившего преступление. Лишь на этой основе возможен переход к уголовной ответственности. То есть ответственность в смысле изменения внутреннего плана деятельности (осознания и переживания содеянного как социально вредного) не возникает сама по себе. Требуется механизм возложения ответственности, вызывающий указанные изменения, означающие принятие обвиняемым на себя ответственности.

В известном смысле таким механизмом выступает все уголовное судопроизводство в целом как социальная система,

лишь в той мере противодействующая преступности, преодолевающая (а не включающаяся в ее воспроизводство), в какой сама дает (воспроизводит) образцы высокой культуры нравственности, ответственного поведения.

Если это так, то конкретному должностному лицу — представителю указанной системы — нужно иметь определенную позицию. По существу речь идет о самоопределении, в общем виде включающем в себя:

1) понимание законодательного и теоретического описания производства по уголовному делу;

2) отношение к этому производству как правовой рамке (средству), используемой в жизненных ситуациях;

3) отождествление себя с социальной системой.

Человек, занимающий данную позицию, в самом широком плане должен уметь творить добро, чтобы кара, возмездие за преступление являлись второстепенными (или даже третьестепенными), подчиненными установке на исправление и перевоспитание, т. е. на возложение ответственности.

По содержанию деятельность такого человека должна представлять собой исследование не обстоятельств совершенных преступлений, а жизненных ситуаций с точки зрения распознавания в них преступлений и изучения индивидуальных и личностных качеств граждан, совершивших преступления (см. :11). По форме — решение конфликтов. Под конфликтом мы понимаем здесь способ существования противоречия, вызванного совершением преступления (см. : 3. С. 43; 16. С. 48), под решением конфликта в жизненной ситуации — исчерпание противоречия в результате волеизъявления и к взаимному удовлетворению сторон (см.: 16. С. 54—55).

Разумеется, указанное противоречие проявляется в уголовно-процессуальной деятельности опосредованно (хотя и непосредственно определяет ее характер) через реконструируемую жизненную ситуацию. Причем, как правило, полностью при производстве по уголовному делу не исчерпывается. Однако появляющиеся в этой связи конфликты не становятся менее острыми и разрушительными, имея преимущественно деструктивный характер. Отсюда возникает задача предотвращения или противодействия такого типа конфликтам.

Традиционный путь — демонстрация образцов ответственного поведения в ходе процессуальных действий, а также использование мер процессуального принуждения (или угрозы их применения). Более эффективным, по нашему мнению, в данном отношении и с точки зрения реализации обозначен-

ной выше позиции будет организация содержательного конфликта. Такой конфликт предполагает соответствие между ценностью процессуальной формы (как правовой рамки) для получения значимого результата в уголовном судопроизводстве и реальной потребностью в ее использовании для получения аналогичного результата в конкретном деле.

Строиться конфликт может, например, на столкновении деятельности по распознаванию преступлений в жизненных ситуациях и изучению индивидуальных и личностных особенностей обвиняемого. Выражаться — в различиях и взаимосвязи нравственно-правовой (с точки зрения возмездия, кары) и нравственно-психологической (с точки зрения исправления, перевоспитания) оценках содеянного и содеявшего. Складываться — в условиях конкретных ситуаций производства по уголовному делу на основе и в процессе убеждения в существовании тех или иных фактов.

Сторонами подобного столкновения, имеющего целью возложение уголовной ответственности, могут быть в принципе любые лица — носители процессуальных интересов, но в том числе обязательно: представители органов, ведущих процесс (одна сторона), обвиняемые и их защитники (другая сторона). Организаторами — скорее всего должностные лица и адвокаты как наиболее профессионально подготовленные субъекты, могущие обозначить в конкретной ситуации производства по делу (в случае ее бесконфликтного и бессодержательного изменения) тенденцию, противодействующую той, которая осуществляется. Здесь полезно (или даже обязательно) было бы привлечение психологов в качестве специалистов, экспертов, сведущих свидетелей, способных исследовать индивидуальные и личностные качества обвиняемого, содействовать организации содержательного конфликта.

Особенно важна личная ответственность организатора за развитие ситуации по делу и, таким образом, изменение им своей собственной деятельности с целью изменения деятельности другой стороны. Только тогда возникнут условия для перехода обвиняемого от ролевого участия в деле (формального функционирования) к позиционному (с раскрытием установок, ценностей и т. п.) и, в конечном счете, для принятия им на себя ответственности.

Понятно, что сказанное потребует определенных изменений в законе (например, участие защитника по всем делам с момента появления подозреваемого или обязательное уча-

стие психолога в решении вопроса о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям).

Таковы наиболее общие моменты возложения на обвиняемого и принятия им уголовной ответственности при установлении его вины (в уголовно-правовом и нравственно-психологическом смысле) в совершении преступления.

1. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1.
2. Арефьева Г. С. Социальная активность. М., 1974.
3. Баев О. Я. Конфликты в деятельности следователя. Вопросы теории. Воронеж, 1981.
4. Бохан В. Ф. Формирование убеждения суда. Минск, 1973.
5. Грошевой Ю. М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975.
6. Даев В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982.
7. Курс советского уголовного права. Л., 1981. Т. 5.
8. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
9. Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. М., 1970. Т. 11.
10. Платонов К. К. Система психологии и теория отражения. М., 1982.
11. Барабаш А. С.; Помренин К. Г. Состязательность, ее роль в установлении виновности обвиняемого (см. настоящий, сборник).
12. Смирнов В. Г. Уголовная ответственность и наказание // Правоведение. 1963. № 4.
13. Тарбагаев А. Н. Понятие и цели уголовной ответственности. Красноярск, 1986.
14. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973.
15. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
16. Хасан Б. И. О понятийной схеме и особенностях конфликта в деятельности по расследованию преступлений // Проблемы психологии следственной деятельности. Красноярск, 1986.

**А.С. Барабаш
К. Г. Помренин**

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ, ЕЕ РОЛЬ В УСТАНОВЛЕНИИ ВИНОВНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО

В теории советского уголовного процесса выделились два положения, по поводу которых в литературе ведутся ожесточенные споры. Это — состязательность и презумпция невиновности. Предметом нашего рассмотрения в рамках данной статьи будет состязательность.

У состязательности солидная история: разработка этого положения началась в России в XIX в. (с учетом опыта более развитых правовых систем Запада), а в 1864 г. был принят Устав уголовного судопроизводства, отразивший следующие признаки состязательности: 1) наличие в процессе сторон, стоящих отдельно от суда и пользующихся правами участия в деле; 2) равноправие сторон; 3) освобождение суда от процессуальных функций сторон (см. : 25. С. 64). Все это было призвано, как считалось, служить достижению истины (см. : 25. С. 63—64). В качестве средства реализации состязательности рассматривался диалог, устный спор, т. е. прения (см. : 10. С.371). Прениям в уголовном судопроизводстве придавалось такое же значение, как состязанию в гражданском. Государственный совет при обсуждении фигуры присяжного пришел к выводу о том, что без него «решительно невозможно будет ведение состязания в гражданском и судебных прений в уголовном судопроизводстве с целью раскрытия истины и предоставления полной защиты тяжущимся и обвиняемым перед судом» (26. С. 772).

Современная концепция состязательности в своей основе ничем не отличается от того представления о ней, которое сложилось в XIX в. (также говорится об отделении обвинения от суда, о процессуально равноправном положении обвинителя и обвиняемого как сторон) (см.: 23. С. 151; 24,

С. 307). Правда, состязательность стала рассматриваться как принцип советского уголовного процесса и в качестве одной из ее сторон начали выделять главенствующее активное положение суда в процессе по отношению к сторонам. Такое представление о состязательности было отражено даже в «Юридическом энциклопедическом словаре» (см. :11. С. 343) и со страниц юридической печати перекочевало в публицистику на газетные полосы. В состязательности многие авторы видят панацею от бед и судебных ошибок, в результате которых осуждаются невинные или применяется наказание, неадекватное степени общественной опасности личности.

Но что такое состязательность, служит ли она установлению виновности подсудимого? На эти и ряд других вопросов мы постараемся ответить, анализируя аргументацию современных авторов.

Авторы, обосновывающие состязательность, считают противоречие защиты и обвинения движущей силой уголовного процесса (см.: 17. С. 75). Деятельность по раскрытию преступления и реализации правосудия, таким образом, определяется противоречием целей деятелей, их борьбой, которая, однако, всегда протекает в рамках, установленных законом (см. : 17. С. 75). Отсюда следует идея существования в уголовном процессе функций обвинения и защиты. На столкновении деятельности субъектов, осуществляющих эти функции, проявляются интересы государства (установление истины по делу и его справедливое разрешение), которые реализуются судом как правосудие (см. : 17. С. 75). Орган правосудия контролирует деятельность по отстаиванию личных и ведомственных интересов и направляет ее в публичное русло.

М. С. Строгович считал, что состязание разворачивается в прениях в форме устного спора (речей и реплик) сторон (см. : 24. С.310). Речь и реплики прокурора содержат обвинение, так как они призваны убедить суд в виновности обвиняемого (см.:24. С. 310). Речь и реплики адвоката, напротив, преследуют цели: 1) оспорить обвинение по существу; 2) оспорить отдельные его пункты; 3) оспорить квалификацию; 4) не оспаривая обвинение, дать иную трактовку действий подзащитного; 5) обратить внимание на смягчающие вину обстоятельства (см.:24. С.315).

В. Н. Бибило расширяет рамки состязательности в уголовном процессе. Развивая идею М. С. Строговича, В. М. Савицкого и других ученых о противоречиях сторон как двигателе процесса, он говорит о том, что основания этого про-

тиворечия возникают уже на предварительном следствии в процессе доказывания (см.: 7. С. 88). Речь здесь идет о разделении труда и противоречиях, которые оно влечет. Сам процесс состязательности, по В. Н. Бибило, есть «способ самовыражения участников уголовного процесса» (7. С.88), а состязательным является весь процесс, так как он подготавливает прения (см.:7. С.88).

Однако изложенные представления о роли состязательности в советском уголовном процессе вызывают серьезную критику со стороны целого ряда ученых (с конца пятидесятых годов по сей день). Критикуют как саму идею принципа состязательности, неприемлемую для советского уголовного процесса (см.: 27.С.48—97; 12.С.263—293; 13. С.35; 3. С.53), так и наличие в процессе функций обвинения и защиты (см.: 9, С. 79—82; 28. С.33—34), противопоставление сторон (см.:4. С. 135—138) и установление истины посредством состязания (см.: 21. С. 52). Причем обращается внимание на то, что деятельность по раскрытию преступления и реализации правосудия публична, она проводится в интересах государства и его органами. Субъекты этой деятельности (следователь, прокурор, суд) должны стоять на публичных позициях и действовать в интересах всего государства, а не в интересах частных лиц. Этот принцип определяет обязанности государственных органов по выполнению задач уголовного процесса (см.:5. С. 39).

Состязательность противоречит также принципу объективности, полноты и всесторонности исследования обстоятельств дела (ст. 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и ст. 20 УПК РСФСР), который препятствует формированию субъективного, одностороннего подхода к делу, особенно тогда, когда речь идет о государственных органах. Исходя из этого, серьезные возражения вызывает существование в процессе функции обвинения¹. Высказывается мнение, что функцией, осуществляемой прокурором в процессе, выступает не обвинение, а надзор за законностью (см. :8). Обвинение же является одной из форм осуществления надзора за законностью. Формой осуществления

¹ Интересно развитие теории этого вопроса в дореволюционной литературе. По идее, заложенной в Уставе уголовного судопроизводства, прокурор должен быть блюстителем закона, но одновременное возложение на него функции обвинения привело к тому, что отдельные авторы стали высказываться так: «Закон не требует от прокурора действовать подобно судье, который обязан всякое сомнение толковать в пользу подсудимого. Нет ничего непоследовательного в том, что в сомнительных случаях прокурор

надзора за законностью может быть и защита, если прокурор, убедившись в законности и необоснованности обвинения, отказывается от него (см.: 14. С.77).

Совершенно иная ситуация складывается в отношении адвоката. Этот субъект по своему положению в уголовном процессе не может, не имеет права (ч. 1 ст. 51 УПК РСФСР) одинаково объективно относиться к обстоятельствам, доказывающим и опровергающим виновность, смягчающим и отягчающим ответственность подзащитного. При объективном исследовании обстоятельств дела другими субъектами доказывания и соблюдения ими законности роль адвоката в процессе по сравнению с этими субъектами понижается до фикции, т. е. он перестает быть нужным в процессе. И наоборот, роль адвоката повышается при необъективности следователя, прокурора, суда, нарушения закона (см.: 22. С. 49). Но, обосновывая состязательность, возлагать на адвоката контрольные функции — значит доверять контроль заведомо необъективному субъекту. Необъективность следователя, прокурора, суда может ведь быть и на руку обвиняемому.

Совершенно другой подход к решению проблемы состязательности наметил А. Р. Ратинов. Он переносит проблему состязательности из теории уголовного процесса в область юридической психологии и строит представление о юридической практике как о конфликте, в котором сталкиваются деятельности юриста и лица, участвующего в деле. А. Р. Ратинов, ставит задачу разрешения противоречий правоприменительной деятельности через конфликт в интересах общества и, тем самым, рассматривает состязательность как способ разрешения конфликтов, возникающих в процессе установления оснований для применения нормы уголовного права (см.: 20). При этом автор не определяет собственно процессуальный предмет состязательности. Не ясно, возникают ли противоречия в деятельности правоприменителей или речь идет только о конфликте правоприменителя и лица, участвующего в деле.

В. П. Нажимов и С. И. Прокопьева, также отстаивая

поддерживает обвинение, несмотря на то, что в качестве судьи он не решился бы произвести осуждение... Если бы прокурор в сомнительных случаях отказался от поддержки обвинения и объяснял сомнение в пользу подсудимого, то дело представлялось бы в одностороннем виде, неблагоприятном истине» (см.: Очерки судебных порядков по Уставам 20 ноября 1864 года. СПб., 1874. С. 424—425). Эта выдержка показывает, к каким выводам можно прийти, если последовательно, до конца, исходить из того, что на прокурора возложена функция обвинения.

идею состязательности в уголовном процессе, используют в качестве аргумента не уголовно-процессуальный закон и теорию, а представления, выработанные психологами. Речь идет о противоречиях в процессе познания и необходимости борьбы точек зрения (плюрализме) (см.: 14. С. 56; 18. С. 28).

Идея А. Р. Ратинова о конфликтном (состязательном) процессе вроде бы солидаризируется с мнением этих исследователей. Однако, если А. Р. Ратинов является здесь представителем психологической науки, то В. П. Нажимов и С. И. Прокопьева выступают представителями уголовно-процессуальной теории, каждый раз обосновывая законами психологии традиционные понятия о необходимости состязания субъектов, осуществляющих функции обвинения и защиты. И здесь приведенная критика состязательности остается в силе.

Подытоживая, можно сказать: на сегодняшний день не удалось создать достаточно жизнеспособную теоретическую модель состязательности в советском уголовном процессе.

Вернемся к некоторым исходным посылкам, изложенным выше. Первое, что, как нам кажется, необходимо сделать — это определить место состязательности в советском уголовном процессе. В литературе бытует представление, что состязательность способствует установлению виновности, достижению истины, т. е. по существу она является познавательным принципом. Если это так, то состязательность должна использоваться всегда в процессе уголовно-процессуального доказывания (познания) в качестве необходимого способа достижения истины. Последнее же возможно только тогда, когда цель — достижение истины — будет целью для всех субъектов, участвующих в состязательном процессе, результатом их совокупной деятельности. Но закон не навязывает такого отношения к цели уголовно-процессуального доказывания всем субъектам. Она значима лишь для органов государства. Другие участники уголовно-процессуальной деятельности, речь прежде всего идет об адвокате, относятся к ней с позиций пользы для тех, чьи интересы они отстаивают в процессе. В рамках предварительного расследования или судебного разбирательства возможны ситуации, когда обстоятельства дела и виновность обвиняемого устанавливаются следователем или судом неправильно. Применительно к ним адвокат определяется в зависимости от того, какие последствия могут наступить для его подзащитного. Вполне возможно, что неправильное установление обстоятельств облегчает по-

ложение обвиняемого (подсудимого). В данном случае у защитника должен отсутствовать познавательный интерес в установлении истины по делу. Если же неправильное установление обстоятельств дела, по сравнению с действительностью, ухудшает положение подзащитного, адвокат должен применить усилия для правильного установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Как в первом, так и во втором случае нет основы для состязательности — противоречия, конфликта. В первом случае адвокат не должен вообще прилагать усилия к достижению цели познания, во втором он солидаризируется с целями государственных органов, ведущих борьбу с преступностью, вступает с ними в сотрудничество для достижения цели познания, заявляя ходатайства о проверке версий, смягчающих или устраняющих ответственность обвиняемого.

Из сказанного ясно, что в рамках познавательной деятельности рассматривать состязательность в качестве принципа, обеспечивающего достижение истины, нельзя. Таким образом, действие этого положения не распространяется на предварительное расследование и судебное следствие.

Противоречия, связанные с различной оценкой результатов предварительного и судебного следствия, могут возникнуть в судебных прениях, где они разрешаются в рамках состязательности (противоречия), т. е. прения — та часть судебного заседания, где конфликт, возникший между участниками на основе противоречия, разрешается в интересах достижения истины. Сразу заметим, что при качественной работе органов предварительного расследования и суда, при выполнении ими познавательных принципов советского уголовного процесса практически исключается возможность возникновения состязательности по поводу правильности установления обстоятельств совершенного, в том числе и данных, свидетельствующих о виновности обвиняемого. Это идеал, и к нему должны стремиться все названные органы. Возникает вопрос: что же за принцип судопроизводства, которого в идеале быть не должна? Считаем уместным привести здесь примеры отношения к принципам классиков марксизма-ленинизма. «Принципы, — писал Ф. Энгельс, — не применяются к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из них: не природа и человечество соотносятся с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории» (1. С.34).

Как нам кажется, состязательность всегда должна осуще-

ствляться в рамках судебных прений, тогда, когда речь идет об определении виновному вида и размера наказания за совершенное преступление. Предлагая свои рекомендации по этим вопросам, лица, участвующие в судебных прениях, должны исходить из того, что наказание не самоцель, оно оправдано лишь тогда, когда способствует исправлению и перевоспитанию виновного. Субъективным основанием назначения наказания является не только тяжесть совершенного деяния, но и в большей мере личность виновного.

Такие представления опираются на понимание ответственности, отличающееся от общераспространенного. На наш взгляд, при описании ответственности встречаются две крайности односторонней трактовки данного понятия. Это либо технико-юридические представления, в которых ответственность трактуется как результат процесса квалификации и реализации санкций, либо психологические, где она отождествляется с чувствами и переживаниями индивида (см.: 16).

Мы предлагаем определение понятия ответственности, которое учитывает как частности, так и технико-юридический, и психологический ее аспекты. Нам кажется, что главный упор нужно сделать на отождествление ответственности с управленческим действием, т. е. действием, по форме организационным, по содержанию перспективным (направленным в будущее).

С этой точки зрения при реализации ответственности формой ответственности будут признание виновным (осуждение), наложение и притерпевание наказания и судимость, а содержанием — исправление и перевоспитание. При этом пределы реализации формы ответственности будет определять деяние субъекта ответственности, а конкретную юридическую форму в рамках данных пределов (например, признать виновным или нет, какой вид и размер наказания назначить) следует выбирать с учетом индивидуальных качеств лица, от которых зависит его исправление и перевоспитание.

Познать личность во всем многообразии ее свойств и проявлений в рамках уголовно-процессуального доказывания не представляется возможным, так как сам закон ориентирует на установление субъективных характеристик. Поэтому справедливо замечание Р. С. Белкина о том, что теория личности развивается в основном в рамках наук уголовного права и криминологии, в то же время нет достаточно разработанного учения о применении знаний о личности и

методик исследования личности в уголовном процессе и криминалистике (см.: 16. С. 179). В связи с тем, что при назначении наказания необходимо учитывать личные качества, возникает целый ряд проблем. Основные из них: 1) как и какой субъект может организовать исследование личности в уголовном процессе? 2) как и какой субъект может организовать использование информации (знания) о личности в уголовном процессе?

Совершенно очевидно, что любая информация вовлекается в уголовный процесс на том его этапе, когда она там необходима, т. е. может быть использована. Необходимость в информации о личности как субъективном основании реализации мер уголовно-правового воздействия возникает: 1) в процессе предварительного расследования и в стадии предания суду при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности с применением мер воздействия иного характера; 2) в стадии судебного разбирательства в прениях, где обсуждается вопрос о назначении наказания.

Речи и реплики прокурора и адвоката в прениях должны содержать мотивированные предложения о виде, размере наказания и других его параметрах (например, режим при назначении наказания в виде лишения свободы).

Закон, требуя справедливости (ст. 2 УПК РСФСР), ориентирует как суд, так и прокурора на учет личности при назначении наказания. Этого невозможно добиться без выяснения того, насколько вид и размер наказания целесообразен с позиции исправления и перевоспитания виновного. Прогноз только тогда будет правильным, когда при его выдвигании использовались не просто субъективные данные, почерпнутые из уголовно-процессуального доказывания, а все их многообразие, свидетельствующее о личности виновного как социально-психологического феномена.

Однако законодателем не проведена последовательно идея обеспечения прокурором справедливости наказания. В ст. 31 Закона о Прокуратуре СССР, говорится о задачах надзора за исполнением законов при рассмотрении дел в судах, главный упор в ней сделан на то, что прокурор осуществляет надзор в судах для обеспечения законности и обоснованности судебных решений, хотя в последней части статьи сказано также, что прокуроры способствуют осуществлению целей правосудия. Это привело к тому, что прокуроры подходят к назначению наказания с точки зрения его объективных оснований, используя ту информацию, которая получена

в процессе доказывания и квалификации. В конечном счете прокурор использует в качестве основания для определенного наказания субъективные свойства личности обвиняемого, отраженные в характеристике, показаниях свидетелей и других материалах дела. Вероятно, особенностью этого подхода можно объяснить тот факт, что прокурор в суде, как правило, завышает суровость наказания.

В настоящее время наметилась тенденция, по которой критерием оценки деятельности прокуратуры рассматривается не только законность, но и целесообразность. Причем эти критерии не следует противопоставлять, применение же их позволяет гибко реагировать на сложную, изменяющуюся жизнь. В журнале «Социалистическая законность» в редакционной статье «Прокурор — организатор обеспечения законности», — написано по этому поводу следующее: «Нельзя забывать, что действия, отвечающие экономическим и социальным задачам времени, могут вступить в реальное противоречие с устаревшими нормативными предписаниями, тем более, что в уголовных кодексах существует немало норм, отсылающих ко всякого рода подзаконным актам» (19. С. 4). И как вывод отсюда: положение ч. 2 ст. 7 УК РСФСР должно распространяться на действия по закону общественно опасные, «но представляющие общественную полезность» (19. С. 4 — 5).

Противоречие между нормой закона и жизнью — явление объективное. Даже при самом совершенном законодательстве оно будет обнаруживать себя как то, что в конечном счете способствует непрерывному развитию закона. Но при принятии новой нормы противоречие является на какой-то момент разрешенным — законность и целесообразность сливаются воедино. И применительно к квалификации здесь не встает вопрос о целесообразности. Когда же мы говорим об определении наказания, то противоречия в любом случае неизбежны, так как каждый субъект должен дать прогноз на будущее, прогноз тем более вероятный, чем больше параметров учитывается при прогнозировании. Прогноз у двух разных людей при оценке одной и той же совокупности данных может не совпасть во всех деталях из-за расхождения субъективного опыта прогнозирующих. В нашем случае расхождение прогнозов до последнего времени обуславливалось и тем, что прокурор, основываясь на ст. 31 Закона о прокуратуре, не выходил в своем анализе личности обвиняемого за рамки тех субъективных свойств, которые описаны в законе,

Вряд ли положение изменилось после появления упомянутой редакционной статьи, не стоит надеяться на автоматическое изменение, даже если в законе будет указан дополнительный критерий — целесообразность, хотя для законодательного направления деятельности такое указание необходимо.

Изменение может произойти при совместной деятельности адвокатов и прокуроров, если последние сориентированы на необходимость обеспечения справедливого наказания. Причем определенные надежды на такие корректировки деятельности прокуроров мы возлагаем не только на закон, но и на адвокатов, так как ситуация в отношении их складывается иная. Они должны по мере своих возможностей действовать на пользу подзащитного. Опираясь на доказательство, адвокат может выйти в своем выступлении в прениях за рамки оснований назначения наказания и признания виновным, установленных в процессе доказывания. Здесь нужно оговориться, что участники прений не вправе ссылаться на доказательства, не бывшие предметом рассмотрения в судебном следствии. Думается: в данной ситуации возможно такое решение вопроса: адвокат может обратиться к обстоятельствам деяния и субъективным (статусным) данным подзащитного, отраженным в материалах дела и дать им свою интерпретацию, обращая внимание на проявление (отражение) в них личных качеств обвиняемого. Видимо, так нужно понимать М. С. Строговича, когда он пишет, что одна из целей адвоката в прениях — трактовка действий лица, не оспаривающая обвинение. Критерием необходимости этих действий адвоката, как уже говорилось, служит полезность для подзащитного. Наказание (равно как и признание виновным, которое не влечет исправления и перевоспитания), прежде всего, не полезно тому, к кому оно применяется. Здесь возникает новое понимание защиты. Традиционное определение защиты связывает ее с правами и законными интересами подзащитного (см. : 15. С. 146). Однако защиту можно трактовать шире: как достижение полезных для подзащитного интересов (см.: 29. С. 33—36).

Получив данные о личности подзащитного, адвокат должен действовать в процессе уже как субъект, отстаивающий идею назначения наказания с учетом личных качеств подзащитного. В этом случае и целесообразен конфликт (столкновение деятельности) обвинения как формы осуществления надзора за законностью, и защиты как полезных для подзащитного действий. Такой конфликт по вопросу освобожде-

ния от уголовной ответственности с применением мер административного или общественного воздействия возможен также па предварительном следствии и в стадии предания суду, но для этого необходимо допускать адвоката во все стадии по всем делам.

Защита здесь перестает быть осуществлением функции (т. е. целью, положенной в деятельность, независимо от деятеля). Она становится искусством деятельности (см.: 2. С. 72). Роль защитника, таким образом, определяется уже не просто добросовестным выполнением обязанностей, возложенных на адвоката законом. Чтобы действовать эффективно, адвокат должен сознательно выбирать средства, приемы и методы борьбы, способные при наименьшей затрате средств дать наилучшие и наиболее прочные результаты (см.: 2. С. 75).

Деятельность защитника в этом случае способствует разрешению противоречия между целями и результатами правоприменительной деятельности, т. е. между декларацией о воспитательной функции наказания и реальным недостижением исправления и перевоспитания.

Исследование личности обвиняемого в уголовном процессе и использование результатов этого исследования в прениях в виде интерпретации обстоятельств деяния и данных об обвиняемом как раз и создает условия для конфликта (состязания) — организует его. Адвокат может, конечно, не организовывать конфликт, если наказание (или осуждение), которое требует прокурор, по мнению адвоката может достичь цели исправления и перевоспитания. Связь данного конфликта с течением уголовного процесса организационна, а не функциональна.

Модель состязания, как нам кажется, может выглядеть следующим образом: представитель надзора за законностью требует признать лицо виновным и назначить наказание с учетом и на основании информации, полученной путем доказывания. Адвокат в своей речи и репликах заявляет оппозицию по вопросу назначения наказания. Демонстрируя в прениях свои знания о личности подзащитного, он показывает, что исправления и перевоспитания нельзя достичь этими действиями. Свою позицию адвокат аргументирует, т. е. демонстрирует суду ее преимущества. При этом он использует информацию, полученную путем доказывания. Однако основания интерпретации такой информации получены путем внедоказательственного исследования личности. Здесь, вероятно, можно вести речь о доказательстве в логическом, а не

доказывании в уголовно-процессуальном смысле. При этом адвокат предлагает освободить лицо от наказания, либо выдвигает свою модель назначения наказания. Суд находится в роли наблюдателя (рефлексирующего), у которого есть две перспективы назначения наказания. Если у судьи возникает внутренний конфликт (сомнения в правильности позиций обвинения), то цель состязания достигнута.

С учетом изложенного, состязательность можно определить следующим образом: состязательность есть способ деятельности по разрешению противоречий между целями и результатами правоприменительной деятельности (между декларируемыми целями исправления и перевоспитания и реальным недостижением этих целей) посредством внедоказательственного исследования личности. Способ, который определяется остротой противоречий, может протекать в форме спора, дискуссии, полемики.

В данной интерпретации состязательность не есть принцип советского уголовного процесса, так как ее осуществление в процессе не обязательно, а факультативно. Она возникает и в тех случаях, при которых имеет место указанное выше противоречие и где проявляется субъект, организующий его разрешение через конфликт.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.
2. Аврах Я. С. Некоторые вопросы эффективности защиты в предварительном следствии // Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Казань, 1976.
3. Агеева Г. Г. Принципы советского уголовного процесса, их сущность и значение // Труды ВЮЗИ. Т. 20. М., 1972.
4. Алексеев Н. С, Крылов Н. Ф., Лукашевич В. З., Максудов И. Х., Цветков П. П.: Рец. на кн.: Якуб М.Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М., 1960 // Вести ЛГУ. Сер. Экономика, философии и права. Вып. 3. 1962, № 17.
5. Алексеев Н. С, Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980.
6. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Т. 1. М., 1977.

¹ Об этих формах, подробнее: Соколов А. Н. Проблемы научной дискуссии. Логико-гносеологический анализ. Л., 1980.

7. Бибило В. Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. Минск, 1986.
8. Даев В. Г. К понятию обвинения в советском уголовном процессе // Правоведение. 1970. № 1.
9. Даев В. Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в советском уголовном процессе // Правоведение. 1974. № 1.
10. Кони А. Ф. Соч. С. 1. М., 1966.
11. Лупинская П. А. Состязательность // Юрид. энциклопедический словарь. М., 1984.
12. Малькевич Т. В. К вопросу о состязательности // Учен. зап. ВЮЗИ. 1958. Вып. 6.
13. Мокичев К. А. Против ревизионистских извращений марксистско-ленинского учения о государстве и праве. М., 1959.
14. Нажимов В. П. Об уголовно-процессуальных функциях и законах психологии // Правоведение. 1973. № 5.
15. Перлов И. Д. Защита и правосудие // Роль и задачи советской адвокатуры. М., 1972.
16. Примером технико-юридических представлений об ответственности может быть работа В. Т. Базылева (см.: Базылев В. Т. Юридическая ответственность. Теоретические вопросы. Красноярск, 1985). Применительно к уголовной ответственности эти представления отстаивает А. Н. Тарбагаев (см.: Тарбагаев А. Н. Понятие и цели уголовной ответственности. Красноярск, 1986). В качестве образца психологического представления об ответственности можно назвать работу К. Муздыбаева (см.: Муздыбаев К. Психология ответственности. Л., 1983).
17. Полянский Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М., Мельников А. А. Проблемы судебного права. М., 1983.
18. Прокопьева С. И. Принцип состязательности и осуществление функции суда первой инстанции в судебном разбирательстве // Вопросы осуществления правосудия по уголовным делам. Вып. 10. Калининград, 1982.
19. Прокурор — организатор обеспечения законности // Соц. законность. 1986. № 9.
20. Ратинов А. Р. Введение // Проблемы психологии следственной деятельности. Красноярск. 1986.
21. Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому уголовному процессу. М., 1961.
22. Стецовский Ю. И. Адвокат в советском уголовном судопроизводстве. М., 1972.

23. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968.
24. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., 1970.
25. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства СПб., 1902.
26. Цит. по раб.: Чельцов-Бебутов М. А. Курс советского уголовно-процессуального права. Т. 1. М., 1957.
27. Чельцов М. А. О недопустимости перенесения буржуазных конструкций в советскую уголовно-процессуальную теорию // Учен. зап. ВЮЗИ. 1958. Вып. 6.
28. Чеканов В. Я. Уголовное судопроизводство как целостная система // Вопросы уголовного процесса. Вып. 2. Саратов, 1979.
29. Шафир Г. М. Изучение эффективности участия защитника по уголовным делам // Соц. законность. 1968. № 1.

Е. Я. Мотовиловкер

О СОДЕРЖАНИИ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ

Теоретическая жизнь принципа презумпции невиновности в науке уголовного процесса полна драматизма. Если в тяжелые времена, до конца 50-х годов, сторонники презумпции невиновности вынуждены были проявлять мужество, отстаивая свои убеждения (см. : 6. С. 27), то в настоящее время, когда в теории утвердился взгляд, что презумпция невиновности — чуть ли не «королева» принципов уголовного процесса, всякий критикующий ее рискует прослыть консерватором и реакционером.

Автор этой статьи идет на такой риск, ибо полагает, что в общераспространенное понятие принципа презумпции невиновности нужно внести заметные уточнения. Речь идет не о праве презумпции невиновности на существование (оно несомненно), а о том, как понимать данный принцип, какое вкладывать в него содержание.

Наиболее общепризнанным является такое определение принципа презумпции невиновности: обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет установлена вступившим в законную силу приговором (см.: 11. С. 230; 4. С. 111; 10. С. 90; 6. С. 29). Из приведенной формулировки понятие, что на протяжении всего процесса доказывания (пока виновность обвиняемого не будет установлена вступившим в законную силу приговором) органы расследования уголовного дела должны относиться к обвиняемому как к лицу, которое ничего противоправного не совершило. Это положение можно признать истинным, если мы найдем его подтверждение в уголовно-процессуальном законе. Но закон не дает для такого положения никаких оснований.

И действительно, если очевидно, что закон регулирует действия субъектов процессуальных отношений, «предписы-

ваает как следует поступать» (1. С. 44), то разве из ст. 144 УПК РСФСР, где говорится о постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, или из ст. 221, 222 УПК РСФСР, где сказано о предании обвиняемого суду, видно, что закон обязывает органы следствия и суда считать обвиняемого невиновным? Наличие достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления (ст. 143 УПК РСФСР), достаточных оснований для рассмотрения дела в судебном заседании (ст. 221 УПК РСФСР) указывает на то, что перед органами расследования стоит вопрос о виновности лица. Считать же обвиняемого (подсудимого) невиновным и в то же время заниматься разрешением вопроса о его виновности противоречит всяким законам логики (см.: 9. С. 28).

В ответ нам предлагается такой довод. Формула «обвиняемый считается виновным до тех пор, пока...» означает "не субъективное мнение участника процесса о виновности обвиняемого, а объективное правовое положение..." (3. С. 325).

По нашему мнению, этот аргумент не убедителен. Презумпция невиновности как принцип уголовного судопроизводства в приведенном изложении затрагивает процессуальную фигуру обвиняемого, его правовое положение. И органы следствия, и суд должны относиться к обвиняемому в соответствии с его процессуальным положением. Если обвиняемый — лицо, в отношении которого вынесено постановление в соответствии с достаточными доказательствами, дающими основание для предъявления обвинения (ст. 143 УПК РСФСР), а закон позволяет органам расследования менять обвиняемому совершение преступлений, значит, согласно закону, обвиняемый не считается невиновным, а считается вероятно виновным, возможно виновным. И это объективное правовое положение. То, что считает закон, должны считать и органы государства, деятельность которых он регулирует (см.: 1. С. 44—45).

А. М. Ларин отдает предпочтение редакции ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Народной Республики Болгарии, гласящей: «Обвиняемый считается невиновным до окончания производства и вступления в силу приговора, которым устанавливается обратное», он пишет: «Это предписание со всей определенностью говорит, что обвиняемый, поскольку он не осужден, считается невиновным, а значит, находится в равном положении со всеми иными гражданами» (6. С. 33).

Эта фраза, как минимум, требует немалых разъяснений

для устранения легко читаемой противоречивости. В самом деле, разве обвиняемый, взятый под стражу, находится в равном положении со всеми иными гражданами, не являющимися обвиняемыми? Или может быть, положение обвиняемого не меняет положения лица, или может быть, вовлечение гражданина в уголовный процесс в качестве обвиняемого не затрагивает его интересов? Очевидно, нет. Автор рассматриваемого суждения подтверждает это: «Сама процедура судопроизводства и тем более ее исход чувствительно затрагивают права, свободы, жизненные интересы личности» (6. С. 26).

Положение обвиняемого равно положению иных граждан, но не со всех точек зрения, не во всех аспектах. Оно равно невинности сточки зрения уголовно-материального закона, в части уголовно-материальной, ибо материальный закон знает только два понятия: совершивший преступление, виновный и не совершивший преступление, невинный. В этом смысле формулировка «обвиняемый считается невинным пока...» — это материально-правовой принцип, но отнюдь не процессуальный. В процессе обвиняемый есть обвиняемый, а не невинный или виновный; это лицо, в отношении которого у органов следствия есть улики, есть версия виновности. И это обстоятельство отличает его положение от иных граждан. Значит, как процессуальный принцип высказывание «обвиняемый считается невинным до тех пор, пока...» просто неверен. Такого принципа уголовный процесс не имеет.

Итак, мы пришли к выводу: в процессе доказывания обвиняемый не считается ни виновным, ни невинным. Такое положение содержится в самом понятии «обвиняемый».

Учитывая все изложенные обстоятельства, некоторые авторы приходят к другой формуле принципа презумпции невинности. Именно та очень важная мысль, что по советскому уголовно-процессуальному праву обвиняемый — это еще не виновный и заставляет сторонников презумпции невинности неутомимо бороться за введение указанной презумпции в закон, — пишет Л. Б. Алексеева, — тем более, что из нее всегда, а не только теперь исходил уголовно-процессуальный закон и практика его применения. Но для этого нужно эту мысль более четко сформулировать. Не следует, на наш взгляд, положительно утверждать, что обвиняемый — это невинный». Формула презумпции невинности, по мнению Л. Б. Алексеевой, должна гласить: «Обвиняемый не считается виновным (а не «считается не виновным».

— Е. М.), пока его виновность не доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором» (1. С. 48).

Однако здесь возникает вопрос: разве этот правильный вывод можно считать отдельным, самостоятельным принципом советского уголовного процесса — принципом презумпции невиновности? Ведь нетрудно доказать, что положение «обвиняемый не считается виновным, пока его виновность не доказана в предусмотренном законом порядке и не установлена вступившим в законную силу приговором» вытекает из двух принципов уголовного судопроизводства: принципа объективной истины (ст. 20 УПК РСФСР) и принципа, определяющего исключительность компетенции суда в части осуществления правосудия (ст. 13 УПК). Действительно, из принципа объективной истины со всей очевидностью следует тезис: «Что не доказано, того нельзя утверждать» (12 С. 230), если не доказана виновность обвиняемого, нельзя считать его виновным. Виновность же может быть установлена исключительно вступившим в законную силу приговором суда. Это видно из ст. 13 УПК РСФСР. В сумме оба названных следствия дают нам упомянутую формулу презумпции невиновности.

Мы таким образом приходим к выводу, что в предложенной формулировке принцип презумпции невиновности полностью «покрывается» другими фундаментальными положениями советского уголовного процесса¹ (см. :1). Между тем совершенно очевидно, что презумпция невиновности только тогда имеет право на существование как принцип, когда она обладает функцией, не дублируемой никакими другими принципами, когда можно выделить присущую только презумпции невиновности «зону» действия.

Можем ли мы ответить на вопросы: существует ли такая «зона» действия, где же начинается осуществление принципа презумпции невиновности? Да, конечно, можем.

Презумпция невиновности начинает свое действие тогда, когда не может осуществляться принцип объективной исти-

¹ Положение «обвиняемый не считается виновным до тех пор, пока его вина не будет доказана вступившим в законную силу приговором» необходимо закрепить в процессуальном законе, как это сделано в УПК ПНР и в законе о судопроизводстве ЧССР. Таким образом закон усилит принцип объективной истины и подчеркнет поисковую направленность деятельности органов следствия и суда, разрешающих вопрос об уголовной ответственности лица.

ны. Когда в условиях следственной и судебной деятельности «в отдельных случаях не удастся с достоверностью установить ни виновность, ни невиновность обвиняемого..., когда виновность обвиняемого лишь вероятна (или даже максимально вероятна); когда остаются неустранимые или неустранимые сомнения в виновности обвиняемого» (8. С. 47)> тогда вступает в свои права принцип презумпции невиновности. При таких условиях следователь и суд могут принять тройкого вида решение: «обвиняемый виновен», «обвиняемый на подозрении», «обвиняемый невиновен». Согласно презумпции невиновности, действующей в нашем уголовном процессе, обвиняемый в таких случаях считается невиновным. Отсюда с совершенной очевидностью следует правило, выражающее суть этого принципа: всякое сомнение толкуется в пользу обвиняемого.

Довольно отчетливо теперь просматривается то положение, что принцип презумпции невиновности действует не в самом процессе доказывания, а распространяется лишь на принятие окончательного решения по делу, поскольку имеет в виду те отдельные случаи, когда появились неустранимые сомнения и продолжение процесса доказывания становится бесперспективным.

Исходя из сказанного, формула презумпции невиновности будет выглядеть так: «Обвиняемый считается невиновным, если не «пока», а «если», не в процессе доказывания, а при принятии отдельных окончательных решений его виновность не может-быть установлена в предусмотренном законом порядке» (2. С. 58—61). Обвиняемый именно «считается невиновным», а не «не считается виновным», поскольку последнее положение не исключает оставления обвиняемого в подозрении, а этот институт чужд советскому уголовному процессу (см.: 1. С. 48).

Л. Б. Алексеева предполагает, что недопустимо распространять действия презумпции невиновности на момент принятия окончательных решений (см.: 1. С. 48). Тогда мы получаем парадоксальный вывод: толкование сомнений в пользу обвиняемого не имеет отношения к принципу презумпции невиновности в силу того, что последний должен отражать правовое положение привлеченного к ответственности лица в процессе доказывания. Но если презумпции невиновности отвести такую роль в уголовном судопроизводстве, то она

просто теряется как принцип. Презумпция невиновности, как мы уже отмечали, становится простым следствием других принципов уголовного процесса.

Думается, что приписывание принципу презумпции невиновности тех функций, которыми он не обладает, лишь снижает значение этого принципа, затемняет его исключительность. В монографии Е. Г. Мартынчика «Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции» приводится множество значений, которые часть ученых относят к презумпции невиновности (см.: 7. С. 79). Например, полагают, что она лежит в основе исследования и оценки доказательств на всех этапах доказывания и во всех стадиях процесса (см.: 15. С. 114), что представляет собой процессуальную основу права обвиняемого на защиту и обобщенные выражения всех процессуальных гарантий охраны прав и законных интересов обвиняемого (см.: 13. С. 148); обеспечивает всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств и материалов дела и установление истины (см.: 14. С. 436, 494). В таких высказываниях, на самом деле, ровно ничего не говорится о принципе презумпции невиновности. Они лишь «напускают туман», лишь «растворяют сущность». Гораздо полезнее в деле отстаивания принципа презумпции невиновности «разгрузить» его, освободить от чужих достоинств, выявив настоящее, никому не присущее «лицо».

«Презумпция невиновности, — писал М. С. Строгович, — означает требование безусловной истинности утверждения о виновности: обвиняемый может быть признан виновным только при несомненной доказанности его виновности» (12. С. 197).

При чем тут презумпция невиновности? Ведь требование безусловной истинности утверждения о виновности содержится в принципе объективной истины (см.: 8. С. 50—51).

«Получается, — замечает И. М. Каз, — что презумпция невиновности действует -тогда, когда не достигнута истина. На самом деле назначение презумпции невиновности и состоит в том, чтобы способствовать достижению истины и обеспечению прав обвиняемого. Умалять значение этого принципа нельзя, так как он является показателем подлинно демократического характера уголовного судопроизводства» (см.: 5. С. 56).

Нельзя не вспомнить здесь о естественном вопросе С. А. Голунского, отвергавшего принцип презумпции невиновности. «Но если так, — писал он, отвечая на подобные мысли о на-

значении принципа, — не проще ли говорить не о презумпции невиновности, а о всесторонности исследования дела?..» (3. С. 134). Но вопрос как раз в том, что и без свойств принципа объективной истины принцип презумпции невиновности является показателем подлинно демократического характера уголовного судопроизводства. Когда об этом основном начале процесса принимаются говорить как о средстве, способствующем достижению истины, когда пытаются связывать действие его с формированием внутреннего убеждения в невиновности обвиняемого у лиц, ведущих производство по делу, тогда незамедлительно мы теряем конкретность принципа, его осязаемость, действительность, функциональность. Не случайно в нашей литературе правильно указывалось, что «противники этого принципа нередко используют трактовку сторонниками презумпции невиновности вопроса о соотношении категорий презумпции невиновности и объективной истины» (см.: 8. С. 50). Поэтому, подчеркивая отличие принципа презумпции невиновности от других принципов, выделяя его особенное качество, мы вовсе не умаляем его значение, как полагает Ц. М. Каз, а наоборот, обосновываем, утверждаем его право на существование.

Итак, подводя итоги, можно с уверенностью сказать, что в советском уголовном процессе действует принцип презумпции невиновности, который содержит требование считать обвиняемого невиновным, если вина его не может быть доказана в установленном законом порядке. Очевидно, что это фундаментальное положение действует на момент принятия органами следствия, суда окончательных решений и непосредственно влияет на характер достигнутых выводов. Но, если при осуществлении принципа объективной истины предмет уголовно-процессуальной деятельности познается, становится предметом «для нас», то при действии принципа презумпции невиновности предмет (или часть предмета) может так и остаться непознанным, а обвиняемый считается невиновным.

1. Алексеева Л. Б. Спорные вопросы презумпции невиновности // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. М., 1980. № 6.
2. Арсеньев В. Д. К вопросу о презумпции невиновности в свете новой Конституции СССР // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. Томск, 1979.

3. Голунский С. А. Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик // Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. М., 1959.
4. Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971.
5. Каз Ц. М. Проблемы доказывания в суде первой инстанции. Саратов, 1978.
6. Ларин А. М. Презумпции невиновности. М., 1982.
7. Мартынчик Е. Г. Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции. Кишинев, 1975.
8. Мотовиловкер Я. О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. Ярославль, 1978.
9. Мотовиловкер Е. Я. Спорные вопросы формулировки презумпции невиновности // Категориальный аппарат современной юридической науки: Тезисы докладов и сообщений. Ярославль. 1984.
10. Перлов И. Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. М., 1968.
11. Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.-Л., 1947.
12. Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.
13. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1.
14. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973.
15. Якуб М. Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М., 1960.

И. М. Резниченко

ПОКАЗАНИЯ ПОДСУДИМОГО И УСТАНОВЛЕНИЕ ЕГО ВИНЫ

Установление вины — сложная и относительно самостоятельная задача. Как же она решается в суде? Психические процессы, обуславливающие и сопровождающие совершение преступного деяния, не поддаются восприятию извне. Единственный источник, позволяющий непосредственно сообщить об отношении к деянию и его последствиям, — это сам субъект преступления. Но является ли подсудимый действительно субъектом преступления — на этот вопрос даст ответ приговор.

Показания подсудимого о вине — достаточно сложное явление и в структурном плане показания о вине при всей их значимости не отделимы от другого структурного элемента — от показаний Об обстоятельствах дела: подсудимый признает или не признает своей вины в отношении конкретный действий. Но при всей органичности этой связи показания о вине есть показания о том, что решил, из чего исходил и к чему стремился подсудимый; показания об обстоятельствах дела — что делал, видел, слышал подсудимый. Другими словами, в основе показаний подсудимого разный «пласт» памяти: память об отношении в первом случае и память о воспринятом и совершённом (наглядно-образная) — во втором и устойчивость запоминания в первом. Готовность к воспроизведению будет различной в обоих случаях.

Функции показаний подсудимого — информирование и защита. В. И. Каминская с полным основанием писала, что «...при помощи показаний обвиняемый осуществляет свое право на защиту» (1. С. 19). У каждой из функций разный источник. У первой функции — стремление сказать правду, сообщить суду то, что является продуктом памяти; у второй — расчет, восходящий к инстинкту самосохранения.

Подсудимый может вообще отрицать свою вину или утверждать, что она представляла собой косвенный умысел, а не прямой, или неосторожность, а не умышленную вину. Первая функция выражается только в даче показаний, вторая — и в даче показаний и в умолчании о них, и в заведомо ложных показаниях. Нет более информированного и более заинтересованного в исходе дела лица, нежели подсудимый.

Методологической основой установления вины является ст. 77 (ч. 2) УПК (здесь и в дальнейшем имеется в виду законодательство РСФСР), хотя с первого взгляда в ней регулируется частный случай. Суть ее в том, что необходимо сопоставить показания подсудимого со всей совокупностью доказательств по делу, а значит, и обстоятельств дела.

Установление судом вины может происходить без особых трудностей. Это имеет место, когда доказательственный материал единообразен, в нем нет противоречий. Так, если признание вины подтверждено всеми другими доказательствами по делу, в том числе и относящимися к субъективной стороне преступления, значение признания вряд ли выходит за пределы ст. 38 (п. 9).УК. Как исключительный случай, возможно и сочетание непризнания своей вины подсудимым с доказательствами, которые подтверждают это непризнание. Обвинительный приговор выносится с такой же непреложностью в первом случае, с какой оправдательный приговор — во втором.

Особое место занимает признание своей вины подсудимым, которое оказывается единственным доказательством его виновности. Именно этот случай прямо предусмотрен законом — ст. 77 (ч. 2) УПК и потому заслуживает специального рассмотрения.

Ст. 77 (ч. 2) УПК содержит принципиальное положение о недостаточности признания обвиняемым своей вины, не подтвержденной другими доказательствами. С теоретической точки зрения, данное положение представляет собой проявление теории формальных доказательств. Суду на законодательном уровне предписывается эта оценка признания и запрещается тем самым выносить обвинительный приговор, основанный исключительно на признании обвиняемым своей вины.

Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы (ст. 71 (ч. 2) УПК). В порядке исключения из этого правила признание обвиняемым своей вины в условиях, когда отсутствуют доказательства его виновности, считается дока-

зательством безусловно недостаточным и имеет тем самым предустановленную силу. Закон приравнивает не подтвержденное доказательствами признание своей вины доказанному самоговору: и в том и в другом случае необходимо вынести оправдательный приговор.

Признание своей вины, не подкрепленное доказательствами, может как соответствовать, так и не соответствовать действительным обстоятельствам дела. В случае, предусмотренном ст. 77 (ч. 2) УПК, суд может вынести приговор вопреки своему внутреннему убеждению о виновности. Этой нормой законодатель создает еще одну гарантию против необоснованности осуждения. Она безусловно оправдана. В ней получает свою конкретизацию презумпция невиновности.

Не следует опасаться признать в данном случае проявление формальной оценки доказательств. Дело не в ней самой, а в ее роли. Думается, что правило ст. 77 (ч. 2) УПК имеет хотя и ограниченное, но важное значение: эта норма устанавливает нижний порог определения судом вины, границу между безусловной недостаточностью и возможной достаточностью доказательств для вынесения обвинительного приговора. В основе данного положения большой исторический опыт, высокое гуманистическое содержание.

Наибольшее практическое значение проблема установления вины получает при непризнании полностью или частично подсудимым своей вины. Как правило, это признание имеет место в условиях достаточно противоречивого доказательственного материала. Непризнание своей вины сопровождается, чаще всего, большей доказательственной активностью, чем признание. Это естественно. Непризнание вины — наиболее яркое выражение функции защиты. Активность проявляется в различных направлениях. В рамках показаний подсудимый сообщает о таких обстоятельствах, которые, с его точки зрения, играют особую роль, поскольку могут привести к переквалификации действий или даже оправданию. Иногда эта активность проявляется в акцентировании субъективно важных моментов, иногда в детализации собственных действий и т. п.

Непризнание вины диктует необходимость сопоставить наказание с обстоятельствами дела. Установление судом обстоятельств дела характеризует преступное деяние, ситуацию преступления или личность совершившего преступление. Как

отмечено в литературе, только установление всех обстоятельств, составляющих триаду «деяние — ситуация — личность» дает ключ к решению вопроса о вине (см. : 2. Гл. 2, 5). Данное положение играет важнейшую роль в установлении вины. Учитывая, как материализовалась вина, в какой ситуации и кем именно, суд получает возможность в ряде случаев безошибочно установить вину. Однако абсолютизировать это положение нельзя. Оно отнюдь не универсально. Многообразие ситуаций, уникальность человеческой личности, а как следствие, и конкретных действий таково, что однозначно установить вину по обстоятельствам, характеризующим объективную сторону преступления и субъекта преступления, не всегда бывает возможно. Связь внешнего и внутреннего, объективного и субъективного в преступном поведении может допускать как одну единственную, так и различные формы вины. В таком случае проявляется отмеченная в философской литературе Связь зависимого и свободного соответствия (см.: 3 С. 127—123). Зависимое соответствие дает однозначную связь, свободное — многозначную связь. В последнем случае не исключается и совершение, казалось бы, безусловно преступных действий и при отсутствии вины.

В условиях действия связи свободного соответствия решающую роль в установлении вины призваны сыграть показания подсудимого. Именно они позволяют устранить неопределенность при установлении вины. Диапазон возможных форм вины суживается до одной единственной, сведения о которой суд черпает из показаний подсудимого (мы не входим в обсуждение такого случая, когда подсудимый дает противоречивые показания о вине: оценка их — дело суда, но в любом случае информация о вине в конечном счете исходит от подсудимого).

Каждый раз нужно группировать обстоятельства дела по элементам триады «деяние — ситуация — личность» и сопоставлять их с показаниями подсудимого. Допускаемые судами ошибки в установлении вины связаны с тем, что игнорируются отдельные важные моменты этой триады.

Так, Л-й был осужден по ст. 35, 103 УК. Суд сослался на следующие обстоятельства дела: Л-й нанес потерпевшему сначала один, а потом еще три удара топором по голове. О прямом умысле свидетельствовали локализация ударов (в жизненно важный орган), орудие преступления (топор), использование его наиболее опасным способом (лезвие топа-

ра), количество ударов (четыре). Однако суд второй инстанции переqualificировал действия Л-го на ст. 108 (ч. 1) УК. Как указал суд второй инстанции, показания Л-го об отсутствии у него прямого умысла на убийство нашли достаточное подтверждение. Л-й по профессии повар, привык использовать топор как орудие труда и в данном случае мог соизмерять силу ударов с поставленной целью — «вывести из строя» потерпевшего. После нанесения ударов потерпевший сохранил сознание и даже смог обезоружить осужденного. Таким образом, факты, побудившие суд первой инстанции прийти к выводу о прямом умысле у Л-го, оказались недостаточными: суд не придавал значение такому важному обстоятельству, как сила ударов («деяние»).

Зададимся, однако, вопросом: был бы изменен приговор, если бы Л-й показал, что хотел убить потерпевшего. В этом случае квалификация его действий как покушения на убийство оказалась бы незыблемой. Разумеется, наше допущение носит чисто гипотетический характер, но нам важно на данном примере подчеркнуть значение показаний подсудимого о вине в условиях связи свободного соответствия между триадой, отмеченной выше, и формой вины.

По ряду дел, при всей внешней очевидности установленные судом обстоятельства дела оказываются принципиально недостаточными для вывода о вине или ее конкретной форме. Окончательный вывод о вине невозможен без обращения к показаниям подсудимого.

С другой стороны, в условиях связи зависимого соответствия между триадой «деяние — ситуация — личность» и виной суд получает возможность мотивированно отвергать как признание подсудимым своей вины (упомянем в этой связи широко известное дело Сергачева — см.: 4. С. 196 — 212), так и непризнание (данное положение не нуждается в примерах). При однозначном выводе о вине, диктуемом обстоятельствами дела, становятся невозможными и вынесение обвинительного приговора при самооговоре или заблуждении подсудимого, и попытка его уйти от ответственности.

1. Каминская В. И. Показания обвиняемого в советском уголовном процессе. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960.
2. Дагель П. С., Михеев Р. И. Теоретические основы установления вины. Владивосток, 1975.

3. Б рудный А. А. Знак и сигнал // Вопр. философии. 1961. № 4.
4. Киселев Я. С. Судебные речи. Л. : Лениздат, 1967.

В. М. Царев

ДОКАЗЫВАНИЕ ВИНОВНОСТИ И ВОПРОС ОБ ОДНОСТОРОННЕМ ХАРАКТЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАЩИТНИКА

Согласно ст. 15 Основ (ст. 68 УПК) в качестве одного из обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, является виновность обвиняемого в совершении преступления. Из ст. 2 и 14 Основ (ст. 2 и 20 УПК) следует, что в данном случае имеются в виду как установление наличия, так и установление отсутствия данного обстоятельства. Поскольку же предположение о виновном совершении тем или иным лицом преступного деяния, может разрешиться и в его пользу, и против, то предметом доказательственной деятельности защитника будет невиновность обвиняемого (ст. 23 Основ, ст. 51 УПК)- Но значит ли это, что доказательственная деятельность защитника будет односторонней, если принимать во внимание процесс доказывания в полном объеме?

Особенно остро такой вопрос встает тогда, когда речь заходит о внутреннем убеждении как методе оценки доказательств применительно к защитнику. В науке советского уголовного процесса под внутренним убеждением как методом оценки доказательств принимается «сам подход к оценке доказательств», «свободное от внешнего принуждения и не связанное формальными предписаниями искание истины» (см. : 10. С. 204). В уголовно-процессуальном законе сказанное закреплено в ст. 17 Основ (ст. 71 УПК), где говорится о том, что «никакие доказательства для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, не имеют заранее установленной силы», и что они «...оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на все-

стороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности...».

Какое же отношение к внутреннему убеждению как методу оценки доказательств имеет защитник? Обязан ли он в своей деятельности руководствоваться правилами, содержащимися в ст. 17 Основ (ст. 71 УПК). В научной литературе на эти вопросы есть разные ответы. Существует мнение, что данный субъект процесса не обязан соблюдать требования указанной статьи закона и они для него носят рекомендательный характер (см.: 6. С. 22; 8. С. 71—74). Такие позиции объясняются тем, что защитник не указан в ст. 17 Основ (ст. 71 УПК) наряду с судом, прокурором, следователем и лицом, производящим дознание; а также тем, что его деятельность носит односторонний характер, т. е. направлена на выяснение только тех обстоятельств, которые оправдывают обвиняемого или смягчают его ответственность.

Однако с таким выводом согласны не все процессуалисты. Например, по мнению Я. О. Мотовилова: «Односторонность характеризует инициативу адвоката в собирании доказательств, а не их оценку. Круг обстоятельств, выявляемых адвокатом... уже круга обстоятельств, выявляемых прокурором..., но выясняет и оценивает адвокат обстоятельства, оправдывающие обвиняемого или смягчающие его ответственность, всесторонне, полно и объективно» (см.: С. 54).

Представляется, что второй подход правильнее, но требует некоторого уточнения. Защитник, на наш взгляд, просто не может не придерживаться указанных в ст. 17 Основ (ст. 71 УПК) правил в своей познавательной деятельности, поскольку они учитывают требования законов формальной и диалектической логики, а значит, их соблюдение является элементарным условием культуры мышления. И не важно в данном случае закреплено это в виде правовой обязанности защитника или нет. Что касается односторонности деятельности рассматриваемого субъекта процесса, то она, по нашему мнению, не распространяется на его внутреннюю мыслительную деятельность, а должна касаться лишь внешней, достоверительной стороны даваемой им оценки доказательств (т. е. обоснования промежуточных и конечных выводов доказанности и виновности и других обстоятельств).

Поскольку в научной литературе о месте деятельности по обоснованию выводов по делу (иначе говоря, о доказывании в узком формально-логическом смысле) имеются различные суждения, остановимся на этом вопросе более подробно,

Одни ученые считают названную деятельность в качестве самостоятельного, завершающего элемента процесса доказывания наряду с собиранием, проверкой и оценкой (см.: 11. С. 13). Другие рассматривают ее как иное значение понятия доказывания (см.: 9. С. 326). Третьи считают, что данная деятельность представляет собой аспект понятия доказывания (см.: 5. С. 9—11). Четвертые полагают, что о ней можно говорить и как об отдельном элементе доказывания, и как об ином аспекте понятия доказывания, и как об особом уровне доказывания (см.: 2. С. 208, 220).

Наконец, некоторые ученые включают деятельность по обоснованию сделанных выводов в содержание оценки доказательств (см.: 3. С. 47; 4. С. 18).

Анализ перечисленных мнений прежде всего приводит к выводу о том, что наделение одного понятия сразу несколькими значениями не соответствует правилам логики. Разногласия же во всех остальных приведенных точках зрения сводятся, на наш взгляд, к одному: рассматривается ли деятельность по формулированию и обоснованию выводов в качестве самостоятельного элемента (вида, части) уголовно-процессуального доказывания (наряду с собиранием, проверкой и оценкой доказательств) либо эту деятельность следует включать в содержание такого элемента, как оценка.

Более правильным нам представляется второе мнение, и вот почему. Одна из основных особенностей уголовно-процессуального доказывания — неразрывная связь в нем познавательного и удостоверительного аспектов (см.: 10. С. 204). При собирании и проверке доказательств это проявляется в том, что обнаружение фактических данных непременно сопровождается их процессуальным закреплением¹. Но в удостоверительной деятельности нуждается не только обнаружение имеющих отношение к делу сведений, а в целом весь процесс отыскания истины, в том числе и его внутренняя логическая сторона. Мыслительная деятельность лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда лишь тогда приобретает процессуальный характер, когда она объективируется, т. е. выражается вовне. Только в этом случае их познание для себя превращается в познание для других, и участники процесса получают возможность ознакомиться с его ходом и результатами, реализовать свои права на участие

¹ В отношении понятия проверки доказательств мы солидарны с мнением авторов, понимающих под ней не только практическую деятельность (см.: 1, С. 16).

в доказывании, а должностные лица органов расследования, прокуратуры и суда смогут на последующих этапах процесса проверить обоснованность решений, принятых на предыдущих. Поэтому уголовно-процессуальный закон обязывает в наиболее важных случаях мотивировать принимаемые по делу решения. Удостоверительная деятельность в уголовном процессе без познавательной была бы бессодержательной, а познавательная без удостоверительной потеряла бы процессуальное значение. Из сказанного следует, что нет оснований рассматривать деятельность по обоснованию выводов в уголовном судопроизводстве в качестве самостоятельного элемента процесса доказывания, поскольку она является неотъемлемым компонентом оценки доказательств в процессуальном смысле, ее удостоверительной стороной.

Применительно к защитнику сказанное означает следующее. Прежде всего, не вызывает сомнения то обстоятельство, что он выступает субъектом мыслительной деятельности по определению свойств каждого доказательства в отдельности и всей совокупности в целом. Но данной возможностью он обладает как и любой гражданин, даже не субъект процесса (например, граждане присутствующие в зале судебного заседания). Другое дело, какое процессуальное значение будет иметь осуществляемая им подобная деятельность. По нашему мнению, его суждения о качестве и значении доказательств тогда и в той мере приобретают процессуальное значение, когда и в какой мере они в предусмотренных уголовно-процессуальным законом формах (ходатайствах, жалобах, замечаниях на протокол следственного действия, выступления в прениях и т. д.) становятся доступными для восприятия. Таким образом, производимая защитником оценка доказательств включает в себя не только его мыслительную деятельность по определению относимости, допустимости, достоверности, достаточности доказательств, силы и значения каждого из них в отдельности и всей их совокупности, но и осуществляемую в установленных уголовно-процессуальным законом формах деятельности по формулированию и обоснованию своей позиции в отношении перечисленных свойств доказательств, а равно конечных выводов по делу; Из всего же сказанного ранее понятно, что требование односторонности может относиться именно к внешней удостоверительной стороне производимой защитником оценки доказательств, но не к мыслительной деятельности. И односторонность эту нельзя понимать так, что защитник может вообще

игнорировать доказательства, порочащие обвиняемого. Специфика процессуального положения защитника здесь проявляется в том, что он вправе при обосновании своей позиции акцентировать внимание других субъектов процесса лишь на доказательствах, свидетельствующих об отсутствии виновности, либо ставить под сомнение доказательства, на которые опирается обвинение.

1. Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964.
2. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978.
3. Каз Ц. М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов, 1960.
4. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986.
5. Лупинская П. А. Доказывание в советском уголовном процессе. М., 1966.
6. Михеенко М. М. Доказывание в советском уголовном судопроизводстве. Киев, 1984.
7. Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976.
8. Синайский Э. Д. Основные вопросы защиты в советском, уголовном процессе // Сов. государство и право. 1961. №5.
9. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1.
10. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973.
11. Фаткуллин Ф. М. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1973.

Л. М. Карнеева

ДОКАЗЫВАНИЕ ВИНОВНОСТИ НА ЭТАПЕ, ПРЕДШЕСТВУЮЩЕМ ПРЕДЪЯВЛЕНИЮ ОБВИНЕНИЯ

Несмотря на нескончаемые споры по поводу установления виновности только судом, все, однако, сходится на том, что доказывать ее необходимо еще в стадии расследования. Причем последствия такого доказывания зависят от обстоятельств, характеризующих как деяние, содержащее состав преступления, так и лицо, его совершившее. Уголовно-процессуальные последствия такого доказывания бывают различны: предъявление обвинения, направление дела в суд, приостановление либо прекращение производства, в том числе с заменой уголовной ответственности мерами общественного воздействия или административного взыскания. Хотя закон (кроме УПК Эстонской ССР) в последнем случае не требует предъявления обвинения, тем не менее, на наш взгляд, это необходимо.

Ст. 143 УПК РСФСР допускает привлечение лица в качестве обвиняемого при наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения. Заметная нечеткость формулировки закона вызвала дискуссии по вопросу о том, что есть основание вынесения соответствующего решения. Многие процессуалисты считают, что это доказательства.

Однако анализ ст. 143 УПК РСФСР позволяет утверждать, что достаточные доказательства здесь не основание, а только средство установления «при наличии доказательств, дающих основание для предъявления обвинения» — говорит закон. Тогда может быть основание есть обстоятельства совершенного преступления, например, тайного похищения имущества? Нет, поскольку такие обстоятельства — факты объективной действительности, наличие или отсутствие кото-

рых в прошлом еще предстоит доказать, наряду с иными обстоятельствами, характеризующими преступление, почему их и относят к предмету доказывания, в том числе и на этапе доказывания виновности. Правильнее считать, что основание привлечения в качестве обвиняемого — это достаточная доказанность обстоятельств (фактов), составляющих содержание обвинения. Например, при обвинении в краже должно быть достаточно веско доказано, что лицо, привлекаемое в качестве обвиняемого, виновно в совершении тайного похищения конкретного имущества.

Достаточная доказанность обвинения имеет место при положительном ответе на вопросы: установлены ли все обстоятельства, входящие в предмет доказывания на данном этапе производства по делу, в том числе виновность, и установлены ли они в необходимых пределах, позволяющих считать их доказанными. Если предмет доказывания сформулирован в законе (ст. 68 УПК РСФСР), то пределы доказывания (под которыми, на наш взгляд, следует понимать степень знания об обстоятельствах, подлежащих установлению), определяется в зависимости от этапа производства по делу. Продвигаясь от незнания к знанию, субъект доказывания определяет, достигнуты ли пределы, достаточные для решения стоящих перед ним задач.

Регламентация предмета доказывания не освобождает от необходимости проводить анализ творчески. При этом нужно иметь в виду, что в перечне ст. 68 УПК РСФСР не указаны обстоятельства, исключаящие ответственность или освобождающие от нее, что, безусловно, должно учитываться при доказывании виновности. Не приведен в статье сам факт совершения преступления конкретным лицом. Некоторые ее пункты дублируют друг друга: событие преступления (п. 1) отделено от виновности обвиняемого в совершении преступления (п. 2), в то время как эти понятия связаны между собой и устанавливаются одновременно.

В этой связи мы предлагаем уточнить ст. 68 УПК РСФСР таким образом, чтобы устанавливались все необходимые обстоятельства в логической последовательности:

- а) объект и предмет преступления;
- б) объективная сторона преступления (место, время, способ, ущерб и др.);
- в) субъективная сторона преступления (форма и вид вины, мотивы);
- г) признаки субъекта преступления (кто совершил пре-

ступление, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого);

д) обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность (см.: 4. С, 67—68).

При доказывании обстоятельств, характеризующих объект, объективную и субъективную стороны преступления (пп. 1. «а» — «в»), учитываются требования соответствующих норм (нормы) уголовного закона, которые в данном случае могут быть применены, а также указания пленумов Верховного Суда СССР и Верховных Судов союзных республик.

Уголовно-процессуальный закон перечисляет обстоятельства, подлежащие доказыванию, которые можно рассматривать как общую программу, а уголовный закон конкретизирует эту программу применительно к законодательному определению совокупности признаков, образующих состав расследуемого общественно опасного деяния. Например, доказывая совершение кражи, необходимо иметь в виду Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности», в котором, в частности, разъясняется: «Решая вопрос о наличии в действиях лица, совершившего кражу, грабеж или разбой, признака проникновения в жилище, необходимо выяснить, с какой целью виновный оказался в жилище и когда именно у него возник умысел на завладение имуществом. Если лицо в начале находилось в жилище без намерения совершить хищение, но затем завладело чужим имуществом, в его действиях указанный признак отсутствует» (1. С. 5).

При доказывании виновности лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, недостаточно установить просто признаки преступления, как это требуется при возбуждении уголовного дела. Здесь необходимо установить фактические обстоятельства, характеризующие все стороны инкриминируемого состава (составов) преступления. С этих позиций и анализируются фактические обстоятельства и, конечно, подлежит установлению лицо, совершившее преступление (п. «г»). Что касается п. «д», то при определении основания привлечения к уголовной ответственности, обстоятельства, указанные в ст. 38 и 39 УК РСФСР, подлежат обязательному установлению не во всех случаях, а лишь тогда, когда решается вопрос об освобождении виновного от уголовной ответственности с применением мер общественного

воздействия; обстоятельства имеют значение для определения субъекта преступления; обстоятельства непосредственно влияют на квалификацию преступления.

К предмету доказывания виновности относятся обстоятельства, исключающие уголовную ответственность или освобождающие от нее: недостижение возраста, указанного в законе (п. 5 ст. 5 УПК); невменяемость лица, совершившего общественно опасное деяние, что свидетельствует об отсутствии состава преступления (п. 2 ст. 5-УПК); наличие неотменного постановления о прекращении дела по этому же обвинению органа дознания, прокурора и следователя, кроме случаев, когда необходимость возбуждения уголовного дела признана судом (п. 10 ст. 5 УПК), наличие вступившего в законную силу и неотменного приговора либо определения или постановления суда о прекращении дела (п. 9 ст. 5 УПК); истечение срока давности (п. 3 ст. 5 УПК); акт амнистии или помилования (п. 4 ст. 5 УПК); необходимая оборона или крайняя необходимость (п. 2 ст. 5 УПК); мало-значительность деяния, формально содержащего признаки какого-либо преступления, не представляющего общественной опасности (ч. 2 ст. 7 УК); изменение обстановки (ст. 6 УПК).

Анализ перечисленных статей закона показывает, что при наличии обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, отсутствуют условия, при которых привлечение к ней может быть признано законным и обоснованным.

Обстоятельства, освобождающие от уголовной ответственности, определяются характером совершенного деяния и особенностями субъекта, совершившего деяние (ст. 6¹, 6², 7—9 УПК РСФСР).

Если в первом случае (при исключении уголовной ответственности) вопрос о ее замене не возникает, во втором (при освобождении именно от уголовной ответственности) — она заменяется виновному лицу мерами общественного воздействия или мерами административного взыскания. В этой связи возникает вопрос, надо ли вначале привлечь лицо в качестве обвиняемого, а уж потом, например, направить материалы в товарищеский суд или это необязательно?

УПК союзных республик не дают на него ответа. Только ст. 6 УПК Эстонской ССР связывает передачу на поруки с предварительным предъявлением обвинения. В теории и на практике нет по этот счет единого мнения. Следует, однако, признать, что предъявление обвинения при решении о приме-

нении мер общественного воздействия или административного взыскания может явиться важной гарантией освобождения по нереабилитирующим основаниям от уголовной ответственности лица, виновность которого не доказана.

Пределы доказывания, позволяющие считать обстоятельство, составляющее содержание предъявляемого обвинения, в том числе виновность, достаточно установленными, определяются с учетом необходимости привлечь в качестве обвиняемого обоснованно, но осуществлять этот акт своевременно, обеспечив тем самым право обвиняемого на защиту. Так что здесь можно говорить о полноте полученных данных в той мере, в какой их возможно собрать до показаний обвиняемых и их проверки.

Если нет исчерпывающей полноты, нельзя требовать, чтобы во всех случаях вывод о виновности данного лица в совершении преступления, содержащийся в формулировке обвинения, был достоверным. Следовательно, принимающий решение, должен допускать, что этот вывод может измениться, если в ходе дальнейшего расследования будут установлены неизвестные в данный момент факты, которые вызовут необходимость в изменении, дополнении, а также в исключении всего обвинения или его части, что допускается законом (ст. 154 УПК). При ином подходе к данному вопросу право на защиту, возникающее у привлеченного к уголовной ответственности лица в момент вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, можно определить как вероятность. Поэтому знание о виновности конкретного лица, достигаемое на этапе привлечения в качестве обвиняемого можно определить как вероятность. Однако, если к моменту принятия решения о привлечении в качестве обвиняемого будет достигнута такая степень вероятности, которая в одинаковой мере допускает обе возможности: в совершении преступления виновно привлекаемое лицо или оно не виновно, об обоснованности решения не может быть и речи. Здесь должен быть достигнут такой предел доказывания, который исключал бы вывод о невиновности обвиняемого, если только в ходе дальнейшего производства по делу не будут добыты новые данные, позволяющие выдвинуть иные версии. Следовательно, необходимо достигнуть такого предела доказывания, который может быть охарактеризован как высокая степень вероятности, максимально приближенная к единице, т. е. достоверности. Достижение же достоверности в качестве обязательного требования должно быть связано с констатацией пол-

ноты собранных данных, что означает признание расследования законченным.

Какое обвинение, предъявленное в стадии предварительного расследования, считается незаконным и необоснованным? То, которое было прекращено по реабилитирующим основаниям (ст. 5 Основ), при недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств (п. 2 ст. 208 УПК РСФСР), а также, когда по указанным основаниям вынесен оправдательный приговор (ч. III ст. 309 УПК РСФСР) или по возвращении дела для дополнительного расследования (ст. 232 УПК РСФСР) (см.: З. С. 12—18).

Какие же причины порождают привлечение лица в качестве обвиняемого при недоказанности его виновности? Прежде всего недостаточное знание уголовного и уголовно-процессуального права, Постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, что влечет за собой предъявление обвинения за деяния, не являющиеся преступлением, или ошибки в квалификации преступления. Характерны в этом отношении дела, по которым предъявлялось обвинение при наличии необходимой обороны, т. е. при отсутствии в деянии состава преступления.

Вопрос о наличии или отсутствии необходимой обороны обычно возникает при доказывании обстоятельств, относящихся к субъективной и объективной сторонам расследуемого деяния. Поскольку нередко такой вопрос возникает по делам о нанесении телесных повреждений в драке, важное значение здесь приобретает сопоставление обстоятельств нападения и защиты, что в ряде случаев связано с большими трудностями, особенно при определении превышения пределов необходимой обороны. К определению соразмерности нападения и защиты нельзя подходить механически, без учета возраста и психического состояния обороняющегося лица (применительно к конкретной ситуации). Следует учитывать, что человек, вынужденный обороняться, не всегда в сложившейся обстановке может точно соразмерить средства защиты и неумышленно преувеличивает грозящую ему опасность.

В этой связи для правильной оценки важное значение имеет анализ обстоятельств, предшествующих нападению и защите от него, так как важнейшим признаком действий в пределах необходимой обороны является их совершение с целью защиты государственных, общественных и личных интересов обороняющегося и других лиц. Так, пьяные супруги

Добряковы пришли в дом к Полякову и начали предъявлять к нему претензии по поводу его заявления о браконьерстве, а затем стали его избивать, при этом наносили удары поленом по голове. Защищаясь, Поляков отмахивался ножом и нанес несколько ударов Добрякову. Однако Добряков и его жена продолжали его избивать до тех пор, пока не вмешались соседи. Следователь считал, что тяжкие телесные повреждения Добрякову были причинены Поляковым в состоянии необходимой обороны, но с превышением ее пределов. К такому же выводу пришел суд первой инстанции.

По протесту заместителя председателя Верховного Суда РСФСР президиум Новгородского областного суда определение в отношении Полякова отменил и дело по основаниям, предусмотренным ст. 13 УК РСФСР, прекратил, не найдя в его действиях превышения пределов необходимой обороны (см.: 5. С. 15 и др.).

Для определения этой цели важное значение приобретает исследование обстоятельств, характеризующих лицо, в действиях которого определяется состав преступления.

Второй наиболее распространенной причиной ошибочных решений является предъявление обвинений на основе недостаточно проверенных доказательств, при наличии противоречий, к устранению которых не приложили необходимых усилий. По данным выборочных исследований, проведенных сотрудниками ВНИИ МВД СССР, с отсутствием проверки доказательств связано 83 проц. из всех установленных при изучении неосновательно предъявленных обвинений. (В их числе 32 проц. обвинений основаны на ложных показаниях заинтересованных лиц, в том числе потерпевших; 19 проц. на ошибочных выводах ревизии; 17 проц. на неполных заключениях экспертов; 12 проц. составили обвинения, предъявленные при неустраненных противоречиях).

На эти же причины ошибок указывают в своих определениях Верховные Суды СССР и союзных республик (см.: 2. С. 297—299 и др.).

Грубая ошибка, влекущая нарушение законности далеко не в единичных случаях, — это переоценка значения признания подозреваемым совершения им преступления, что нередко является самооговором, в том числе с целью отказаться от ложных показаний в суде. По данным сотрудников ВНИИ МВД СССР, такие факты имели место в 43 проц. случаев из числа установленных при исследовании необоснованных обвинений.

Получив такое «признание», некоторые следователи к моменту предъявления обвинения по существу заканчивают производство расследования в полном объеме; обстоятельства, противоречащие версии обвинения, ими не фиксируются и отражения в деле не находят. После предъявления обвинения ими производится только 9—12 проц. следственных действий. Тем самым требование закона об участии защитника с момента предъявления обвинения превращается в формальность, что является не просто нарушением права на защиту неосновательно привлеченного к уголовной ответственности лица, но существенно затрудняет достижение истины по делу.

Устранению отмеченных недостатков, влекущих незаконное и необоснованное привлечение в качестве обвиняемого лица, виновность которого не доказана, способствуют профессиональные знания, жизненный опыт, юридическая культура следователя и лица, производящего дознание. Они помогают, с одной стороны, проанализировать явление во всем многообразии его связей, а с другой, — выделить из их числа лишь необходимые для решения возникающих вопросов.

Не менее важно, чтобы субъект доказывания обладал такими элементами юридической культуры, как объективность, означающая серьезное, вдумчивое отношение к противоположным суждениям, отсутствие уклона и предвзятости, умение проанализировать фактические обстоятельства с самых различных позиций.

1. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1986. № 6.
2. Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР. 1938—1978 г. М., 1980.
3. Карнеева А. М., Чувилев А. А. Обеспечение законности и обоснованности привлечения в качестве обвиняемого. М., 1976.
4. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986.
5. Шубин В. Установить ошибки в применении судами законодательства о необходимой обороне // Соц. законность. 1981. № 8.

Е. П. Ищенко

О СОВОКУПНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ

Как определено ст. 2 Основ, главными задачами уголовного судопроизводства является быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и правильное применение закона для обеспечения неотвратимости наказания преступников и исключения случаев привлечения невиновных. Отправляясь от анализа путей реализации этих задач, Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин считают, что задачи следователя — «привлечь к ответственности виновного, изобличить его и обосновать его ответственность» (8. С. 40). Такая позиция не нашла широкой поддержки в юридической литературе, поскольку характеристика задач, решаемых следователем, ориентирует предварительное расследование на обвинительный уклон, неисключающий полное, всестороннее и объективное выяснение всех обстоятельств совершенного преступления (см.: 1. С. 174).

Здесь уместно напомнить, что А. И. Михайлов обоснованно дифференцирует цели и задачи предварительного следствия. Если первые характеризуют качественную сторону следствия и результаты их достижения проявляются в укреплении социалистической законности, сокращении и искоренении преступлений, воспитании граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и правил социалистического общества, то вторые — «это результаты, достижение которых возможно в настоящем и связано с расследованием конкретного уголовного дела. Задачи характеризуют предварительное расследование с количественной стороны, и степень их достижения может быть измерена» (13. С. 94—98). Такие задачи, как правило, реализуются путем последовательного решения внутренне взаимосвязанных исходных, промежуточных и заключительных подзадач, встающих перед следователем на

различных этапах деятельности по установлению объективной истины.

Наиболее сложные и разнообразные задачи, решать которые приходится в условиях информационной неопределенности, встают перед следователем на первоначальном этапе расследования преступлений. В зависимости от ситуации начала расследования он должен установить личность субъекта, совершившего уголовно наказуемое деяние: выяснить важные обстоятельства произошедшего, найти виновных и изблечить их. Наряду с этими основными задачами укажем и те, которые имеют производный характер и могут решаться на первоначальном этапе полностью или частично. Имеются в виду: выяснение мотива и формы вины, проверка, не совершил ли подозреваемый других преступлений (незарегистрированных либо нераскрытых), действовал он в одиночку или в группе, какова «роль» каждого из ее членов в содеянном, проверка алиби и др. По делам о корыстных преступлениях насущная задача — возмещение причиненного материального ущерба, предполагающее выявление и изъятие похищенного и подлежащего конфискации имущества.

Бесспорно, что подразделение преступлений на очевидные и неочевидные имеет важный практический смысл, поскольку позволяет конкретизировать задачи, требующие первоочередного решения сразу после возбуждения уголовного дела. В криминалистическом аспекте совершение преступления в условиях неочевидности характеризуют следующие обстоятельства: ограниченный объем исходных данных, объективно существующая либо субъективная трудность восприятия криминалистической информации (незначительный объем необходимых для раскрытия сведений сочетается со сложностью выявления их источников). Все это предопределяет специфику первоначального этапа расследования неочевидных преступлений: острую необходимость организационно-методического и научно-технического обеспечения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, широкого использования специальных познаний и др. (см. : 2; 5. С. 70—76).

В то же время из смысла ст. 2 Основ уголовного судопроизводства следует, что законодатель четко дифференцирует задачи раскрытия и изблечения виновного. Можно разделить точку зрения А. В. Дулова, что изблечение — это деятельность, которая должна проходить в контакте с виновным лицом, Здесь имеется в виду предъявление совокупности собран-

ных доказательств, получение объяснений по этому поводу, ходатайств о дополнительной проверке тех или иных фактов, завершающееся использованием такой совокупности, которая полностью изобличала бы подозреваемого в совершении преступления (см.: 7. С. 115).

Из приведенного выше можно заключить, что задача предварительного следствия — это та движущая сила, которая обуславливает необходимость и специфику познавательной деятельности следователя. Ясно, что первоочередной задачей при расследовании неочевидных преступлений является их раскрытие, а совершенных в условиях очевидности — изобличение виновного надежной совокупностью доказательств. Мы согласны с мнением ряда ученых, полагающих, что преступление можно считать раскрытым, когда собраны доказательства, достаточные для привлечения лица в качестве обвиняемого по делу (см.: 4. С. 23—25, 100—101; 5. С. 50; 14. С. 110—115). Однако по этому вопросу есть и другие точки зрения (см.: 3. С. 247—256; 16. С. 14—19; 18. С. 124—131).

Важно правильно решить вопрос о том, когда может быть предъявлено обоснованное обвинение и какая совокупность доказательств для этого необходима. Из смысла ст. 143 УПК РСФСР следует, что требуются достаточные доказательства, дающие основания для предъявления обвинения в совершении преступления, однако не разъяснено, какую совокупность доказательств можно считать достаточной. В литературе данный вопрос остается дискуссионным, поэтому его однозначное решение имело бы важное теоретическое и особенно практическое значение.

Комментируя упомянутую статью УПК, Г. М. Миньковский указывает, что «к моменту предъявления обвинения имеющиеся в деле доказательства должны устанавливать наличие события преступления, его квалификацию, умышленное или неосторожное совершение деяния лицом, подлежащим привлечению в качестве обвиняемого, и отсутствие обстоятельств, исключающих уголовную ответственность за содеянное» (11. С. 221). Последнее особенно важно, поскольку, как правильно подчеркивает А. М. Ларин, «отождествление обвиняемого или подозреваемого с преступником логически неправильно и юридически неправомерно» (см.: 12. С. 15).

Конечно, у следователя не должно оставаться сомнений в том, что его вывод о наличии совокупности доказательств, достаточной для привлечения лица в качестве обвиняемого,

является единственно правильным. Вместе с тем одни обстоятельства расследуемого уголовного дела могут быть выяснены раньше и полнее, чем другие. Поэтому И. Ф. Герасимов и В. А. Образцов правильно указывают, что диалектика следственной деятельности по раскрытию, как специфической разновидности сложного творческого процесса познания, предполагает переход от незнания к проблематичному, неполному знанию, а от него к знанию более полному и достоверному. Значит, раскрытие преступления может быть неполным и полным. Поскольку первоначальное предъявление обвинения не всегда совпадает с полным раскрытием, последнее достигается в ходе дальнейшего расследования. Установив ранее не известные обстоятельства, следователь должен предъявить подследственному уточненное обвинение. Это и будет означать, что преступление раскрыто полностью (см. : 5. С. 28—35; 15. С. 45). В частности, при совершении уголовно наказуемого деяния группой лиц или множественности (многоэпизодности) преступления раскрытие может быть сначала неполным. Полное раскрытие достигается при выяснении всех факторов (эпизодов) преступной деятельности, всех соучастников и при дифференциации их виновности.

В этой связи В. С. Комарков считает, что к моменту привлечения лица в качестве обвиняемого не обязательно выявление в полном объеме всей его преступной деятельности. Для привлечения лица необходимо установить хотя бы один из эпизодов, образующий самостоятельный состав преступления (см.: 10. С. 56). П. М. Давыдов полагает, что «к моменту привлечения лица в качестве обвиняемого достаточно установления обстоятельств, которые позволили бы сформулировать хотя бы одно простое обвинение» (6. С 298).

Уголовно-процессуальный закон, как известно, не связывает следователя необходимостью располагать к моменту вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого исчерпывающей совокупностью доказательств. В противном случае обвинение пришлось бы предъявлять при окончании предварительного следствия, а подследственный по существу лишился бы возможности активно защищаться. Поэтому законодатель специально и предусмотрел возможность изменения или дополнения обвинения в ходе предварительного расследования. Такая необходимость может возникнуть, если

— установлены обстоятельства, указывающие на новые факты, эпизоды инкриминируемого обвиняемому преступле-

ния, на увеличение суммы ущерба. Не вызывая изменения юридической квалификации преступного деяния, они, однако, могут иметь значение для индивидуализации наказания;

- действия обвиняемого следует квалифицировать по другой статье уголовного кодекса;

- квалификация содеянного остается прежней, но характеризуется иными данными, отличными от тех, которые были указаны в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого;

- первоначальное обвинение сформулировано неполно, не учтены обстоятельства, отягчающие и смягчающие вину, а также иные обстоятельства, характеризующие личность виновного;

- выявлено новое преступление, совершенное обвиняемым (см.: 20. С. 46).

Если возникли основания для изменения предъявленного обвинения или для его дополнения, следователь в соответствии со ст. 154 УПК РСФСР обязан составить новое постановление и предъявить его обвиняемому с соблюдением требований ст. 143, 144 и 148 УПК РСФСР. Поэтому в литературе верно подчеркнuto, что, когда формулировка обвинения дополняется или изменяется в связи с включением в нее обстоятельств, важных с точки зрения осуществления обвиняемым права на защиту, следователь обязан внести соответствующие изменения и дополнения в постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и выполнить требования ст. 148 и 150 УПК РСФСР (см.: 4. С. 129—134).

Таким образом, представляется правильным утверждение, что к моменту привлечения лица в качестве обвиняемого собирание и проверка доказательств должны привести к исключению всех ранее возникавших версий, иначе объясняющих как всю совокупность обстоятельств, являющихся необходимыми элементами основного содержания обвинения, так и каждого из них в отдельности. Доказательства могут быть признаны достаточными, если они приводят следователя к определенным суждениям о тех обстоятельствах дела, без которых нельзя сформулировать обвинение конкретного лица в совершении преступления, а вывод о каждом из данных обстоятельств основан на некоторой совокупности доказательств. Кроме того, исключается иное объяснение как совокупности этих обстоятельств, так и каждого из них в отдельности, причем дальнейшее собирание и проверка доказательств, относящихся к названным обстоятельствам, ослож-

ния, на увеличение суммы ущерба. Не вызывая изменения юридической квалификации преступного деяния, они, однако, могут иметь значение для индивидуализации наказания;

— действия обвиняемого следует квалифицировать по другой статье уголовного кодекса;

— квалификация содеянного остается прежней, но характеризуется иными данными, отличными от тех, которые были указаны в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого;

— первоначальное обвинение сформулировано неполно, не учтены обстоятельства, отягчающие и смягчающие вину, а также иные обстоятельства, характеризующие личность виновного;

— выявлено новое преступление, совершенное обвиняемым (см.: 20. С. 46).

Если возникли основания для изменения предъявленного обвинения или для его дополнения, следователь в соответствии со ст. 154 УПК РСФСР обязан составить новое постановление и предъявить его обвиняемому с соблюдением требований ст. 143, 144 и 148 УПК РСФСР. Поэтому в литературе верно подчеркнута, что, когда формулировка обвинения дополняется или изменяется в связи с включением в нее обстоятельств, важных с точки зрения осуществления обвиняемым права на защиту, следователь обязан внести соответствующие изменения и дополнения в постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и выполнить требования ст. 148 и 150 УПК РСФСР (см.: 4. С. 129—134).

Таким образом, представляется правильным утверждение, что к моменту привлечения лица в качестве обвиняемого собирание и проверка доказательств должны привести к исключению всех ранее возникавших версий, иначе объясняющих как всю совокупность обстоятельств, являющихся необходимыми элементами основного содержания обвинения, так и каждого из них в отдельности. Доказательства могут быть признаны достаточными, если они приводят следователя к определенным суждениям о тех обстоятельствах дела, без которых нельзя сформулировать обвинение конкретного лица в совершении преступления, а вывод о каждом из данных обстоятельств основан на некоторой совокупности доказательств. Кроме того, исключается иное объяснение как совокупности этих обстоятельств, так и каждого из них в отдельности, причем дальнейшее собирание и проверка доказательств, относящихся к названным обстоятельствам, ослож-

оборот. Другими словами, противодоказательство опровергает, нейтрализует соответствующее доказательство, исключает его из добытой совокупности, положенной в основу при предъявлении обвинения.

Следует различать нейтрализацию одним или несколькими противодоказательствами какого-либо одного доказательства и коллизию между всей совокупностью доказательств, с одной стороны, и каким-либо контрдоказательством (их системой) — с другой. В этом случае под сомнение ставится вся совокупность добытых по делу доказательств. Примером может служить алиби подозреваемого (обвиняемого). Достоверное установление алиби означает опровержение подозрений, разрушение всей совокупности имеющихся в деле доказательств. Ввиду своего значения алиби и другие противодоказательства общего характера подлежат самой тщательной и всесторонней проверке с учетом возможного противодействия следствию в установлении объективной истины со стороны преступника, его родственников и иных заинтересованных лиц. (Заметим, что контрдоказательства могут касаться внешнего облика, одежды, обуви, иных предметов, имевшихся у преступника).

Для выполнения требований уголовно-процессуального закона о полноте, всесторонности и объективности предварительного расследования необходимо установление следственным путем не только доказательств, но и противодоказательств. Лучших следователей как раз и отличает способность настойчиво и целеустремленно выявлять наряду с доказательствами также и контрдоказательства, а найдя их, правильно оценивать и использовать для конструирования совокупности доказательств, которая должна составить основу при предъявлении обвинения. Это позволяет обоснованно решить, раскрыто ли преступление полностью или частично, изблится ли подозреваемое лицо теми доказательствами, которые добыты, нет ли в их совокупности слабых, ненадежных компонентов.

Конечно, не только доказательства, но и противодоказательства должны быть достоверными. Выявление таких контрдоказательств должно служить следователю в качествестораживающего сигнала, указывающего на необходимость с максимальной тщательностью и скрупулезностью проверить все собранные улики, отнестись к ним критически, оценив при помощи информации, заключенной в противодоказательствах. Если при этом будет установлено, что противодо-

казательство общего характера вполне достоверно, то вся совокупность имеющихся в деле доказательств окажется несостоятельной. Компонующие ее доказательства будут случайными или мнимыми, а потому непригодными для обоснования виновности лица, привлекаемого по делу в качестве обвиняемого. Таким образом, не будет преувеличением сказать: выработка следователями умения выделять противодоказательства и с их помощью точно оценивать собранную совокупность доказательств — важная предпосылка для повышения качества предварительного расследования уголовных дел (см. : 17. С. 54—56).

Этот вывод подтверждается результатами изучения нами архивных уголовных дел об убийствах, изнасилованиях и иных тяжких преступлениях, оставшихся нераскрытыми¹. Тенденция игнорирования противодоказательств при составлении постановлений о привлечении в качестве обвиняемого прослеживается в них весьма отчетливо. Ясно, что такое игнорирование ведет к грубейшим нарушениям социалистической законности: неправомерным задержаниям, арестам граждан, длительному содержанию их в ИВС, а иногда и к осуждению за преступления, которых обвиняемый не совершал. Подобным примером может служить дело по обвинению Парфенова в изнасиловании и убийстве Истоминой в г. Кушва Свердловской области. Обвиняемый ссылаясь на алиби, указывал на иные обстоятельства, являющиеся по делу контрдоказательствами. Последние, однако, были проигнорированы либо неверно оценены, и Парфенова осудили, а после отбытия почти 6 лет ИТК усиленного режима — освободили, поскольку выяснилось, что он невиновен.

Подводя итог, можно сказать, что совокупность доказательств, необходимая для предъявления обоснованного обвинения, должна компоноваться с обязательным учетом имеющихся по делу противодоказательств. Только тогда она будет непротиворечивой, однозначной, полной, достоверной и надежной, что окажет положительное влияние на укрепление в стране законности и правопорядка, поднимет авторитет следственных органов.

¹ Всего нами изучено более 100 уголовных дел, большинство из которых — многотомные. Расследовались они следственными органами Свердловской, Костромской, Вологодской, Архангельской областей, Приморского края и Киргизской ССР.

1. Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980.
2. Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1986.
3. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики: В 3-х т. М., 1979. Т. 3.
4. Гаврилов А. К. Раскрытие преступлений. Волгоград, 1976.
5. Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975.
6. Давыдов П. М. Обвинение в советском уголовном процессе: Дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1973.
7. Дулов А. В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами. Минск, 1985.
8. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965.
9. Заблоцкий В. Г. Определение достаточности доказательств для привлечения лица в качестве обвиняемого // Актуальные вопросы государства и права на современном этапе. Томск, 1983.
10. Комарков В. С. Тактика допроса: Учеб. пос. Харьков, 1975.
11. Комментарий к УПК РСФСР. М., 1976.
12. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986.
13. Михайлов А. И. О задачах предварительного расследования в советском уголовном процессе // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1977. Вып. 26.
14. Михайлов А.И., Сергеев Л. А. Процессуальная сущность раскрытия преступлений // Сов. государство и право. 1971. № 4.
15. Образцов В. А. Теоретические основы раскрытия преступлений, связанных с ненадлежащим исполнением профессиональных функций в сфере производства. Иркутск, 1985.
16. Пантелеев И. Ф. Теоретические проблемы современной криминалистики: Учеб. пособие. М., 1980.
17. Селиванов Н. Противодоказательства в уголовных делах // Соц. законность. 1987. № 8.
18. Танасевич В. Г. О предмете советской криминалистики // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1976. Вып. 24.
19. Хмыров А. А. О системе доказательств по уголовному делу // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1985. Вып. 42,

20. Шубин В., Громов Н. Изменение и дополнение обвинения на предварительном следствии // Соц. законность. 1986. № 8.

В. В. Шимановский

ДОКАЗЫВАНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ВИНОВНОСТИ ЛИЦА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, ПРЕКРАЩАЕМЫМ ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ

Одной из форм окончания предварительного следствия является прекращение уголовного дела. По различным основаниям в стадии предварительного расследования прекращается значительное количество уголовных дел. Одна из классификаций процессуальных оснований для прекращения дела — это деление их на реабилитирующие и нереабилитирующие основания. При прекращении дела по реабилитирующим основаниям (пп. 1 и 2 ст. 5, п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РСФСР) лицо полностью и безусловно признается невиновным со всеми вытекающими правовыми и моральными последствиями. Все остальные основания прекращения дела, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, нереабилитирующие. К ним относятся случаи, когда факт совершения противоправного деяния конкретным лицом является доказанным, однако установлены обстоятельства, дающие возможность (или требующие) прекращения уголовного дела еще в этой стадии уголовного процесса.

В связи с нормой, закрепленной в ст. 160 Конституции СССР, согласно которой лицо может быть признано виновным только судом, в литературе и на практике развернулась оживленная дискуссия, в частности, о том, должен ли следователь устанавливать (доказывать) вину лица по делам, прекращаемым по нереабилитирующим основаниям, в том числе в связи с применением мер административного или общественного воздействия (ст. 6² — 9 УПК РСФСР).

Некоторые авторы считают, что при прекращении дела по таким основаниям нужно лишь констатировать факт совершения общественно опасного деяния и нет необходимости устанавливать вину обвиняемого. Так, утверждается, что с

передачей лица на поруки или при направлении дела в товарищеский суд задача следователя «не будет заключаться в установлении вины в уголовно-правовом смысле. Ему надо лишь констатировать (конечно, обоснованно) сам факт совершения обвиняемым деяния и то, что сам обвиняемый этого не отрицает (и в этом смысле он виновен)» (2. С. 249). Высказано мнение о том, что при передаче дела в товарищеский суд или комиссию по делам несовершеннолетних нет необходимости вдаваться в изучение всех элементов субъективной стороны состава преступления (см.: 7. С. 449).

С такой позицией согласиться нельзя. Во всех случаях прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям и при освобождении от уголовной ответственности следователь должен достоверно установить в деянии лица все элементы состава преступления. При этом вопрос о виновности, по нашему мнению, недопустимо ставить в зависимость от того, признает ли лицо себя виновным или не признает.

Вместе с тем в литературе высказана и другая, крайняя позиция, сторонники ее утверждают, что акт об освобождении от уголовной ответственности и прекращении дела по основаниям, предусмотренным ст. 6¹ УПК РСФСР, «не означает ничего иного, как признание лица, освобожденного от уголовной ответственности, виновным в совершении преступления» (3. С. 178).

В соответствии с упомянутой статьей Конституции СССР признавать, провозглашать от имени государства лицо виновным в совершении преступления со всеми вытекающими отсюда уголовно-правовыми последствиями, действительно, может лишь суд в своем приговоре. Однако уголовно-процессуальный закон (ст. 2, 3, 20, 68 УПК РСФСР) обязывает следователя изобличать виновных, устанавливать, доказывать виновность (равно как и невиновность) лица. Требование быстрого и полного раскрытия каждого преступления, принятие всех предусмотренных законом мер к установлению события преступления, лиц, виновных в его совершении, обращены прежде всего к деятельности органов предварительного расследования. Однако установление виновности — это еще не признание обвиняемого виновным, что возможно только по приговору суда (см.: 6. С. 101 — 102, 168). Таким образом, признание лица виновным и установление, доказывание виновности — понятия не идентичные. Если признать виновным лицо может только суд в обвинительном приговоре, то установление, доказывание виновности — не только право

но и первейшая процессуальная обязанность следователя, когда установлено событие преступления и лицо изобличено в его совершении. Такая обязанность возлагается на следователя не только по делам, направляемым с обвинительным заключением в суд, но и при прекращении дела по нереабилитирующим основаниям. Хотя прекращение дела по нереабилитирующим основаниям и не связано с провозглашением данного лица преступником, однако это вовсе не означает, что следователь не должен в таких случаях достоверно изучать, доказывать его вину.

Нужно полностью согласиться с утверждением: совершенно бесспорно «то положение, что при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям деяние, виновность и связанные с ними обстоятельства должны быть установлены в таком объеме, как и при окончании предварительного расследования с составлением обвинительного заключения» (1.С. 86; 4. С. 216). Прекращение дела по этим обстоятельствам при недостаточной исследовательности деяния и вины лица, его совершившего, влечет нарушение прав граждан и подрывает авторитет следственных органов в глазах окружающих.

В постановлении о прекращении дела по указанным основаниям следователь, анализируя обстоятельства дела, собранные доказательства и мотивируя свое решение, неизбежно фиксирует, констатирует виновность лица, ибо само это решение должно вытекать из внутреннего убеждения следователя в том, что преступление совершено данным лицом. основополагающий принцип борьбы с преступностью гласит: каждое деяние, содержащее признание преступления, должно быть раскрыто, а лицо, совершившее его, изобличено¹. Поскольку прекращением дела по нереабилитирующим основаниям принимается окончательное решение по делу и тем самым завершается судопроизводство по нему, следователь должен к этому моменту разрешить все задачи уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК РСФСР), т. е. виновность лица; совершившего преступление, должна быть безусловно доказана.

¹ Нельзя не учитывать, что все случаи прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям отражаются в статистической отчетности как раскрытие преступления. В данной статье не рассматривается дискуссионный вопрос о праве органон предварительного расследования вообще освобождать от уголовной ответственности лиц по нереабилитирующим основаниям, поскольку прекращение дела в этих случаях предполагает решение вопроса о вине лица.

Нужно учитывать, что при прекращении дела с применением мер административного или общественного воздействия (ст. 6¹ УПК РСФСР) эти меры могут быть применены только к лицам, действительно совершившим деяние, содержащее признаки преступления, т. е. к лицам, виновным в их совершении. Цель этих мер — исправление и перевоспитание лица без применения уголовного наказания (ст. 50 УПК РСФСР). «Понятно, — справедливо отмечает В. З. Лукашевич, — что исправлять и перевоспитывать без применения уголовного наказания можно только виновного, а применительно к невиновному такая задача не может даже ставиться» (6. С. 176). При прекращении дела по этим основаниям следователю необходимо мотивировать положение о том, что преступление совершено данным лицом. Существенной гарантией обоснованности утверждения о виновности лица служит правовая норма, согласно которой прекращение дела по пп. 3 и 4 ст. 5, а также по основаниям, предусмотренным ст. 6¹ УПК РСФСР не допускается, если лицо против этого возражает. Гражданин вправе требовать судебного разрешения вопроса о своем виновности.

Вместе с тем утверждение следователя о виновности не влечет и не может повлечь каких-либо уголовно-правовых последствий, в частности тех, которые наступают при признании лица виновным, сформулированным от имени государства в судебном приговоре (возложение уголовной ответственности, назначение уголовного наказания, факт судимости).

В практике нередко возникает вопрос о том, необходимо ли до прекращения уголовного дела по указанным основаниям предъявлять лицу обвинение. Особую актуальность данный вопрос приобретает при освобождении лица от уголовной ответственности с применением к нему мер административного или общественного воздействия. Четкого ответа на этот вопрос в законе нет; следственная практика же единообразна. По смыслу действующего закона (что подтверждается практикой) прекращать дела по таким основаниям можно и без предъявления лицу обвинения.

Изучение уголовных дел показывает, что в той или иной мере неполнота исследования всех необходимых обстоятельств по делам, по которым лицо не привлекалось в качестве обвиняемого, встречается значительно чаще, чем по делам, по которым лицо привлекалось в качестве обвиняемого (см. :1. С. 78—80). И это, думается, не случайно. Необходимость

вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявления обвинения заставляет следователя собрать исчерпывающие доказательства, правильно сформулировать обвинение, дать точную квалификацию содеянного. Допрос лица в качестве обвиняемого дает возможность выяснить его отношение к предъявленному обвинению, помогает более правильно решить вопрос о возможности исправления без применения мер уголовного наказания. Без предъявления обвинения следователю трудно выполнить и требования закона (ч. 2 ст. 6¹ УПК РСФСР) о необходимости разъяснения лицу сущности деяния, основания его освобождения от уголовной ответственности, а также выяснить, не возражает ли он против прекращения дела по данному основанию. Нельзя упускать из виду то, что уже сама процессуальная процедура предъявления обвинения и допроса лица в качестве обвиняемого оказывает определенное воспитательное воздействие. Поэтому следует согласиться с мнением о том, что практика прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям без привлечения лица в качестве обвиняемого не может считаться оправданной (см.: 1. С. 80).

Прекращение дела по данным основаниям без предъявления обвинения и допрос в этом случае лица по делу лишь в качестве свидетеля не обеспечивают ни право на защиту ни полноту и всесторонность исследования обстоятельств, имеющих значение для дела. Не случайно, УПК некоторых союзных республик разрешает данный вопрос однозначно. Так, в ч. 2 ст. 5¹ УПК Узбекской ССР предусматривается, что уголовное дело может быть прекращено в связи с применением мер административного или общественного воздействия только после предъявления обвинения. В УПК Эстонской ССР (ст. 6) тоже подчеркивается, что прекращение дела с передачей лица на поруки может иметь место только после предъявления обвинения.

Поэтому представляется целесообразным и необходимым прекращать уголовные дела по нереабилитирующим основаниям, в том числе с применением мер административного или общественного воздействия, не ранее предъявления обвинения и допроса лица в качестве обвиняемого (см.: 5. С. 22). Следовало бы, на наш взгляд, предусмотреть более категоричную формулировку данного положения в законе. Это дало бы возможность обеспечить действительно полное раскрытие каждого преступления, гарантировать обоснованность и за-

конность решения следователя об освобождении виновного лица от уголовной ответственности.

Таким образом, прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям может иметь место только при бесспорной доказанности как самого факта преступного деяния, так и виновности лица, когда по делу собраны исчерпывающие доказательства, а лицу, как правило, предъявлено обвинение, он допрошен в качестве обвиняемого, и следователем проведена необходимая проверка его показаний, а также выяснен вопрос, не возражает ли это лицо против прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию.

1. Барабаш А. С., Володина Л. М. Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям в стадии предварительного расследования. Томск, 1986.
2. Галкин Б. А. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962.
3. Добровольская Т. Н. Об изменении порядка прекращения уголовных дел и некоторых спорных проблемах правосудия // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. М., 1979.
4. См.: Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974.
5. См.: Комментарий к УПК РСФСР. М., 1974.
6. См.: Лукашевич В. З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Л., 1985.
7. См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М., 1966.

А. Н. Копьева

ВОПРОСЫ ВИНОВНОСТИ В РЕШЕНИЯХ ВЫШЕСТОЯЩИХ СУДОВ

Уголовно-процессуальный институт обвинения представляет собой совокупность норм, регулирующих отношения по поводу совершенного преступления между государством и определенным лицом, которому предъявляется обвинение в совершении данного преступления (см. : 2. С. 61). Эти отношения в своем развитии проводят несколько этапов.

Мы рассматриваем особенности разрешения вопросов виновности судами кассационной и надзорной инстанций. «Кассационная инстанция не вправе вносить в приговор изменения, основанные на не установленных судом первой инстанции обстоятельствах или отвергнутых им доказательствах» (ст. 350 УПК РСФСР). «Суд, рассматривающий дело в порядке надзора, не вправе устанавливать или считать доказанными факты, которые не были установлены в приговоре или отвергнуты им, а равно не вправе предрешать вопросы о доказанности или недоказанности обвинения, о достоверности или недостоверности того или иного доказательства и о преимуществах одних доказательств перед другими, о применении судом первой инстанции того или иного уголовного закона и о мере наказания» (ст. 380 УПК РСФСР).

Таковы требования действующего закона. Если же обратиться к практике судов кассационной и надзорной инстанций, то эта практика не всегда соответствует изложенным в законе требованиям.

Нами проанализированы опубликованные данные и практика Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР за период. 1975—1984 гг.

Вывод такой: вышестоящие суды устанавливали наличие необходимой обороны в 1,3 проц. случаев, в 0,4 проц. установлено превышение пределов необходимой обороны,

около 1 проц. — совершение преступления в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения и во многих других случаях при переквалификации деяния или при прекращении уголовного дела производством вышестоящие суды устанавливают новые факты или иные формы вины, нежели суды нижестоящие.

Вышестоящие суды решают задачу отмены незаконных или необоснованных актов, вынесенных ранее, переоценивают эти акты, с констатацией правильности или неправильности установления в них фактов, доказанности или недоказанности обвинения и правильности или неправильности квалификации содеянного. В нашем исследовании вопросы виновности решались почти в 20 проц. случаев.

При принятии окончательного решения по делу, т. е. при оставлении приговора в силе, изменении приговора или его отмены с прекращением уголовного дела производством вышестоящие суды, конечно же, решают вопросы виновности или невиновности. Такие решения правомерны в соответствии с требованиями ст. 51 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик, в которой говорится об обязательности указаний вышестоящих судов, т. е. ее требования не распространяются на перечисленные случаи окончательного разрешения дела. Но изменения, вносимые в приговор вышестоящим судом, расходятся с требованиями ст. 350 и ст. 380 УПК РСФСР.

Если же вышестоящий суд принимает решение о возвращении дела на новое рассмотрение в суд первой или второй инстанции или на дополнительное расследование, то в этих случаях всегда, как показывает практика, обсуждаются вопросы доказанности виновности осужденного или оправданного, степень вины предопределяет правильность квалификации деяния.

Таким образом, вопросы виновности, фактических обстоятельств дела и правильности квалификации обсуждаются в совокупности.

Вопросы вины наиболее разработаны в теории уголовного права, где вина изучается в качестве элемента состава преступления. Но уголовно-правовой анализ вины не затрагивает вопросов ее установления на предварительном следствии и в суде. Вопросы познания вины как обстоятельства дела лежат за пределами науки уголовного права и входят в предмет науки уголовного процесса. «Виновность» выступает элементом предмета доказывания по уголовному делу

и поэтому является уголовно-процессуальной категорией. Среди ученых идут споры по вопросу о природе вины как объекта познания. Одни считают вину «объективно существующим фактом» (см.: 6. С. 302, 304, 324, 385), другие, наоборот, исходят из того, что вина как объект познания — это чисто субъективный фактор, «факт сознания лица» (см.: 3. С. 228).

Нам представляется правильным вывод о том, что вина, будучи субъективным явлением, фактом сознания, одновременно выступает и как элемент преступного поведения, т. е. объективизирована в поступках и наступивших вредных последствиях (см.: 5. С. 86).

В преступлении происходит «перевод» индивидуально-психических явлений в реальные, социально значимые, противоправные факты. В процессе познавательной деятельности следователь и судьи производят обратный «перевод», устанавливая психическое состояние (в форме вины) из реально совершенного акта преступного поведения.

Вина как объект познания недоступна чувственному восприятию. Она определяется по внешним признакам ее проявления: самого преступного поведения — ее направленности на определенный объект посягательства, устной и письменной речи самого действующего лица во время, до и после совершения преступления, по показаниям обвиняемого. Действия и «слова» преступника могут восприниматься гражданами и как свидетельские показания доводятся до сведения суда и следователя.

Для доказывания вины существенное значение имеет ее рассмотрение не только как элемента состава преступления, но и как объекта познания (см.: 5. С. 86).

Традиционно проблема доказывания вины подменяется ее рассмотрением применительно лишь к квалификации преступления. Уголовно-процессуальный кодекс содержит такие понятия, как «виновный», «виновен», «лицо виновное», «вина обвиняемого», «виновность», ими охватываются все субъективные обстоятельства преступления, вменяемые лицу и подлежащие изложению в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении, в приговоре по делу, в определениях и постановлениях вышестоящих судов. Эти термины говорят о вине лица и ее формах, а также о виновности конкретного лица и о противоправности его действий. Уголовно-процессуальный закон связывает понятие виновности с определенным процессуальным положением

лица. «Наряду с общим понятием о лице, виновном в совершении преступления (деяния), он (закон. — А. К.) указывает на три процессуальных положения лица, когда упоминает о его виновности: 1) виновность обвиняемого; 2) виновность подсудимого; 3) виновность осужденного. Уголовно-процессуальное законодательство, трактующее вину как обстоятельство, подлежащее доказыванию по делу, возлагает на органы предварительного расследования и суд не только ее доказывание в установленных уголовным законом формах умысла и неосторожности, но и ее конкретизацию в виде принадлежности конкретному лицу (виновному), и определение в зависимости от этого его процессуального положения по делу» (4. С. 78—79).

Процессу установления вины всегда предшествует установление факта преступного события и причастности лица к его совершению. На основании указанных объективных данных происходит выявление формы вины. Виновное отношение лица — это не просто «факт сознания», оно объективируется в конкретных реальных действиях и их результатах.

Вина, таким образом, — не только и не столько факторы, которые происходят в сознании людей, а акты реального преступного поведения. По самой преступной деятельности, ее материальным следам, отдельным фрагментам можно воссоздать психическое отношение лица к содеянному. Вина должна быть доказана, как и все другие элементы предмета доказывания, она не может основываться на домыслах и предположениях.

Вина выполняет две функции: а) психологическую (сознание и регуляцию преступным поведением), б) юридическую (квалификацию содеянного) (см.: 4. С. 83). Все это объединяет вину как факт с психическим отношением к содеянному и квалификацией преступления. Приведем как пример дело Лосева и Свиридова. Лосев признан виновным в умышленном убийстве Губанова, а Свиридов — в недонесении о преступлении.

Вечером 1 декабря 1979 г. Губанов и Ашимов, находясь в состоянии опьянения, вышли на улицу с собакой овчаркой, принадлежащей Губанову, с целью проверки реакции собаки на опасность для хозяина. Губанов и Ашимов договорились провоцировать нападение на прохожих. Сначала они приблизились к проходившему по улице неустановленному следствием гражданину и Ашимов отпустил поводок. Собака

устремилась на прохожего. Тот потребовал убрать ее, а затем убежал. Следуя дальше, Губанов догнал Майера Алексея, обнял его за плечи и попросил закурить. Майер, увидев бегущего к нему Ашимова с собакой, испугался, вырвался и убежал. Губанов и Ашимов побежали за ним, но преследовали недолго.

Примерно в 24 часа встретили на улице Лосева и его зятя Свиридова, которые были в нетрезвом состоянии. Губанов толкнул плечом Свиридова, позвал к себе собаку, Лосев и Свиридов стали убежать. Лосева, человека пожилого и небольшого роста, догнал Губанов и схватил его. Лосев вытащил складной ножик и нанес им удар Губанову в брюшную полость. Однако Губанов продолжал удерживать Лосева. Тогда Лосев нанес Губанову 10 ножевых ранений, от которых Губанов скончался. После этого Лосев и Свиридов убежали с места происшествия.

Свиридов, зная об убийстве Лосевым Губанова, не сообщил в соответствующие органы.

Кассационный суд обвинительный приговор отменил и прекратил дело в отношении Лосева и Свиридова за отсутствием состава преступления.

Пленум Верховного Суда СССР возвратил дело на дополнительное расследование, указав наряду с другими обстоятельствами следующее.

Располагая материалами, указывающими на то, что сам обвиняемый подвергся ничем не вызванному с его стороны и неожиданному нападению, следственные органы, однако, не дали этому обстоятельству должной оценки и не обеспечили его тщательной проверки. Приведенные данные позволяют предполагать, что на Лосева было совершено противоправное посягательство и он действовал только в целях своей защиты. А при таком положении при оценке совершенного должны применяться правила о необходимой обороне.

Вместе с тем решение о прекращении дела производством, принятое кассационной инстанцией, не учитывает необходимости проведения дополнительного расследования в целях наиболее полного установления картины события путем детальной проверки имеющихся, а также могущих быть вновь добытыми, доказательств и устранения противоречий, влияющих на их оценку (см.:9. С. 17—19).

В приведенном случае кассационный суд установил новое обстоятельство по сравнению с судом первой инстанции — отсутствие вины в действиях осужденных, а суд надзорной

инстанции по существу предрешил вопрос об отсутствии вины в действиях Лосева и Свиридова.

По делу Тажибаева и Гусейнова вышестоящий суд принял решение о возвращении дела на новое расследование, усмотрев в их действиях вину в более опасном преступлении нежели ту, за которую они были осуждены судом первой инстанции. Тажибаев осужден за изнасилование Л. без квалифицирующих признаков. Гусейнов — за пособничество в изнасиловании. Вывод об отсутствии в действиях Гусейнова признаков соисполнительства по тем мотивам, что высказанная им в адрес потерпевшей угроза не способствовала достижению преступной цели и в момент изнасилования Гусейнова рядом не было, является необоснованным и противоречит установленным судом обстоятельствам. Вышестоящий суд указал: «Действия виновных представляли опасность для жизни потерпевшей, в реальности которой она не сомневалась. По этой причине воля Л. оказалась парализованной. В связи с этим то обстоятельство, что в момент изнасилования потерпевшей Гусейнова рядом не было, не имело значения для беспрепятственного осуществления Тажибаевым преступного намерения» (8. С. 30—32).

Возвращая на новое кассационное рассмотрение дела Трясцина, Пленум Верховного Суда СССР указал: «Трясцин сознавал общественно опасный характер своих действий, равно как и предвидел наступление в результате их общественно опасных последствий... При таких обстоятельствах и отсутствии иных соображений, опровергающих это, следует признать, что, совершая преступные действия, направленные на поджог дома, Трясцин вместе с тем имел косвенный умысел по отношению к лишению жизни находящихся в нем людей. В связи с изложенным следует согласиться с необоснованностью доводов, приведенных в обоснование прекращения дела в части обвинения Трясцина в убийстве» (7. С. 21—23).

Приведенная практика подтверждает: вышестоящие суды предрешают вопросы доказанности или недоказанности обвинения.

Анализ судебной практики приводит к выводу, что действующий уголовно-процессуальный закон по этому вопросу нуждается в существенных изменениях. Если признать, что ст. 51 Основ относится только к случаям возвращения дела на новое судебное рассмотрение или дополнительное расследование, то и тогда необходимо в нее внести дополнения,

поскольку имеющаяся редакция вызывает различные толкования в теории и практике.

Прежде всего, как уже это неоднократно отмечалось теоретиками (см.: 1. С. 178), закон должен содержать точное указание пределов прав вышестоящего суда при окончательном решении по делу, т. е. при внесении изменений в приговор или прекращении уголовного дела. Здесь должен действовать, главным образом, принцип «не ухудшай», а другие ограничения должны быть минимальными. В этих случаях вышестоящий суд устанавливает или более правильно, по-новому, истолковывает установленные ранее нижестоящим судом обстоятельства. Судом решаются вопросы виновности или невиновности, формы вины, вопросы о достоверности одних доказательств и недостоверности других, об изменении квалификации и мере наказания. Эти выводы полностью подтверждает практика и нет оснований считать ее неправильной.

Содержащееся в ст. 350 УПК РСФСР требование о том, что «кассационная инстанция не вправе вносить в приговор изменения, основанные на не установленных судом первой инстанции обстоятельствах или отвергнутых им доказательствах», не имеет практического применения.

Исследованная нами практика подтверждает: в указанных случаях вышестоящий суд может усмотреть обстоятельства, которые не обнаружил нижестоящий суд, например вместо умышленного убийства — необходимую оборону или превышение ее пределов или недоносительство о преступлении, вместо соучастия в хищении государственного имущества, и т. д.

Вышестоящий суд часто вносит изменения в приговор потому, что признает правильным те доказательства, которые отверг суд нижестоящий, например отсутствие у гражданина прямого умысла, наличие смягчающих ответственность данных и др.

По нашему мнению, ч. 2 ст. 350 УПК РСФСР вполне может быть исключена из текста закона, так как практического значения не имеет и не основана на общесоюзном законе.

Равным образом могут быть устранены из закона ч. 7 и 8 ст. 380 УПК РСФСР. Ограничения, которые необходимо указать в законе, должны относиться к случаям возвращения дела на новое судебное рассмотрение или дополнительное расследование. Правда, в этом случае их не стоило бы

называть запретами или ограничениями в отношении деятельности вышестоящего суда, но можно было бы признать необязательность некоторых указаний по вопросам, решаемым по внутреннему убеждению следователя и судей нижестоящих судов.

В этой связи мы предлагаем такую формулировку ст. 51 Основ. Наименование прежнее: «Обязательность указаний вышестоящих судов». Содержание: «Указания суда, рассматривающего дело в кассационном порядке или в порядке судебного надзора, обязательны при дополнительном расследовании и при вторичном рассмотрении дела судом.

Суд, рассматривающий дело в кассационном порядке или порядке судебного надзора, вправе высказать свое мнение о доказанности фактов, которые не были установлены в приговоре или отвергнуты им, а также о доказанности или недоказанности обвинения, о достоверности или недостоверности того или иного доказательства и о преимуществах одних доказательств перед другими о применении судом первой и второй инстанции того или иного уголовного закона и о мере наказания.

Мнение вышестоящего суда по вопросам, перечисленным во второй части настоящей статьи, не обязательно для суда, рассматривающего дело вновь, и для органов предварительного расследования. Они должны решать указанные вопросы по своему внутреннему убеждению».

Если исходить из того, что вышестоящий суд способен устанавливать истину по делу (а других исходных данных у нас быть не может, поскольку вышестоящий суд вправе прекратить производство по делу или внести в приговор изменения, улучшающие положение осужденного) и в этом случае достигается истина по делу, то, по-видимому, вышестоящий суд, как более квалифицированный судебный орган, способен устанавливать также правильно и другие обстоятельства по делу, когда он не принимает окончательного решения.

Другое дело, что всякий судебный орган принимает решение по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела, поэтому обязательные предписания не могут быть сделаны для следователя и нового судебного разбирательства, поскольку это ущемило бы свободу внутреннего убеждения следователей и судей и сама их деятельность превратилась бы в формальность.

Предлагаем общесоюзный закон дополнить еще одной нормой на случай окончательного разрешения дела вышестоящим судом в следующей формулировке.

«При отмене приговора с прекращением дела производством или внесении в приговор изменений, суд, рассматривающий дело в кассационном порядке или в порядке судебного надзора, вправе обсудить все возникающие по делу вопросы и разрешить их, в том числе о доказанности фактов, которые не были установлены в приговоре или были отвергнуты им, а также о доказанности или недоказанности обвинения, о достоверности или недостоверности того или иного доказательства и о преимуществах одних доказательств перед другими, о применении судом первой или второй инстанции того или иного уголовного закона и о мере наказания с тем, чтобы такие изменения не ухудшали положение осужденного».

1. Арсеньев В. Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в отдельных стадиях советского уголовного процесса // Вопросы борьбы с преступностью по советскому законодательству. Иркутск, 1969.
2. Даев В. Г. Взаимосвязь УГОЛОВНОГО права и процесса. Л., 1982.
3. Злобин Г. А., Никифоров В. С. Умысел и его формы. М., 1972.
4. Петелин Б. Я. Вина, как обстоятельство, подлежащее доказыванию по делу // Сов. государство и право. 1981. № 11.
5. Петелин Б. Я. Методы установления вины // Сов. государство и право. 1983. № 10.
6. Пионтковский А. А. Учение о преступлении. М., 1970.
7. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1976. № 4.
8. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1980. № 5.
9. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1983. № 6.

II. ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ И ТАКТИКИ ДОКАЗЫВАНИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

А. А. Хмыров

КОСВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Одной из основных задач советского уголовного судопроизводства является установление виновности лица, совершившего преступление. Средством решения этой задачи служат доказательства, с помощью которых устанавливаются причастность лица к совершению преступления, наличие и форма его вины, мотивы и цели преступления.

Если событие преступления, а нередко и причастность к нему данного лица могут устанавливаться как прямыми, так и косвенными доказательствами, то субъективная сторона устанавливается главным образом косвенными доказательствами, приобретающими в доказывании обстоятельств решающее значение (см. : 13 С. 5). Трудность установления субъективной стороны преступления обусловлена как раз отсутствием и ненадежностью прямых доказательств, а также неумением некоторых следователей и судей (или недооценкой ими возможности) использовать для этих целей косвенные доказательства.

Среди таких доказательств необходимо, на наш взгляд, различать две группы: доказательства причастности лица к преступлению и доказательства формы и степени вины, мотивов и цели преступления.

Доказательства причастности лица к преступлению включают в себя доказательства, относящиеся к личности обвиняемого: «улики поведения»; доказательства принадлежности вещей и доказательства, относящиеся к поведению потерпевшего.

Доказательственное значение данных о личности обвиняемого служит предметом дискуссии среди процессуали-

стов. Точка зрения, согласно которой данные о личности обвиняемого важны не только для назначения наказания, но и могут служить косвенными доказательствами причастности его к преступлению, имеет много сторонников среди советских юристов.

Приверженцы противоположного взгляда исходят из того, что «данные о личности обвиняемого имеют значение только для определения степени опасности преступления и ответственности обвиняемого за доказанное совершение им преступления, но сами они не являются доказательствами совершенного обвиняемым преступления» (I. С. 100; И. С. 279). Под этими данными понимают лишь социально-психологическую характеристику обвиняемого, его моральные качества, общественную и производственную деятельность (см. 7. С. 174—175; 4. С. 54); Такие данные действительно не могут служить доказательствами факта совершения преступления обвиняемым. Однако нельзя упускать из виду, что личность характеризуется и другими, весьма важными с точки зрения расследования, данными. К их числу нужно отнести прежде всего доказательства, характеризующие неотъемлемые физические свойства обвиняемого (рост, телосложение, размеры отдельных частей тела, характер пальцевых узоров, физическую силу, группу крови, наличие физических дефектов и аномалий, следы перенесенных болезней и операций, татуировки и другие особые приметы и т. п.). Эти данные широко используются в качестве доказательств. Например, отразившиеся в следах на месте происшествия физические свойства обвиняемого, конечно же, будут рассматриваться следователем и судом как одна из улик против него.

В меньшей степени все сказанное относится и к таким данным о личности, как: специальные знания и опыт, профессиональные способности и навыки. Общеизвестно, например, что все учебники криминалистики указывают на необходимость при осмотре обращать внимание на характер узлов, которым завязана петля на жертве, или на особенности расчленения трупа и т. п. А ведь все это — отражение свойств, привычных или профессиональных навыков личности, и они всегда рассматриваются как косвенные доказательства, подтверждающие или опровергающие факт совершения преступления подозреваемым лицом. Данные о профессиональных способностях и навыках, отразившихся в способе совершения или сокрытия преступления, о наличии и об отсутствии у обвиняемого специальных полномочий и возможно-

сти совершить определенные действия по службе и т. п. — также могут рассматриваться как косвенные доказательства его причастности или непричастности к совершению преступления.

Следственная и судебная практика признает доказательственное значение за подобными данными о личности обвиняемого, используя их и в качестве обвинительных, и оправдательных доказательств. Так, по делу К. (обвинявшегося в нанесении тяжких телесных повреждений Б. в состоянии внезапно возникшего душевного волнения, вызванного насилем со стороны потерпевшего) Пленум Верховного Суда СССР в качестве доказательства того, что обвиняемый действовал в состоянии необходимой обороны, указал на физическую слабость обвиняемого по сравнению с потерпевшим, который первым напал на него и нанес сильный удар кулаком. Интересно, что и этот признак был установлен косвенными доказательствами — данными о весе и росте обвиняемого и потерпевшего: вес обвиняемого был 69 кг, рост — 172 см, тогда как у потерпевшего вес — 98 кг и рост — 185 см (см.: 15. С. 12—13).

Конечно, отдельные улики такого рода не решают судьбу дела (как, впрочем, и любое отдельно взятое доказательство), они устанавливают причастности лица к преступлению только в совокупности с другими доказательствами, относящимися к деянию и к ситуации, в которой это деяние было совершено, что, однако, не дает оснований отрицать за ними доказательственного значения.

Доказательства, относящиеся к личности обвиняемого, имеют и большую поисковую ценность. Данные о внешности преступника, его анатомических и функциональных признаках, особых приметах широко используются при розыске, они лежат в основе такого следственного действия, как предъявление для опознания. Отразившиеся в следах на месте преступления физические свойства лица и даже его стойкие привычки (например манера курить папиросу) используются для построения розыскных и следственных версий. Сведения о физических недостатках, аномалиях, ранениях и т. д. используются не только для избличения лица в совершении преступления, но и для розыска.

Среди доказательств причастности лица к преступлению заметное место занимают так называемые улики поведения — данные о фактах, относящихся к поведению обвиняемого, связанному с совершением преступления.

Разумеется, не всякое поведение обвиняемого может иметь доказательственное значение. Прежде всего, не могут использоваться в качестве доказательств данные о психологических реакциях обвиняемого на процессуальные действия следователя или суда, так как установить объективную связь этих данных с совершением преступления на современном уровне науки практически невозможно. Обвиняемый во время допроса может быть возбужден или подавлен не только потому, что он виновен, но и по противоположной причине. То обстоятельство, что обвиняемый волнуется, отвечая на определенные вопросы, не может сразу подыскать ответ на них, изменяет тон своих показаний и т. п., может служить лишь своеобразным индикатором, помогающим следователю и суду избрать правильную тактику допроса и направление дальнейших поисков, но рассматриваться как доказательство не может.

К поведению, имеющему доказательственное значение, нужно отнести такое поведение обвиняемого, которое направлено на уклонение его от ответственности, а также поведение, свидетельствующее о «виновной осведомленности», об использовании обвиняемым плодов преступления и о косвенном признании им своей вины.

Рассмотрим подробнее каждую из этих разновидностей «улик поведения».

Большое место среди них занимают данные о действиях обвиняемого, направленных на уклонение от ответственности за преступление. Подобные улики часто встречаются в практике расследования и бывают весьма разнообразны по характеру. К числу наиболее типичных можно отнести неожиданное бегство обвиняемого, его попытки уничтожить следы преступления и изобличающие его доказательства (например, сжечь окровавленную одежду, документы и т. п.) либо, напротив, попытки искусственно создать оправдательные доказательства, например алиби. Доказательствами данной группы являются также сведения о попытках склонить свидетелей к даче ложных показаний, сфальсифицировать вещественные доказательства, подделать документы и т. п. Сюда же относятся данные о действиях обвиняемого, предпринятых с целью отвести от себя подозрения в совершении преступления (нередко еще до того, как они возникли у следователя). Особенно часто это бывает в делах об убийствах, связанных с исчезновением лица, когда убийца распространяет слухи о том, что

исчезнувший жив, его где-то видели, а иногда даже фабрикует письма и телеграммы от его имени.

Важными «уликами поведения» служат данные о так называемой виновной осведомленности, т. е. осведомленности обвиняемого о таких обстоятельствах преступления, которые могут быть известны лишь его исполнителю.

В числе «улик поведения» находятся данные, свидетельствующие об использовании обвиняемым плодов преступления: похищенных денег и документов, а также благ и ценностей, добытых в результате преступления". Такие доказательства особенно характерны для дел о хищениях, совершаемых должностными лицами, где данные о «широком образе жизни» и «жизни не по средствам» являются едва ли не самыми распространенными доказательствами. Нередко с них и начинается расследование подобных преступлений.

Наконец, говоря о доказательствах этой группы, необходимо указать и на косвенное признание обвиняемым своей вины. О таком признании следователь и суд могут узнать при допросе свидетелей — нередко обвиняемый невольно выдает себя в разговорах с близкими и даже посторонними ему людьми. Однако гораздо чаще данные, косвенно свидетельствующие о признании обвиняемым своей вины, содержатся в письмах или записках, адресованных родным и близким либо соучастникам преступления. Косвенное признание может выразиться в действиях, например, узнав о приезде ревизоров, должностное лицо начинает прятать имущество и готовиться к бегству и т. п.

Таковы основные виды фактических данных, которые могут быть использованы в качестве доказательств, относящихся к поведению обвиняемого. Наряду с данными, характеризующими его личность, они составляют важную группу доказательств, служащих установлению причастности лица к преступлению. Криминалистическое значение «улик поведения» велико, однако следует решительно предостеречь от его переоценки: без доказательств, устанавливающих объективную сторону и все иные обстоятельства преступления, «улики поведения» не могут служить единственным основанием для установления виновности обвиняемого.

В криминалистической литературе было высказано мнение о том, что виновность обвиняемого может быть установлена только «уликами поведения» (см. : 5. С. 34; 6. С. 15). Подобное утверждение нельзя признать обоснованным. Ви-

новность не может устанавливаться безотносительно к остальным элементам состава преступления и прежде всего — к объективной стороне его. Осознание противоправности деяния и отношение к его последствиям и образуют содержание вины. Необходимо установить все указанные признаки. Решить же эту задачу только с помощью «улик поведения» невозможно. Вот почему о таких доказательствах можно говорить лишь как об одном из элементов системы доказательств по делу.

В группе доказательств причастности лица к преступлению большое значение имеют и доказательства принадлежности вещей. Известно, например, что в случаях исчезновения лиц событие преступления устанавливается обычно косвенными доказательствами, среди которых весьма распространенным является обнаружение вещей исчезнувшего в тех местах или у тех лиц, где они должны были бы находиться. Если факт убийства установлен, обнаружение вещей убитого не менее важно — они могут указать на лиц, причастных к убийству. Общеизвестно значение обнаружения вещей потерпевшего для установления виновников таких преступлений, как кража, грабёж, разбой и др. Столь же широко известна значимость обнаружения на месте преступления вещей, принадлежащих обвиняемому.

В этой же группе доказательств заметное место принадлежит и доказательствам, относящимся к поведению потерпевшего.

На доказательственное значение данных о поведении потерпевшего указывает Пленум Верховного Суда СССР, предписывающий судам при решении вопроса о содержании умысла виновного учитывать, помимо прочего, «предшествующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения» (16. С. 8). Значение этих данных в известной мере характеризуется тем интересом, который проявляют советские юристы к виктимологии — учению о жертве преступления (см.: 12; 8; 3). Данные, свидетельствующие о виктимности потерпевшего, могут и должны служить доказательствами, поскольку без их изучения и оценки, как правило, нельзя достаточно полно и всесторонне выяснить обстоятельства субъективной стороны преступления. Четкое указание на доказательственное значение подобных данных содержалось в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 июня 1960 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве»: «Надлежит тщательно исследовать данные, относящиеся к лично-

сти потерпевшего и его поведению во время происшествия. Выявление всех этих данных необходимо не только для определения степени общественной опасности подсудимого и для учета при назначении наказания, но в ряде случаев может иметь значение для раскрытия обстоятельств преступления и в особенности мотивов его совершения» (14. С. 50—51). Это указание, на наш взгляд, не утратило своего значения.

Действительно, особенно важное значение данные о поведении потерпевшего имеют для установления мотивов преступления, а нередко — и для определения содержания и направленности умысла виновного. Между тем именно направленность умысла часто определяет квалификацию деяния (см. : 10. С. 14—15).

Доказательства формы и степени вины, мотивов и цели преступления, как правило, бывают косвенными. Изучение следственной и судебной практики показывает, что даже в тех случаях, когда обвиняемый признает себя виновным, он нередко, в надежде смягчить свою ответственность (или по другим соображениям), дает неправдивые показания о форме вины, мотивах и цели преступления, пытаясь выдать умышленную вину за неосторожную, отрицая низменные побуждения своих действий и т. д. Вот почему достоверные прямые доказательства формы вины, мотивов и цели удается получить сравнительно редко, и устанавливая их приходится в большинстве случаев косвенными доказательствами.

Особенностями вины, мотивов и целей преступления являются их объективная ненаблюдательность, отсутствие материальных следов и неоднозначность их выражения в объективных обстоятельствах содеянного (см. : 9. С. 111). Этим обусловлены специфика и гносеологические трудности их доказывания. Судить о наличии или отсутствии умысла в действиях обвиняемого, о мотивах и цели можно лишь по характеру самих действий, которые служат опосредствованным внешним выражением указанных явлений. В таком именно аспекте рассматривает эту группу доказательств судебная практика (см. : 17. С. 15—17).

Своеобразие вины, мотивов и цели заключается в том, что они относятся к категории психического, и поэтому при их доказывании познается не внешняя реальность, а отражение ее в данных психических явлениях (см. : 2. С. 77). Специфические закономерности отражения объективной действительности в психических явлениях приобретают в доказыва-

нии этих обстоятельств весьма существенное значение, и перед криминалистикой стоит задача разработки и теоретического обоснования типичных приемов и способов установления мотивов и цели преступления в ходе расследования. Исходным моментом здесь должно служить то положение, что содержание и направленность умысла, мотивы и цели преступления могут быть установлены главным образом на основе выявления и анализа их объективных выражений вовне, т. е. на основе косвенных доказательств.

1. Гродзинский М. М. Улики в советском уголовном процессе // Учен. тр. ВИЮН. Вып. VII. М., 1944.
2. Котов Д. П. Мотивы преступления и их доказывание. Воронеж, 1975.
3. Криминалистическая виктимология (вопросы истории и практики): Сб. науч. тр. Иркутск, 1980.
4. Михеев Р. И. Значение данных о личности для удостоверения субъективной стороны преступления // Проблемы советского государства и права. Вып. 3. Иркутск, 1972.
5. Мудьюгин Г. Косвенные доказательства, связанные с поведением обвиняемого // Соц. законность. 1961. № 8.
6. Мудьюгин Г. Расследование убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1962.
7. Некипелов П. Т., Беляев В. Г. Рецензия на книгу: Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР // Правоведение. 1962. № 3.
8. Остроумов С. С., Франк Л. В. О виктимологии виктимности // Сов. государство и право. 1976. № 4.
9. Петлин Б. Я. О доказывании мотива и цели преступления // Сов. государство и право. 1970. № 11.
10. Рарог А. И. Направленность умысла и квалификация преступления // Сов. юстиция. 1987. № 3.
11. Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.
12. Франк Л. В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972.
13. Яровенко В. В. Доказывание следователем субъективной стороны убийств: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979.
14. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1960. № 4.
15. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1973. № 4.

16. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1975. № 4.
17. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1987. № 5.

В. С. Бурданова

ВЫДВИЖЕНИЕ И ПРОВЕРКА ВЕРСИЙ ЗАЩИТЫ ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ ВИНЫ

Одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, является виновность обвиняемого в совершении преступления (ст. 15 Основ уголовного судопроизводства). Известно, как трудно бывает доказать вину в связи с тем, что отношение обвиняемого к своим действиям и их последствиям находятся в сфере сознания и не всегда четко видны в действиях и следах этих действий. Более того, иногда невинный обвиняемый выдвигает в свою защиту заведомо ложные версии или даже признает себя виновным в совершении преступления, которого он в действительности не совершал. Преодолеть указанную трудность возможно, выполняя требование закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела. Одним из инструментов, с помощью которого достигается указанная цель, — это версия — предположение о каком-либо факте, событии, участии в данном событии определенного лица. Проверка версий помогает обнаружить необходимые следователю и суду доказательства, перейти от вероятности к достоверности выводов о существенных обстоятельствах уголовного дела (см. : 6. С. 153). Использование версий помогает более организованно проводить расследование, делает его всесторонним, поскольку само понятие версии (от лат. — видоизменение) предполагает одно из нескольких, отличных друг от друга объяснений какого-либо факта, события (см.: 5. С. 130). Практика показывает, что по каждому делу выдвигается и проверяется обычно несколько версий, но не все возможные в определенной ситуации. Очевидным недостатком является отсутствие версий в защиту обвиняемого.

В криминалистической и уголовно-процессуальной литературе предлагаются разные версии: следственные, судебные, экспертные, оперативно-розыскные, прогнозныe. В противовес версиям обвинения выдвигаются контрверсии, «то есть предположения о невинности лиц, преданных суду» (6. С. 313—315), (2. С. 17). Эти последние и есть, по сути дела, версии защиты.

Следственной и судебной практике известен термин «версия защиты» как объяснения адвоката или обвиняемого, предлагаемые следователю или суду, в которых они дают определенную оценку фактам, событиям в защиту обвиняемого, и, которые могут поколебать или вообще отвергнуть обвинение (см.: 3. С. 70). Мы предлагаем термин «версия защиты» в широком смысле, как все возможные доводы «за» обвиняемого, независимо от того, кем они выдвигаются. При этом мы руководствуемся ст. 14 Основ уголовного судопроизводства, требующей всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявления как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а также смягчающих и отягчающих его ответственность обстоятельств, именно выявления (подчеркнуто мною. — В. Б.), т. е. активного поиска этих доказательств в защиту обвиняемого, о которых сам обвиняемый может не знать, либо по каким-то мотивам не говорить. Закон не требует от обвиняемого дачи показаний (ст. 21 Основ уголовного судопроизводства). Обвиняемый не несет ответственности за отказ от дачи показаний и заведомо ложные показания. Наряду с быстрым и полным раскрытием преступлений, изобличением виновных и их справедливым наказанием ни один невинный не должен быть привлечен к уголовной ответственности (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства).

Указанные требования закона приводят к выводу о том, что версиями защиты нужно считать не только объяснения, предложенные обвиняемым или его защитником и принятые следователем к проверке, но также версии, предложенные специалистами, экспертами, свидетелями, прокурором выдвинутые самим следователем и проверяемые им, которые могут помочь всесторонности, полноте и объективности расследования и судебного рассмотрения дела.

Таким образом, версии защиты можно классифицировать по лицам, их обосновавшим, а также по обстоятельствам, подлежащим доказыванию, и по всем-возможным объяснениям

конкретного факта в определенной следственной ситуации. От принадлежности версий к той или иной группе, как это представляется следователю, зависит его деятельность: каким приемом, в каком следственном действии он добудет доказательства, как использует их в дальнейшем расследовании.

Версии защиты необходимо прогнозировать и включать в план уже на первоначальном этапе расследования. В противном случае они могут возникнуть неожиданно для следователя и сковать его действия (говоря языком психологии — не дать ему возможности реализовать интеллектуальный потенциал своей активности), либо появиться слишком поздно, когда проверить их всесторонне будет невозможно. При разработке методики расследования отдельных категорий дел в конкретных следственных ситуациях вычленяются типичные версии защиты, которые легко прогнозируются на основе следственных и оперативных данных, и, таким образом, могут быть своевременно включены в план расследования и проверены до того момента, когда они будут предложены следователю обвиняемым, защитником или другим участником процесса. Это дает тактическое преимущество следователю, предоставляет ему возможность на допросах неожиданно для обвиняемого предъявлять доказательства, опровергающие его объяснения, если эти объяснения не соответствуют действительности, т. е. помогают убедить обвиняемого дать правдивые показания.

В настоящей статье излагаются конкретные версии защиты при доказывании вины по делам о хищениях, совершаемых должностными и материально ответственными лицами, и по делам о преступлениях против личности (убийствах и делах о причинении телесных повреждений).

1. Версии защиты, проверяемые при доказывании изъятия, сбыта похищенного и обращения его в свою пользу или в пользу иных лиц.

Изъятие похищенного в торговле происходит чаще всего в магазинах либо в заготовительных организациях — там, где имеются наличные деньги. В магазинах деньги изымаются из выручки, а в заготовительных организациях — из подотчетных сумм. Заготовители или лица, уполномоченные производить закупку товаров (заведующие столовыми, ресторанами, кафе), составляют фиктивные закупочные квитанции или закупочные акты, бестоварные накладные на передачу якобы закупленного на склад (за счет созданных там излишков), а деньги из своего подотчета присваивают.

В ситуации, когда следователь проверяет факты изъятия денег из выручки магазина, он встречается со следующими версиями защиты: 1) «деньги изымались для временного использования в своих интересах или интересах других лиц, чтобы позже вернуть их в кассу»; 2) «деньги изымались для корректировки в выполнении плана с целью переноса их в выручку следующего месяца».

В связи с этим в план расследования должны быть включены мероприятия, направленные на поиск доказательств обращения изъятых в свою пользу, т. е. доказательств обогащения за счет социалистического имущества.

При проверке фиктивных закупочных квитанций заинтересованное лицо — заготовитель выдвигает в свою защиту следующую версию: «Я не проверял фамилии граждан, у которых производилась закупка, возможно, что фамилии вымышленные, но товар я заготовил и сдал на склад». Очевидно, что в подобной ситуации нужно искать доказательства бестоварности накладной за счет излишков, созданных на складе. В частности, необходимо дать ревизору задание проверить движение интересующего следствие товара, обоснованность его списания в расход, допросить свидетелей.

Что касается изъятия товара с базы или склада, то необходимо прежде всего рассмотреть ситуацию, когда следователь проверяет факты продажи товаров с базы за наличный расчет. Эти факты заинтересованные лица представляют как нарушения правил торговли: «Я продал товары, а затем списал их по накладной в магазин, куда вместо товаров передал деньги в размере стоимости этих товаров» (такова версия защиты). Проверять такие показания, следователи допрашивают заведующего магазином; который чаще всего подтверждает показания заведующего базой. Между тем, если указанный факт проверить с точки зрения изъятия похищенного, то ясно, что искать нужно сформированные резервы (созданные для хищения), которыми заведующий базой и «расплатился» с магазином за проданный товар. То есть при допросах нужно выяснить, не был ли привезен в магазин другой товар (вместо указанного в накладной), например, свежемороженая рыба (по которой легко создать резервы для хищения) вместо деликатесной, проданной с базы за наличный расчет.

Бестоварность накладной на передачу товара с базы в магазин тоже может свидетельствовать об изъятии похищенного. По делу о хищении на базе райпотребсоюза было уста-

новлено следующее. Заведующий базой создал резерв для хищения, отпустив в магазин № 1 товар по завышенной цене (сахарный песок по 94 коп. за кг вместо 90 коп. — подлинной стоимости). Затем он вступил в сговор с заведующим магазином № 2 и указал в накладной «сахарный песок 94 коп. за кг» вместо его подлинной стоимости — 90 коп., а на разницу в цене приписал в накладной индийский чай, проданный с базы за наличный расчет, деньги от продажи которого присвоил. Этот пример показывает, что при проверке фактов продажи товара с базы за наличный расчет, нужно также искать факты завышения цен на те товары, которые вносятся в накладные одновременно с товарами, проданными за наличный расчет, т. е. факты, свидетельствующие об умысле на хищение.

При проверке таких способов изъятия похищенного, как реализация его в месте получения товара или в пути, следовательно также сталкивается с бестоварной приходной накладной, заинтересованные лица объясняют ее организационными неполадками, в результате чего товар якобы фактически перевозился в другой день. И в этой ситуации основной акцент в доказывании умысла на лишение надо делать на поиске фактов создания резервов для хищения и фактов реализации похищенного определенными лицами, проверяя одновременно доводы обвиняемого.

При расследовании хищений в строительстве также встречаются схожие ситуации, когда замену дефицитного дорогого строительного материала дешевым обвиняемый объясняет тем, что дефицитный материал у него украли, и он вынужден был купить дешевый материал для вложения его в объект. Такая версия защиты может подтвердиться в части покупки дешевого строительного материала. Однако на этом нельзя закончить проверку версии. Необходимо установить не было ли фактов изъятия и реализации похищаемых дефицитных материалов, использование их для своих нужд либо передачи другим лицам за разные услуги, т. е. искать доказательства обогащения.

Даже такое, казалось бы очевидное доказательство реализации похищенного, как вывоз без документа, обнаруженный в результате захвата с поличным, объясняется тем, что накладная на этот товар, была выписана накануне (или несколько дней назад), но в тот день не оказалось транспорта, и товар перевозится сегодня. Задача следователя в данной ситуации — проверить, не вывозится ли с предприятия товар

дважды по одному документу. Для этой цели планируются внезапные инвентаризации, осмотр товара и тары, проверка движения тары, анализ движения выручки, изъятие и осмотр черновых записей у продавцов, обыски на рабочих местах и по месту жительства обвиняемого, изъятие образцов товара, тары и другой упаковки, товароведческие и другие экспертизы, допросы водителей, грузчиков, работников магазина, других свидетелей.

Доказательства обращения изъятого в свою пользу или пользу иных лиц, т. е. обогащения за счет социалистического имущества, служат самым убедительным доказательством хищения. И в этом направлении следователь сталкивается с неожиданными, на первый взгляд, версиями защиты. Обвиняемые заявляют, что они истратили изъятое не на свои личные нужды, а на нужды производства: платил наличные деньги за неожиданные погрузочные или другие работы, покупали запасные части к механизмам, необходимые материалы и т. п.

Отрицая обогащение, обвиняемые заявляют, что они живут скромно, у них нет ценных вещей и больших денежных сумм, вещи они приобретали в кредит, имущество, на которое наложен арест, принадлежит другому супругу, приобретено до брака или получено в дар, поэтому оно не может быть доказательством хищения (и должно быть исключено из описи).

Предвидя такие версии защиты, следователь планирует обнаружение доказательств жизни не по средствам, поиск денег и ценностей, принадлежащих обвиняемому или являющихся общей собственностью супругов, приобретенных в период хищения, поиск доказательств передачи похищенного другим лицам, т. е. доказательств умышленных действий, направленных на личное обогащение за счет государственного или общественного имущества.

2. Версии защиты, проверяемые, при доказывании вины по делам об убийствах и причинении тяжких и менее тяжких телесных повреждений.

В рассматриваемых уголовных делах, особенно совершаемых на бытовой почве, когда конфликт возникает во время ссоры, обвиняемыми часто выдвигается версия о необходимой обороне или превышении ее пределов. Такие версии появляются нередко только в судебном заседании, и проверить их бывает нелегко. Между тем из показаний, записанных в протоколах допросов, видно, что эти версии могли бы быть обоснованы следователем еще на предварительном следствии.

Обвиняемому тактически выгодно выдвинуть их как можно позже, чтобы не дать возможности следователю или суду проверить их всесторонне, чтобы остались сомнения, которые оцениваются, как известно, в пользу обвиняемого. Учитывая сказанное, можно утверждать: версия о необходимой обороне должна быть проверена по каждому делу, где следователь предполагает возможность действительной обороны или превышение ее пределов, хотя обвиняемый и свидетели этого, возможно, не показывают.

Для составления плана проверки данной версии полезно воспользоваться вопросами, перечисленными в постановлении № 14 Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» (1. С. 9.): каково было количество нападающих и обороняющихся, возраст обеих групп, их физическое развитие и состояние, вооружение, их поведение (реплики, слова, мимика, жесты, крик, удары т. д.), какие повреждения получены каждым из участников конфликта, как потерпевший оценивал нападение, считал ли нужным обороняться, хотел ли причинить нападающему телесные повреждения, хотел ли убить, допускал ли это, почему не избрал другую форму защиты.

Кроме того, необходимо установить последовательность нанесения ударов потерпевшему, их силу, локализацию ран, ссадин, царапин, синяков у потерпевшего и нападавшего, направления движения орудий, причинивших повреждения. А также проверить, не был ли потерпевший в стрессовом состоянии, которое могло исказить сценку происходящего. Из перечисленных вопросов видно, что большинство из них относится к механизму происшедшего, действиям участников конфликта на месте происшествия, где остаются следы. В этой ситуации необходима оценка доказательств в совокупности: следов на месте происшествия, показаний свидетелей и обвиняемых, заключения судебно-медицинской и криминалистической экспертизы (комплексной) о соответствии следов на месте происшествия повреждениям на теле и одежде потерпевшего и показаниям обвиняемого. Не исключается проведение судебно-психологической экспертизы для разрешения вопросов о том, не был ли обвиняемый в период инкриминируемых ему деяний в стрессовом состоянии и мог ли он точно соотносить свои оборонительные действия с объективными требованиями ситуации.

Выяснение обстоятельств, связанных с орудием убийства, в частности ответы на вопросы о том, где взял орудие обвиняемый, в какой момент времени, не готовил ли заранее, где орудие находилось до того, как попало к обвиняемому, тоже помогает решить оборонялся обвиняемый или нападал.

Другая версия защиты — это версия о совершении убийства или причинении тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения в состоянии сильного душевного волнения. Ее необходимо проверять в связи с тем, что в каждом пятом деле рассматриваемой категории, по нашим данным, имеются элементы провокации агрессивных действий со стороны потерпевшего.

Данная версия требует включения в план расследования вопросов о наличии насилия или тяжкого оскорбления со стороны нападавшего, иных противозаконных действий, если эти действия повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких.

Эта версия проверяется в ситуации, когда реакция на насилие или тяжкое оскорбление была неадекватна обычному поведению обвиняемого. Она требует психологической, индивидуальной оценки личности, поведения обвиняемого, ибо действия, рассматриваемые одними как насилие или тяжкое оскорбление, другими так не воспринимаются. Здесь играет роль самооценка лица.

О состоянии сильного душевного волнения может свидетельствовать множественность ударов, не оправданная логически применением случайного орудия. После действий в состоянии аффекта психологи отмечают упадок сил, апатию, сонливость — так называемый эффектный шок. В следственной и судебной практике это влечет за собой раскаяние, явку с повинной. Такое поведение основано на физиологии аффекта, о котором писал И. П. Павлов: «Разве мы не видим постоянно, как человек под влиянием аффекта, преодолевающего высшее торможение, говорит и делает то, чего он не позволяет себе в спокойном состоянии и о чем горько сожалеет, когда минует аффект» (4. С. 216 — 217).

Неадекватное поведение проверяется следователем путем допросов свидетелей, знающих обвиняемого, а также назначением допросов свидетелей, знающих обвиняемого, а также назначением психологической или психиатрической экспертизы, решающей вопрос о возможности состояния физиологического аффекта. В план проверки рассматриваемой версии

включается анализ взаимоотношений потерпевшего и обвиняемого, оценка данных об устойчивых особенностях личности обвиняемого, о его психофизиологическом состоянии в момент совершения преступления, его поведении во время преступных действий и после их совершения, оценка им своих противоправных действий.

Перечисленные версии защиты способствуют всестороннему исследованию важного элемента состава преступления—виновности действий обвиняемого, т. е. обеспечивают выполнение требований закона.

1. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1984. № 5.
2. См.: Ларин А. М. От следственной версии к истине. М., 1976.
3. См.: Лукашевич В.З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Л., 1985.
4. Павлов И. П. Поли. собр. соч. 1951. Т. III. Кн. 2.
5. Словарь иностранных слов. М., 1964.
6. См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М., 1966.

О. Я. Баев
В. В. Трухачев

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ О МОТИВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ОБВИНЯЕМОГО И ДОКАЗЫВАНИЯ ЕГО ВИНЫ

Среди научных разработок, направленных на совершенствование процесса доказывания в уголовном судопроизводстве, одно из ведущих мест занимают проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. Обусловлено это характером взаимосвязи между теорией доказательств и криминалистикой. Доказывание в уголовном судопроизводстве рассматривается как «...познание истины по уголовным делам: процесс доказывания и есть процесс познания фактов, обстоятельств уголовного дела» (см.: 9. С. 296). Методика же

расследования отдельных видов преступлений отражает информационно-познавательный, криминалистический аспект данного процесса, придает ему наиболее рациональный характер применительно к определенной категории преступлений.

На современном этапе одно из наиболее перспективных направлений развития методики расследования отдельных видов преступлений — это исследование теоретических и прикладных проблем криминалистической характеристики преступлений¹. Практическая ценность криминалистической характеристики преступлений определяется характером ее основной функции, заключающейся в прогнозировании оптимальных направлений следственного поиска. Иными словами, криминалистическая характеристика служит ориентиром для следователя и оперативных работников, указывающим наиболее эффективные пути решения задач, возникающих в процессе доказывания.

Для подтверждения приведенных положений, определим значение для оптимизации процесса выявления обвиняемого и доказывания его вины лишь одного из элементов криминалистической характеристики преступлений — мотивации преступного поведения². Нужно отметить, что в криминалистической литературе мотивы и цели преступного поведения нередко рассматриваются лишь в качестве компонентов, характеризующих личность преступника. Однако при таком подходе, как верно отмечает Б. Я. Петелин, «...упускается их поисковая роль как элементов криминалистической характеристики преступлений, нацеленных на выявление преступника» (см.: 7. С. 5'7).

¹ Под криминалистической характеристикой преступлений мы понимаем научную абстракцию, содержание которой составляет система данных о типовых криминалистически значимых признаках преступлений определенного вида (подвида) и взаимосвязях между ними. Криминалистическая характеристика преступлений выполняет функцию прогнозирования следственного поиска

² Понятие мотивации преступного поведения на современном этапе исследований имеет несколько значений. В частности, под ней понимается: а) метод самоуправления личности через систему устойчивых побуждений, т. е. через мотив; б) процесс формирования мотива преступления, его оформления и развития, а затем и реализация в фактических преступных действиях; в) совокупность мотивов, свойственных тому или иному лицу, или той или иной форме поведения (см.: 5. С. 15). В настоящей статье термин «мотивация преступного поведения» применяется в последнем из указанных значений — как совокупность мотивов, свойственных определенному виду (подвиду) преступлений.

На наш взгляд, наиболее полно криминалистическое значение мотивации преступного поведения для оптимизации процесса доказывания вины обвиняемого можно выявить лишь с учетом типичных следственных ситуаций, относящихся к разряду проблемных, т. е. выражающих «...специфическое соотношение известного и неизвестного по делу, при котором искомое не дано и непосредственно в исходных данных не содержится, но находится в неоднозначной, вероятностной связи с уже установленными фактами, в какой-то мере ограничивающими и направляющими поиск решения» (см. : 2 С. 10).

Рассмотрим только те типичные проблемные ситуации, которые содержат в качестве элементов проблемного комплекса личность обвиняемого и мотивацию преступного поведения.

Представляется возможным выделение следующих проблемных ситуаций¹:

1) личность обвиняемого и мотивы преступного поведения неизвестны; 2) установлены (либо предполагаются с высокой степенью вероятности) мотивы преступного поведения, личность обвиняемого неизвестна; 3) установлена личность обвиняемого, мотивы преступного поведения неизвестны (либо лишь предполагаются с той или иной степенью вероятности).

Первая из предложенных ситуаций, отражающая наиболее высокую степень проблемности, как правило, возникает на первоначальном этапе расследования преступлений против личности, совершенных в условиях неочевидности. Процесс доказывания, осуществляемый в условиях проблемной ситуации данного вида, представляет собой повышенную трудность, обусловленную острым дефицитом информации, и требует значительных усилий со стороны ведущих расследование лиц. Исключительно важное значение в связи с этим приобретают сведения о мотивации преступного поведения, содержащиеся в криминалистической характеристике данного вида преступлений.

Наиболее ярко криминалистическое значение мотивации преступного поведения проявляется в процессе доказывания по делам об умышленных убийствах. Приведем следующий пример: в результате обобщения значительного числа уго-

¹ Имеются в виду ситуации, в которых факт преступного события достоверно установлен.

ловных дел об убийствах лиц женского пола в возрасте от 28 до 70 лет установлено, что в случаях совершения убийств в оживленных местах, вне помещения, но в черте населенного пункта, путем нанесения нескольких ударов, преступления чаще всего совершались по мотивам мести за отказ выполнить просьбу, реже хулиганства, еще реже из ревности и на сексуальной почве (см. : 1. С. 17). Соответственно при расследовании конкретного убийства, характеризующегося приведенными выше данными о возрасте потерпевшей и месте преступления, прогнозируется, что наиболее перспективным направлением на первоначальном этапе расследования будет выдвижение и проверка версий о совершении убийства по мотивам мести за отказ выполнить просьбу, реже хулиганства, еще реже из ревности и из сексуальных побуждений. Таким образом, до начала выполнения следственных действий члены следственно-оперативной группы имеют возможность определить примерный круг лиц, среди которых нужно искать преступника.

Значение мотивации преступного поведения непосредственно для оптимизации процесса доказывания в условиях рассматриваемой ситуации с учетом сказанного заключается, по нашему мнению, в следующем:

а) система данных о мотивации преступного поведения, составляющая элемент криминалистической характеристики, обеспечивает в условиях дефицита информации о конкретном преступлении наиболее полное выдвижение всех возможных типовых версий о мотивах совершения преступления. Это в значительной мере предотвращает одну из наиболее распространенных ошибок, совершаемых на первоначальном этапе расследования данной категории преступлений, — это увлечение лишь одной, представляющей следователю наиболее вероятной, версией;

б) знание криминалистической характеристики мотивов преступного поведения позволяет наиболее рационально организовать проверку типовых версий. Данная подготовка, на наш взгляд, включает в себя: определение сущности (направленности) и оптимальной последовательности следственных и оперативно-розыскных действий; распределение обязанностей по проверке версий между членами следственно-оперативной группы; расстановку и концентрацию сил с учетом характера решения определенных задач по каждой версии;

в) информация о типичных мотивах преступного поведе-

ния и закономерных, взаимосвязях между, ними и другими элементами криминалистической характеристики позволяет определить степень интенсивности проверки выдвинутых типовых версий в зависимости от вероятности их подтверждения. Так, применительно к рассматриваемому примеру об убийствах лиц женского пола вне помещения необходимо интенсивно проверять версию о совершении убийства по мотивам мести за отказ выполнить просьбу, затем, соответственно, версию об убийстве из хулиганских побуждений, из ревности и на сексуальной почве. При этом, естественно, «...не следует ограничиваться количественными показателями состоятельности версий. Здесь надо исходить из всех особенностей расследуемого преступления» (3. С. 53);

г) прогнозирование оптимальных направлений следственного поиска на базе данных о мотивации преступного поведения позволяет придать целенаправленный характер запланированным следственным и оперативно-розыскным действиям. Так, приступая к осмотру места происшествия, следователь, «вооруженный» знанием криминалистической характеристики мотивации преступного поведения данной категории преступлений, не просто фиксирует обстановку места происшествия, а осуществляет направленный поиск доказательств, подтверждающих или опровергающих версию о том или ином мотиве преступления. Из этого, однако, не следует, что необходимо игнорировать обстоятельства которые «не вписываются» в схему типовых мотивов данного вида преступлений, поскольку, обратим на это особое внимание, прогноз, сделанный на основе криминалистической характеристики, в большинстве случаев отражает вероятно-статистические взаимосвязи между типичными признаками данного вида преступлений, а его эффективность при расследовании конкретного уголовного дела будет относительной. Так, применительно к приведенным ранее данным о криминалистической характеристике убийств лиц женского пола вне помещения, нельзя категорически отрицать возможность совершения преступления и по иным мотивам (например, корысти). Кроме того, выполнение данного условия способствует преодолению сложности перехода от типовых версий к версиям, выдвигаемым по мере получения информации о конкретных обстоятельствах дела и специфичным для данного расследования.

В ряде случаев, уже по результатам целенаправленного и тщательно проведенного осмотра места происшествия и

после проведения ряда других неотложных и первоначальных следственных действий можно с достоверностью установить мотив совершенного преступления (проблемная ситуация № 2). Так, наличие повреждений на женском трупе, на одежде, и обнаружение спермы в половых путях и на других частях тела, характерная поза трупа, свидетельствующая об изнасиловании, без сомнения указывают на то, что мотивом убийства явились сексуальные побуждения и что преступление совершил мужчина.

Сказанное характерно не только для мотивов совершения преступления, но и для побуждений, обусловивших его подготовку и сокрытие, поскольку они тоже обладают существенной криминалистической значимостью. Так, обнаружение расчлененного трупа, как правило, свидетельствует о совершении убийства в жилище лицами, близко связанными с потерпевшим. Объясняется это тем, что, прибегая к расчленению и сокрытию трупа, преступник руководствуется прежде всего стремлением скрыть сам факт преступного события. Естественно, что наиболее заинтересованы в сокрытии факта преступления лица, близко связанные с потерпевшим, которым остается лишь правдоподобно объяснить причину его исчезновения. При совершении же убийства посторонним мотивом сокрытия преступления, как правило, является стремление уничтожить следы своей причастности к преступлению (см.: 6. С. И; 8. С. 65—66).

Получение достоверных сведений о мотивах преступного поведения несколько снижает степень проблемности рассматриваемой ситуации, но она все еще остается высокой, поскольку основной вопрос — о личности виновного — разрешения не получил.

Положения, определяющие значение мотивации преступного поведения для оптимизации процесса доказывания применительно к проблемной ситуации № 1, в целом характерны и для данной ситуации. Вместе с тем изменившаяся следственная обстановка определяет некоторые особенности использования в процессе доказывания информации о мотивах преступного поведения.

Прежде всего необходимо отметить, что в рассматриваемой ситуации знание (помимо исходных данных) мотивов преступного поведения значительно повышает эффективность прогноза следственного поиска, направленного на установление преступника. Повышение степени вероятности прогноза, сделанного с учетом данных о мотивации преступного

поведения, объясняется увеличением количества отраженных вероятностно-статистических связей за счет выявления связей между соответствующим мотивом преступления и данными о личности виновного. Так, в результате проведенных исследований были обнаружены закономерные связи между мотивом совершенного преступления и наличием судимости за совершение преступлений определенного вида. Например, «...убийство по мотиву корысти характерно для лиц, ранее судимых за кражи, грабежи, разбойные нападения и хищения. Убийство женщины по мотиву ревности с нанесением большого количества повреждений, злостное хулиганство и разбойные нападения» (см.: 1. С. 11). Знание указанных взаимосвязей позволяет использовать в процессе расследования оперативно-справочные учеты и автоматизированные информационно-поисковые системы оперативно-розыскного назначения, что во многом повышает эффективность выдвижения и проверки версий о причастности к преступлению конкретного лица.

Не менее важны сведения о закономерных связях между мотивом совершенного преступления и социально-психологической характеристикой преступника, его местожительством. Приведем условный пример, используя при его конструировании исследования Л. Г. Видонова о криминалистической характеристике убийств по сексуальным мотивам. В городе в безлюдном месте обнаружен захороненный в землю труп семидесятилетней женщины, убитой при изнасиловании. Наиболее вероятно, что возраст преступника 15—30 лет, что он ранее судим за кражи, покушение на изнасилование, развратные действия; ведет антиобщественный образ жизни, отличается аморальным поведением и жестокостью, проживает от места убийства на расстоянии 200—800 м; его видели в контакте с потерпевшей незадолго до убийства.

Таким образом, наибольшее значение для процесса доказывания (ситуация № 2) имеет криминалистическая характеристика, составленная с учетом определенных типовых мотивов того или иного вида преступлений.

Последняя из предложенных типичных следственных ситуаций также отражает определенную степень проблемности, хотя и более низкого уровня, нежели две предыдущие. Установление личности обвиняемого лишь облегчает процесс доказывания мотивов преступления, но полностью проблему не разрешает. Вместе с тем особенность данной ситуаций заключается в том, что она носит проблемно-конфликтный

характер, поскольку следователь не располагает достаточной информацией о мотивах преступного поведения, в то же время «... круг носителей необходимых фактических данных ограничен лицами, имеющими противоположные интересы и цели» (2. С. 112).

Наиболее часто встречаются в следственной практике такие варианты сокрытия преступником побуждений, обусловивших совершение преступления:

а) лицо, совершившее преступление, отказывается сообщить какую-либо информацию о мотивах преступного поведения (как правило, при полном отрицании своей причастности к преступлению);

б) лицо, совершившее преступление, не отрицает факт совершения им преступного деяния, но с целью избежания либо смягчения ответственности, также предотвращения дискредитации в глазах окружающих скрывает мотивы преступления и прибегает к мотивировке.

В целом основные направления реализации в процессе доказывания информации о мотивации преступного поведения совпадают с теми, которые были рассмотрены при анализе предыдущих ситуаций. В связи с этим остановимся лишь на особенностях использования данной информации, определяемых своеобразием рассматриваемой ситуации.

Представляется, что наибольшее значение для определения оптимальных направлений доказывания мотивов преступлений в условиях данной ситуации зачастую имеет достоверная информация о характере связи между преступником и потерпевшим. Наличие указанной информации делает наиболее эффективным применение типовых данных о мотивации преступного поведения, отразивших на вероятностно-статистическом уровне взаимосвязи между исходными данными, отношением преступника к потерпевшему и мотивами преступления. Например, в результате проведенного обобщения уголовных дел об убийствах женщин в возрасте от 24 до 86 лет, совершенных в жилище путем нанесения нескольких ударов, были установлены такие взаимосвязи между отношением преступника к потерпевшей и мотивами преступления: когда преступником является муж, сожитель или любовник, мотивами преступлений чаще всего были месть за отказ удовлетворить просьбу, реже ревность, хулиганские побуждения, корысть; в случаях же совершения убийства сыном или пасынком в качестве наиболее распространенных мотивов преступления выступали месть за обидные замеча-

ния или противодействия и хулиганские побуждения (см.: 1. С. 20).

Использование указанной информации при планировании и проведении следственных действий позволяет не только определить наиболее рациональную степень интенсивности проверки выдвинутых версий, но и обеспечить возможность их параллельной проверки в рамках одного следственного действия (например, при проведении допроса обвиняемого или свидетеля из его окружения). Последнее обстоятельство несомненно повышает эффективность данного действия и способствует существенному сокращению времени и средств, затраченных на его выполнение.

В случаях, когда преступник не отрицает факт совершения преступного деяния, но скрывает подлинные мотивы преступления, на наш взгляд, важное значение имеет выявление закономерных связей между подлинными побуждениями и теми, которые выдвигаются обычно в качестве оправдания. Нужно отметить, что преступник старается скрыть низменные мотивы, выступающие отягчающими ответственность обстоятельствами — хулиганские побуждения, корысть и т. д. Например, в результате проведенного Д. П. Котовым обобщения значительного числа уголовных дел об убийствах было установлено, что оправдательные мотивы были выдвинуты по всем убийствам из хулиганских побуждений (см.: 4. С. 14).

Используя информацию о закономерных связях между мотивами совершения преступления и доводами, выдвинутыми в качестве мотивировки, следователь получает возможность наиболее оптимально подготовиться к допросу обвиняемого и другим следственным действиям, определить правильный «тактический рисунок» данных следственных действий. Так, при проверке типовой версии о совершении убийства из хулиганских побуждений прогнозируется, что преступник будет выдвигать оправдательные мотивы (ревность, месть за обидное замечание, провокацию со стороны потерпевшего и т. п.), а это позволит следователю организовать целенаправленную подготовку допроса обвиняемого и провести его с наибольшей эффективностью.

Таким образом, мотив в качестве самостоятельного элемента криминалистической характеристики отдельных видов преступлений имеет существенное значение для оптимизации процесса установления обвиняемого и доказывания его вины,

1. Бидонов Л. Г., Селиванов Н. А. Типовые версии по делам об убийствах. Горький, 1981.
2. Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987.
3. Колесниченко А. Н. О проверке следственных версий // Соц. законность. 1985. № 12.
4. Котов Д. П. Мотивы преступлений и их доказывание. Воронеж, 1975.
5. Криминальная мотивация. М., 1986.
6. Мудьюгин Г. Н. Расследование убийств по делам, возбужденным в связи с исчезновением потерпевшего. М., 1967.
7. Петелин Б. Я. Вина в структуре криминалистической характеристики преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1985. № 43.
8. Расследование отдельных видов преступлений/Под ред. О. Я. Баева. Воронеж, 1986.
9. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. № 1.

А. М. Трухин

ДОКАЗЫВАНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО КРИТЕРИЯ НЕОСТОРОЖНОСТИ КАК ФОРМЫ ВИНЫ

Преступная самонадеянность и преступная небрежность как виды неосторожной вины имеют единую социально-психологическую природу. Для них характерно непредвидение наступления общественно опасных последствий и, как следствие этого, неосознание общественно - опасного характера деяния в момент его совершения при наличии обязанности и возможности предвидения и осознания. Поэтому вопрос о критериях должен рассматриваться применительно к неосторожности в целом (см. ; 2. С. 36; 18. С. 78). Несомненно, что вопрос о критериях неосторожности имеет свою специфику в отношении каждого ее вида, однако эта специфика не затрагивает существа вопроса. Она определяется особенностями психологического механизма принятия решения, формирования и проявления активности при самонадеянности и небрежности.

Самонадеянность и небрежность в силу неадекватного отражения реальной действительности, неосознания фактического развития причинной связи между действиями и возможными последствиями (см.:22. С. 141) порождает у субъекта легкомысленный расчет на возможность предотвращения общественно опасных последствий или к непредвидению этих последствий вообще. Задача суда в таких случаях как раз и заключается в том, чтобы установить неизвинительный характер субъективной ошибки, т. е. установить неосторожную вину субъекта на основе субъективного и объективного критериев.

Большинство криминалистов, рассматривая вопрос о месте и роли указанных критериев, приходят к выводу, что советское уголовное право решающее значение придает субъективному критерию неосторожности (см.: 9. С. 35). Действительно, именно в субъективном критерии «заложены» прежде всего элементы неосторожной вины, именно он оказывается решающим в обосновании ответственности за неосторожность, в отграничении неосторожного деяния от случая.

Сложность доказывания субъективного критерия неосторожности очевидна, она вызывает в судебно-следственной практике трудности и ошибки при доказывании вины. Изучение уголовных дел, направленных судами на доследование, показало: 48 проц. из них были возвращены из-за пробелов в установлении вины обвиняемого, с этим же было связано и 43 проц. судебных ошибок (см.; 14. С.. 18). Таким образом, полное и всестороннее раскрытие содержания субъективного критерия при доказывании неосторожной вины очень актуально, особенно если учесть, что в судебно-следственной практике иногда бытует представление о якобы существующей презумпции реальной возможности предвидения и осознания (если должен был, значит, мог) и что только в случае появления обстоятельств, ставящих под сомнение наличие такой возможности, возникает необходимость в специальном доказывании субъективного критерия. Все это не способствует реализации гуманистического начала, вытекающего из презумпции невиновности, приводит к грубому нарушению социалистической законности, к необоснованным осуждениям.

Как на то указывает закон (ст. 9 УК РСФСР), у субъекта, действующего неосторожно, всегда имеется возможность предвидения и осознания социальных свойств совершаемого.

Доказать, что такая возможность у субъекта, совершившего общественно опасное деяние, реально существует, — главная задача суда.

Возможность предвидения и осознания социальных свойств поступков в современных условиях может существенно затрудняться. Прогресс науки и техники выдвинул перед нашим современником ряд проблем социально-психологического характера. Человек все чаще сталкивается с необходимостью в условиях недостатка времени и информации преодолевать экстремальные факторы, т. е. усложняет схему «жизненная среда — человек» новыми элементами. Условия жизненной среды часто приобретают характер экстремальной ситуации. Такие ситуации нарушают нормальное течение жизни, наряду с положительными формами активности — подъемом и решительностью — могут порождать страх, панику, пассивность. Они подвергают серьезной проверке мировоззренческие, нравственно-психологические и психофизические качества личности (см.: 20. С. 36—57). Все это имеет непосредственное отношение к установлению неосторожной вины, определяет трудности доказывания субъективного критерия.

Р. И. Михеев указывает, что «недостатком обвинительных заключений и судебных приговоров является то, что во многих из них невозможно найти указание на субъективную сторону преступления. Не указывается форма вины и характер умысла или неосторожности, не раскрывается содержание умысла или неосторожности и иные признаки субъективной стороны» (11. С. 27). Особенно недопустимо такое положение в отношении неосторожной вины, когда между причинением вреда по неосторожности и невиновным, случайным причинением вреда очень трудно бывает подчас провести четкую грань.

Поскольку вопрос о критериях неосторожной вины по существу сводится к ограничению неосторожного причинения от невиновного, то отражение в материалах уголовного дела обстоятельств, определяющих содержание субъективного критерия, оказывается очень важным (см.: 23. С. 19—24).

Любое преступление есть результат взаимодействия личности и внешней среды, поэтому все обстоятельства, подлежащие учету при установлении содержания субъективного критерия, можно классифицировать на обстоятельства, характеризующие, во-первых, личность и, во-вторых, конкрет-

ную ситуацию, в которой действует личность. Учет и оценка данных обстоятельств должны производиться в соотношении их друг с другом в процессе взаимодействия.

Прежде всего, ситуация, в которой действует субъект, должна обеспечивать ему реальную возможность предвидеть общественно опасные последствия своего деяния, «нести информацию» о необходимости соблюдать правила предосторожности. Далее, лицо по своим индивидуальным качествам должно иметь возможность правильно оценить создавшуюся ситуацию и предвидеть наступление общественно опасных последствий. Для этого оно должно обладать соответствующими сложившейся обстановке физиологическими данными (зрение, слух), психическими способностями (интеллектуальными, волевыми), определенными познаниями, опытом работы по данной профессии и т. д. (см.: 5. С. 149).

На первый взгляд кажется несложным установить обстоятельства, характеризующие конкретную ситуацию и личность, на самом же деле это исключительно сложно. И сложность определяется тем, что соотносить с обстоятельствами конкретной ситуации и оценивать необходимо не просто индивидуальные особенности личности, а именно те, которые имели место в момент совершения деяния.

В литературе отмечается: психофизические особенности и состояния лица могут существенно ограничивать его возможности адекватно оценивать ситуации и поступать в соответствии с требованиями норм (правил) безопасности (см.: 4. С. 10; 8. С. 8—9). В. Е. Квашис говорит о барьерах адаптации, затрудняющих субъекту возможность действовать должным образом, о корреляции между эмоциональной устойчивостью и состоянием аварийности (см.: 6. С. 34). Указывают также на то, что в условиях научно-технической революции, когда значительно повышается ритм во всех сферах социальной жизни, когда возрастает число различного рода перегрузок физических и нервных, особенно важное значение нужно придавать физическому и физиологическому состоянию субъекта (см.: 21. С. 38; 19. С. 15; 13. С. 49—50).

В связи с возможностью просчетов при осуществлении важных общественных функций, указывает М. С. Гринберг, возникают серьезные проблемы. Одна из них — разгравнение ошибок, обусловленных недостаточной заинтересованностью лица в надлежащем выполнении предписанных действий, и ошибок, допущенных при предельной внимательности,

заинтересованности в должном отправлении действий (см.: 3. С. 104).

О том, что в основе многих ошибочных решений лежит «человеческий фактор», психофизиологические особенности и ограниченные возможности людей, говорят многие авторы (см.: 15. С. 6, 88—89). Поскольку психофизические и биопсихические свойства виновного лица, взятые в определенных, значимых для ситуации неосторожного преступления условиях, являются составными элементами опасной ситуации, они должны быть тщательно установлены и оценены.

При доказывании субъективной возможности предвидения и осознания как фактических, так и социальных свойств деяния необходимы прежде всего учет личностных особенностей применительно к конкретной ситуации. Навыки человека, его профессиональное умение, наличие автоматических реакций, физическая и умственная усталость, самонадеянность или чувство неуверенности и другие свойства могут выражаться через показатель количества информации, которая может быть воспринята человеком в единицу времени, либо через «порог срабатывания», через уровень интенсивности сигнала (знака), на который реагирует конкретный человек в условиях опасности. Необходим учет опыта и знаний, имеющих у человека на момент возникновения опасности, поскольку через этот опыт и знания воспринимается такая информация, оценивается степень опасности и принимаются решения (см.: 12. С. 59).

Все перечисленные личностные факторы имеют значение как для установления возможности адекватного отражения объективной действительности, способности человека предвидеть фактические результаты своих действий и руководствоваться интересами общества, его моральными и правовыми требованиями, так и для исключения данной возможности и способности.

Во многих случаях субъекты неосторожных преступлений либо не знают норм, в которых закреплены правила предосторожности, либо не умеют руководствоваться ими в своей деятельности. Например, по данным А. И. Коробеева и В. М. Солодова, 64,7 проц. аварийщиков совершили преступления в результате пренебрежения соответствующими правилами, 31,2 проц. в результате неумения применять их в конкретной ситуации, 4,1 проц. — из-за незнания правил (см.: 17. С. 70, 168).

Если содеянное явилось результатом неумения применять

в конкретной обстановке правила предосторожности или результатом незнания правил, то при установлении неосторожной вины встает вопрос о причинах неумения или незнания.

Эти причины могут быть извинительными — субъект не знает правила предосторожности или не умеет применять их в связи с отсутствием опыта, необходимого для осуществления специфической деятельности в особых условиях, в связи с наличием у него определенных психофизических дефектов и т. п., либо причины могут быть неизвинительными, когда субъект сам для себя создает такие условия (ситуацию), при которых он оказывается неспособным знать необходимые правила предосторожности или уметь их применять в конкретной обстановке.

Умение правильно оценивать обстоятельства, определяющие знания и умения субъекта, имеет важное практическое значение для установления неосторожной вины, поскольку как мы указывали, в современных сложных условиях деятельности иногда единственным источником информации о грозящей опасности оказывается знание норм предосторожности, а единственным средством предупреждения вреда — их правильное применение.

Наряду с личностными факторами при установлении субъективного критерия неосторожности необходимо тщательно устанавливать и оценивать факторы, относящиеся к ситуации совершения преступления. В литературе отмечается криминогенная роль ситуации в генезисе неосторожного преступления (см.: 10. С. 180—183). Неожиданность ситуации, ее экстремальный характер, недостаток или противоречивость информации, которая могла бы предупредить о вероятной опасности, а также другие обстоятельства могут существенно затруднять, а иногда и исключать способность лица предвидеть наступление вредных последствий, сознавать общественную опасность деяния.

Трудность доказывания действительного содержания психического отношения лица к содеянному им иногда приводит суды к формальному исследованию психофизических и социальных свойств лица и обстоятельств конкретной ситуации, в которой он действует. В судебно-следственной практике еще бытует представление, что чем более тяжелые последствия, тем больше оснований считать, что субъект должен был и мог их предвидеть (см.: 7. С. 5). Такой подход, как мы отмечали, ничего общего не имеет с действительным установлением критериев неосторожности.

Практические работники, расследующие неосторожные преступления, должны обладать обширными познаниями, чтобы квалифицированно установить и исследовать все многообразные обстоятельства, относящиеся к личности и конкретной ситуации, чтобы соотнести их друг с другом и решить, мог ли субъект, действующий в данной конкретной ситуации, предвидеть наступление общественно опасных последствий и сознать общественную опасность своего деяния.

Для положительного или отрицательного ответа на этот вопрос часто бывает необходимо проведение самых различных экспертиз, позволяющих на научной основе установить конкретные факты (см.: 16. С. 135—136, 140, 179—180). Например, по делам о транспортных преступлениях (а их в структуре неосторожной преступности большинство — около 90 проц.) целесообразно проводить и автотехническую экспертизу (которую, как правило, проводят), и судебно-психологическую экспертизу (ее проводят исключительно редко), и другие виды экспертиз.

Когда судебно-психологическая экспертиза все же проводилась, например, для выявления времени реакции, то эксперты указывали: водитель в силу своих личных особенностей не мог предотвратить наступление вредных последствий. И это при том условии, что отдельные экспертизы проводились без учета субъективных возможностей обследуемого лица. Так, при проведении автотехнической экспертизы с целью определения времени реакции водителя за основу берется время 0,8 сек. Однако практически время реакции у водителей колеблется от 0,2 до 2 сек. Наблюдается большой разрыв между экспериментальным временем реакции и индивидуальным. Значит, некоторым субъектам в силу их индивидуальных особенностей объективно противопоказано управлять автомобилем. Если же учесть, что индивидуальная реакция может изменяться в результате переутомления, болезни, необычности ситуации (см.: 1. С. 70—82), то становится очевидным, насколько сложно бывает в подобных случаях установить субъективный критерий неосторожности, отграничить неосторожность от случая.

Грань между виновным причинением вреда и случаем бывает едва уловимой, но установить ее в каждом конкретном отношении необходимо. Иной подход к данной проблеме может привести к объективному мнению, к созданию представления, что к уголовной ответственности иногда привлекаются высокосознательные, исключительно внимательные

люди. Такое положение недопустимо, оно ничего общего не имеет с виновным причинением вреда.

Доказать наличие или отсутствие реальной возможности осознания и предвидения, отрицательное отношение личности к социальным ценностям можно только при полном и всестороннем исследовании обстоятельств конкретного случая, как того и требует закон (ст. 20 УПК РСФСР).

Анализ показывает, что недостатком следственной практики по делам о неосторожных преступлениях является неполное установление личностных особенностей обвиняемого, от которых зависит доказывание неосторожности, таких, как забывчивость, рассеянность, вспыльчивость, сильное душевное волнение, утомляемость, скорость реакции и т. д. (см.: 16. С. 135—136). Не всегда раскрывается субъективная сторона, например, должностной халатности (в 49 проц. изученных дел), почти никогда не определяется вид неосторожности, указывается только, что виновный халатно относится к исполнению своих обязанностей, а в чем конкретно выразилась халатность, мог ли субъект предвидеть наступление общественно опасных последствий, признавать общественно опасный характер своего деяния, не устанавливается и не доказывается (см.: 16. С. 76).

Определяя субъективный критерий неосторожной вины, суд должен указать, из каких обстоятельств он исходил, признавая имеющуюся у лица реальную возможность осознать легкомысленность сделанного им расчета, предвидеть наступление общественно опасных последствий. Это требование необходимо соблюдать, его выполнение дает возможность проверить законность и обоснованность вынесенного приговора.

Из всего сказанного можно сделать вывод: вопрос об уголовной ответственности лиц, совершивших общественно опасное деяние, должен решаться в каждом конкретном случае в рамках субъективной стороны неосторожного преступления, а именно субъективного контроля, в плане выяснения обстоятельств как исключаящих, так и доказывающих виновность субъекта.

1. Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981. Вып.. 35.
2. Гилязов Ф. В. Социально-психологические и уголовно-правовые черты вины. Уфа, 1979.
3. Гринберг М. С. Ответственность за преступную неосто-

- рожность при действии производственного коллектива // Сов. государство и право. 1979. № 9.
4. Дагель П. С. Проблемы типологии и классификации личности неосторожных преступников // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. Вып. 28.
 5. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974.
 6. Квашиш В. Е. Профилактика неосторожных преступлений. Киев, 1981.
 7. Ковалев М. И. Проблемы эффективности уголовно-правовых мер борьбы с неосторожными преступлениями // Уголовный закон и совершенствование мер борьбы с преступностью. Свердловск, 1981.
 8. Корчагин А. Г. Проблемы субъекта и субъективной стороны преступлений, связанных с использованием техники. Томск, 1983.
 9. Кригер Г. А., Ильхамов А. Н. Преступная небрежность // Вестн. МГУ. Сер. Право. 1982. № 2.
 10. Криминология. М., 1976.
 11. Михеев Р. И. Отражение результатов установления субъективной стороны преступления в обвинительном заключении и судебном приговоре // Учен. зап. Дальневост. ун-та. Т. 61. Владивосток, 1972.
 12. Панкратов В. В., Самольянова М. В. Ситуация неосторожного преступления. Структурный анализ // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1980. Вып. 33.
 13. Парыгин Б. Д. Научно-техническая революция и личность. М., 1978.
 14. Петелин Б. Я. Вина как объект доказывания // Сов. юстиция. 1982. № 12.
 15. Проблемы борьбы с преступной неосторожностью. Владивосток, 1976.
 16. Проблемы борьбы с преступной неосторожностью. Владивосток, 1978. Вып. 2.
 17. Проблемы борьбы с преступной неосторожностью. Владивосток, 1981.
 18. Рарог А. И. Общая теория вины в уголовном праве. М., 1980.
 19. Сахаров А. Б. Планирование уголовной политики и перспективы развития уголовного законодательства // Планирование мер борьбы с преступностью. М., 1982.
 20. Табунов. Н. Д. Влияние научных знаний на поведение личности // Вопросы философии. 1973. № 11.

21. Филимонов В. Д. Криминалистические основы уголовного права. Томск, 1981.
22. Якушин В. А. Ошибка по советскому уголовному праву и ее социально-психологическая природа // Вопросы укрепления правовых основ государственной и общественной жизни в свете новой Конституции СССР. Казань, 1980.
23. Бюл. Верхов. Суда СССР. 1965. № 5.

Л. Ф. Первухина

**РОЛЬ ТИПОВЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ТИПОВЫХ ВЕРСИЙ
В ДОКАЗЫВАНИИ ВИНОВНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО
(ПО ДЕЛАМ О КВАРТИРНЫХ КРАЖАХ)**

При расследовании уголовных дел о квартирных кражах следователь подчиняет свою деятельность решению двух вопросов: имела ли место кража, если да, то кто ее совершил. Как правило, первый вопрос не вызывает особых затруднений, но при установлении данных о личности преступника, его розыске и доказывании виновности обычно возникают определенные сложности. Раскрываемость такой категории преступлений во многих регионах страны, особенно в крупных промышленных городах, оставляет желать лучшего.

Высокий производственный потенциал, связанный с концентрацией населения в промышленных городах, миграционные процессы и внутри города, и за его пределами, развитая система транспортных коммуникаций и телефонной связи, разнообразие видов профессиональной деятельности и, соответственно, различное «техническое оснащение» преступников оказывают свое влияние на уровень, структуру, динамику преступности в целом. Кроме того, стандартизация домостроения, унификация бытовых условий граждан, малое количество следов преступления на месте происшествия и их быстрое уничтожение — реальная возможность для преступника

в считанные минуты скрыться с места кражи, изолированность жизни семей в квартирах, результатом чего обычно является отсутствие очевидцев, в значительной мере обуславливают специфику раскрытия и расследования квартирных краж.

Характерно и то, что использование криминалистических техник оперативно-розыскных средств, традиционных видов криминалистических учетов, допросы потерпевших и свидетелей в ряде случаев не дают положительного результата в установлении и розыске преступника. В связи с этим возникает острая необходимость восполнить «дефицит» информации на первоначальном этапе расследования путем изучения закономерных связей элементов преступной деятельности па данной категории уголовных дел в определенных региональных рамках. О «региональной окраске» подобных исследований уже шла речь в литературе.

Полученные в результате подобных обобщений данные, характеризующие структуру и динамику связей элементов преступной деятельности, фактически являются ее типовой криминалистической моделью. На наш взгляд, типовая криминалистическая модель преступления представляет собой научно разработанную систему наиболее существенных, типичных признаков определенной категории преступлений, отражающую вероятностно-статистические связи между ними и служащую решению типовых криминалистических задач расследования. Основное ее функциональное назначение заключается в информационном обеспечении расследования по конкретным уголовным делам в условиях минимума исходных фактических данных о субъекте и других элементах преступления.

По результатам обобщения массива архива уголовных дел о квартирных кражах, совершенных в Москве и Московской области в период с 1979 по 1983 гг., нами были выявлены вероятностно-статистические зависимости между свойствами личности преступника, способами кражи и другими элементами преступления. Возникает вопрос, каким образом можно использовать данные связи в каждом конкретном случае? Представляется целесообразным конкретизировать такие вероятностные зависимости применительно к типовым следственным ситуациям, возникающим на первоначальном этапе расследования уголовных дел, квалифицированных по ч. 4. ст. 144 УК РСФСР. Логическим же выводом из обобщения данного уровня являются типовые следственные версии как наиболее вероятные предположения о событии преступления в

целом и отдельных его элементах. И завершающим этапом в разработке методических рекомендаций применительно к каждой типовой следственной ситуации будет выбор наиболее оптимальных комплексов следственных действий и иных мероприятий, которые направлены на проверку типовых версий и, тем самым, на решение промежуточных задач расследования, т. е. тактических операций. Наиболее типичными задачами расследования применительно к такой категории уголовных дел будут: выявление признаков преступления, установление данных о личности преступника, его розыск и задержание, проверка алиби, изобличение виновного, поиск и изъятие похищенных ценностей.

Относительно понятия следственной ситуации в криминалистической литературе до сих пор нет единства мнений (см.: 9; 3; 8; 11). Наиболее остро здесь стоит вопрос о том, характеризует ли следственная ситуация состояние расследования по делу либо обстановку, в которой оно осуществляется. Учитывая, что при анализе конкретных условий, в которых обычно приходится действовать следователю, выделяют целый комплекс факторов (информационных, психологических, процессуально - тактических, технических, организационных), можно заключить: эти факты откосятся как к состоянию следствия, так и его обстановке. На данной позиции стоит ряд ученых, в том числе И. Ф. Герасимов, Н. А. Селиванов, Н. П. Яблоков и др. (см.: 9. С. 6—7; 8. С. 138; 3. С. 136).

Типовые следственные ситуации, в отличие от конкретных, будут являться результатом обобщения практики расследования отдельных категорий уголовных дел с учетом этапов процесса расследования.

Каково же соотношение типовой криминалистической модели преступления и типовых следственных ситуаций? Представляется, что информационные компоненты типовых следственных ситуаций первоначального этапа расследования и вытекающие из них типовые следственные версии будут необходимыми элементами криминалистической модели преступлений определенного вида (группы), обеспечивающими практическое использование в выборе наиболее рациональных способов раскрытия и расследования преступлений.

При выделении типовых следственных ситуаций в расследовании квартирных краж мы акцентируем внимание на информационных факторах и ограничиваемся первоначальным этапом. Поэтому классификация таких ситуаций по ха-

рактору и полноте информации о событии преступления выглядит следующим образом: 1) факт преступления налицо, но нет сведений о субъекте, его совершившем; 2) факт кражи установлен, информация о лице незначительна; 3) признаки преступления налицо, имеется подозреваемый, но нет полных данных о его причастности к преступлению (например, лицо задержано на рынке с похищенными вещами); 4) факт кражи установлен, преступник задержан с поличным; 5) признаки преступления выявлены, субъект известен, но его местонахождение не установлено (например, при похищении ценностей лицом из круга знакомых путем свободного доступа).

Для установления и розыска преступника и доказывания его виновности наиболее проблемна первая ситуация. Обобщение эмпирического материала и анализ взаимосвязей отдельных свойств личности преступника с признаками (следами) преступления, обнаруженными в ходе первоначальных следственных действий, дали положительные результаты. Ориентируясь на свойства личности, имеющие прежде всего розыскное значение, нам удалось выделить восемь типологических групп преступников-воров и определить комплексы исходных фактических данных о преступлении. Таким образом, типовая следственная ситуация № 1 была представлена в виде восьми ее разновидностей.

Например, для группы мужчин, взрослых (старше 18 лет), судимых, «гастролеров», наиболее характерен следующий комплекс признаков преступления:

— взлом замка техническими средствами либо проникновение через открытое окно, балкон, либо применение поддельного ключа;

— выбор дома вблизи железнодорожных узлов;

— выбор квартиры, расположенной на первых и последних этажах;

— похищение малообъемных предметов, пользующихся спросом у населения (хрусталь, мех, косметика), а также холодного оружия, кухонных ножей, ключей¹.

Необходимо также учесть, что названные социально-демографические признаки лиц данной группы достаточно жестко взаимосвязаны с такими параметрами, как: «не работает, не учится» (93,3 проц.), «без определенного места жи-

¹ При выделении описываемых комплексов признаков преступления учитывались частота встречаемости и пригодность данных характеристик для дифференциации типологических групп воров.

тельства» (51 проц.), «судим за однородные преступления» (40 проц.)¹, судим за однородные и неоднородные преступления» (57,8 проц.).

Обобщение показало: для мужчин, взрослых, судимых, местных, наиболее типичны такие способы проникновения в квартиру: отжим ригеля техническими средствами и выбивание двери, подбор ключа; характерными являются признаки: «обстановка в квартире не нарушена», «ориентация на двери с добротной обивкой, с двумя, тремя замками». Для данной группы лиц увеличивается процент краж, совершенных вечером, что взаимосвязано с выбором объекта посягательства в том же районе (20 проц.) и в соседнем районе города (27 проц.). Зависимости социально-демографических свойств личности аналогичны первой группе, за исключением показателя «без определенного места жительства».

Исходным положением в анализе квартирных краж, совершенных подростками (до 18 лет), является их групповой характер. Наиболее типичными способами проникновения мужчин, несовершеннолетних, не судимых, местных, были: «через открытое окно», «выбивание двери плечом, ногами» (зачастую усилиями двух лиц). Выбор этих способов действия обычно сочетается с частичным или полным нарушением обстановки в квартире, совершением краж на первом-третьем этажах либо последнем, этаже дома, где возможно проникновение через пожарные выходы и лоджии. Наиболее часто подростки похищают продукты, в частности сладости, спиртные напитки, малоценные предметы (фломастеры, оригинальные импортные предметы быта, например маску, т. п.). Показательно, что данной группой преступников квартирные кражи совершаются в том же районе города в 32,8 проц. случаев, в соседнем районе — в 25 проц. случаев.

Аналогичная картина складывается и при совершении краж подростками, ранее судимыми, местными; Однако отличительными признаками преступления в данном случае будут большая дерзость и опасность способа проникновения (преимущественно взлом замка, выбивание двери, подбор ключа), внесение меньших изменений в обстановку квартиры, похищение ключей, инструментов.

Следует заметить, что в типологических группах несовершеннолетних высок процент учащихся школ, ПТУ, средних специальных учебных заведений (до 84 проц.), а в группе

¹ К однородным преступлениям были отнесены хищения государственной, общественной и личной собственности граждан (в различных формах).

местных, ранее судимых — показатель судимости за однородные преступления и неоднородные.

К сожалению, в объеме одной статьи нет возможности описать характеристики всех типовых следственных ситуаций первоначального этапа расследования квартирных краж, поэтому мы ограничились изложением некоторых из них.

Данная классификация ситуаций и выделение комплекса признаков, характеризующего каждую из них, важны и необходимы прежде всего для решения двух задач расследования: установление данных о личности преступника, его розыска и задержания.

При раскрытии конкретной квартирной кражи информационная основа реальной следственной ситуации на первоначальном этапе складывается из данных двух уровней: 1) конкретная информация (материальные и идеальные следы преступления); 2) обобщенная информация (характеристики типовой следственной ситуации, наиболее сходной с первичными фактическими данными по делу).

Если реальная следственная ситуация по делу аналогична какой-либо разновидности типовой ситуации, она является типичной (см. : 12; 13), и это дает возможность при выдвижении следственных версий о событии преступления в целом и отдельных его элементах опереться на типовые следственные версии как наиболее вероятные предположения. Например, ориентируясь на изложенные закономерности, по семи признакам преступления (расположение дома вблизи железнодорожных узлов, пятый этаж квартиры, наличие обивки двери, взлом замка техническими средствами, похищение ковра, меховых изделий, столового ножа) можно с достаточной высокой степенью вероятности сформулировать версию о субъекте преступления: лицом, совершившим данную квартирную кражу, мог быть мужчина, взрослый, ранее судимый, «гастролер», не имеющий определенного места жительства и рода занятий. Решение данной логической задачи существенно облегчается, если применить разработанный на ЭВМ алгоритм математического моделирования образа неизвестного преступника по исходной информации о квартирной краже (см. : 7).

Однако возможно и такое положение, когда первоначальные фактические данные по уголовному делу будут оценены как атипичная следственная ситуация. Тогда следователь лишен возможности использовать обобщенную ранее

информацию и вынужден опереться на свой личный практический опыт и интуицию, т. е. речь идет не об алгоритмическом, а об эвристическом пути расследования.

Для решения задачи розыска и задержания преступника, совершившего квартирную кражу, как правило, необходим целый комплекс проводимых по единому плану следственных и иных действий, производимых следователем с помощью работников органов дознания и других государственных органов. Такого рода комплексы носят название тактических операций. На наш взгляд, тактические операции по розыску и задержанию лиц, совершивших квартирные кражи, должны быть ориентированы на определенные типологические группы преступников.

Например, если речь идет о взрослых преступниках, ранее судимых, местных, то можно предположить такую проверку: 1) по криминалистическим учетам лиц, проживающих в районе города, где совершена кража, и соседних районах, лиц, ранее судимых за однородные преступления, а также за хулиганство (ст. 206 УК РСФСР), угон автотранспортных средств (ст. 212), нарушение паспортных правил (ст. 198), за систематическое занятие бродяжничеством и попрошайничеством (ст. 209)¹;

2) лиц, ведущих паразитический образ жизни;

3) граждан, предоставляющих свои квартиры для ночлега и сборищ посторонних людей;

4) лиц, занимающихся скупкой и сбытом краденого;

5) граждан, систематически растрачивающих значительные суммы денег в кафе, ресторанах.

Для розыска лиц, ранее судимых, «гастролеров», зачастую не имеющих постоянного места жительства и рода занятий, целесообразно предпринять аналогичную проверку по криминалистическим учетам, проверку лиц, состоящих на оперативных учетах органов милиции как «не имеющих постоянного места жительства и места работы», запросить спецприемники и медвытрезвители о задержании интересующих лиц, организовать проверку наиболее вероятных мест реализации похищенного (рынки, вокзалы, магазины, общественный транспорт). Если известна хотя бы единица административно-территориального деления, где мог скрыться преступ-

¹ Данные категории лиц, ранее судимых, выделены по результатам проведенного нами обобщения; перечень приведен в соответствии с убыванием степени вероятности.

ник, необходимо обследовать такие помещения, как подвалы, чердаки, теплотрассы, нежилые помещения, известные притоны, вокзалы, рынки.

При установлении данных о несовершеннолетних преступниках и их розыске дополнительными действиями, входящими в подобный комплекс, будут: изучение материалов о нераскрытых квартирных кражах, совершенных прежде всего в данном и соседних районах города; проверка ранее судимых подростков, отбывающих наказание, не связанное с лишением свободы, несовершеннолетних, возвратившихся из специальных школ и специальных ПТУ, лиц, в отношении которых ранее было отказано в возбуждении уголовного дела, либо уголовное дело было прекращено, либо исполнение приговора отсрочено. Обязательна проверка несовершеннолетних, проживающих в данном и соседних районах и состоящих на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних и детских комнатах милиции в связи с совершением мелких хищений, мелкого хулиганства, побегов из дома, появлением в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения и т. п. Необходимо обращать внимание на неучащуюся и постоянно не работающую молодежь, ожидающую вступительных экзаменов в учебные заведения (см.:6).

Доказывание виновности конкретного лица, подозреваемого в совершении квартирной кражи, предполагает решение целого ряда вопросов. Мы же остановимся на отдельных моментах.

Поскольку одним из обстоятельств предмета доказывания по данной категории уголовных дел является «совершение преступления группой лиц», необходимо определить материальные носители информации об этом факте на месте происшествия. К ним относятся:

- следы различных орудий взлома;
- следы рук, ног, принадлежащие разным лицам;
- количество оставленных комплектов одежды (переодевание), окурков сигарет, остатков спиртных напитков и пищи;
- разнородные мпкроследы (крови, волос, грунта и т.п.);
- следы перемещения тяжелых предметов, например шкафа;
- похищение предметов значительного веса и объема;
- следы совершения кражи способом, требующим учас-

тия нескольких лиц. Важно, чтобы в ходе осмотра места происшествия следователь уделил особое внимание поиску, фиксации и изъятию такого рода следов.

Можно также отметить: чем больше состав преступной группы, тем менее вероятно участие в ней преступников-рецидивистов, и наоборот (см.:1. С. 6).

Какие действия необходимо включить в тактическую операцию по проверке алиби подозреваемого? Наиболее целесообразными, на наш взгляд, будут такие мероприятия: личный обыск задержанного; осмотр его одежды; допрос подозреваемого с уточняющими и конкретизирующими вопросами; обыски по месту жительства его самого, родных, знакомых в целях обнаружения похищенного и орудия преступления; допросы свидетелей, на которых указывает подозреваемый, и проверка их показаний; выявление ложных заблуждений и личных мотивов данных свидетелей, подтверждающих алиби лица, фактически совершившего квартирную кражу; проведение очных ставок; анализ механизма совершения преступления и применение экспертных исследований (обычно дактилоскопической, трассологической, судебно-химической экспертиз) для изучения следов и микрообъектов; проверка показаний лица на месте происшествия с применением фото- и киносъемки.

В доказывании виновности лица в совершении конкретной квартирной кражи существенным моментом служит установление формы вины (умысла) и корыстной цели. Данные элементы преступления не оставляют непосредственных материальных следов, они лишь косвенно связаны с последними. Поэтому при доказывании субъективной стороны преступления мы вынуждены исходить из принципа единства психики (сознания) и внешней предметной деятельности субъекта. То есть сознание лица, мотивы и цели его поведения выражаются в практической, в том числе преступной, деятельности, ее материальных следах. К таким материальным проявлениям умысла и корыстной цели лица при совершении квартирных краж могут быть отнесены: 1) направленность на определенный объект (предмет) посягательства — личную собственность граждан, при этом наиболее часто похищаемыми бывают дефицитные, легко реализуемые вещи; 2) характер орудий преступления, которые в большинстве случаев приготавливаются преступниками заранее (орудия типа лома или ножа, подобранные ключи, «удочки», отмычки

н т. п.), и реже в качестве орудий используются предметы, подобранные вблизи места совершения преступления (металлические стержни, куски арматуры, кирпичи и т. п.);
о) характер самих действий преступника: в отличие от квартирных краж, совершаемых путем свободного доступа, при кражах, сопряженных со взломом хранилищ, остается целый комплекс материальных следов, отражающих направленность действий, техническую оснащенность преступника, количество и физическую силу соучастников, и еще следы и микроследы данных лиц, их одежды и обуви в обстановке места происшествия и, наоборот, соответствующие микроследы с предметов обстановки на теле и одежде преступников. Например, известны случаи обнаружения на одежде и обуви подозреваемых микрочастиц стекла, кирпича, древесины, извести, микроволокон похищаемых мягких предметов (ковров, меховых изделий и т. д.), что изобличало их в совершении конкретных преступлений.

Немалую роль в доказывании виновности обвиняемых по данной категории уголовных дел играет факт обнаружения похищенных ценностей по месту их жительства, у родных, близких, соучастников. Взрослые мужчины, не судимые ранее, имеющие постоянное место жительства, хранят предметы хищения в основном дома и у родственников. У взрослых, не судимых, «гастролеров», резко возрастает процент сокрытия ценностей у родственников и размещения похищенного в камерах хранения на вокзалах.

В группах несовершеннолетних, «местных», высок процент таких мест сокрытия похищенного, как: дома, у родственников, на чердаках. Несовершеннолетние «гастролеры» часто пытаются реализовать имущество на рынках и вокзалах, если не оставляют его для личных нужд и не имеют возможности сокрыть.

Женщины гораздо чаще, чем мужчины, помещают украденные ценности в ломбард. Зная наиболее типичные способы сокрытия предметов хищения, характерные для той или иной типологической группы преступников-воров, легче решить задачи поиска похищенного и изобличения виновного.

В заключение можно отметить, что доказывание виновности лица, совершившего квартирную кражу, непосредственно зависит от решения задачи раскрытия преступления. В реализации же последней немалое значение имеют выявленные ранее закономерности преступной деятельности, т. е.

типовая криминалистическая модель противоправных деяний данной категории. Описанные закономерные связи могут быть также использованы в процессе установления отдельных обстоятельств предмета доказывания.

1. Бышевский Ю. В. Кражи и их предупреждение: Лекция. Омск: Высш. шк. МВД СССР, 1979. С. 6.
2. Версии и планирование расследования: Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: СЮИ, 1985.
3. Васильев А. Н., Яблоков Н. П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М.: Изд-во МГУ, 1984.
4. Колдин В. Я. Криминалистическое знание о преступной деятельности: функции моделирования // Сов. государство и право. 1987. № 2. С. 64—67.
5. Макаренко Е. И. Криминалистическая характеристика квартирных краж, совершаемых группой лиц // Процессуальные и криминалистические проблемы предварительного следствия. Ташкент, 1980. С. 76—88.
6. Миньковский Г. М. Об учете условий крупного и особо крупного города при изучении правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи и разработка предложений по совершенствованию системы профилактики // Методологические и методические вопросы изучения и профилактики преступности в крупных городах. М., 1979. С. 45—56.
7. Первухина Л. Ф. Об использовании методов математической статистики в методике расследования и возможности моделирования личности преступника // Вестн. МГУ. Серия 11. Право. 1985. № 4.
8. Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. М.: Юрид. лит., 1982.
9. Следственная ситуация: Сб. науч. тр. М., 1985.
10. Тактические операции и эффективность расследования: Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: СЮИ, 1986.
11. Шиканов В. И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1983.
12. Советский энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М., 1983.
13. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 18-е. М., 1986.

И. В. Александров

ДОКАЗЫВАНИЕ ВИНЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВА

Доказывание вины — это одна из важнейших задач уголовного судопроизводства. Решение ее в практической деятельности вызывает определенные трудности, что обусловлено, в первую очередь, спецификой проявления субъективной стороны в деятельности виновного при совершении преступления того или иного вида (классификационной группы), а также кругом и характером доказательств, используемых для ее установления в процессе расследования. То есть формы проявления вины и процедура ее доказывания в преступлениях каждой из классификационных групп будут различными. Отсюда представляется неверным утверждение некоторых авторов о том, что доказывание вины (субъективной стороны преступления) осуществляется только с помощью косвенных доказательств (косвенным путем) (см.: 4. С. 11; 6. С. 109). Думается: доказывание субъективной стороны осуществляется и должно осуществляться с помощью как прямых, так и косвенных доказательств. Определяя круг и характер доказательств (прямые, косвенные или их сочетание) при установлении формы и степени вины нужно исходить из того, к какой категории относится расследуемое преступление (умышленное или неосторожное), из выраженности субъективной стороны в объективных обстоятельствах содеянного, ее объективной наблюдаемости и наличия (отсутствия) материальных следов. Отсюда по одним группам преступлений (умышленные убийства, изнасилования, грабежи, разбойные нападения, кражи и т. п.) решающее значение в определении формы и степени вины будут иметь и имеют данные, относящиеся к событию преступления, проявившиеся в объективных действиях виновного, оставленных следах преступления, т. е. прямые доказательства. По другим — данные о поведении виновного до, в период и после совершения преступления,

«улики поведения» и т. д., закрепляемые чаще всего косвенными доказательствами. И, наконец, по целому ряду групп преступлений в определении формы и степени вины, процессе ее доказывания в равной мере используются как прямые, так и косвенные доказательства в различных сочетаниях.

Таким образом, в определении системы и структуры доказательств по изобличению лица в совершении преступления, доказыванию его вины нужно, на наш взгляд, исходить в первую очередь из специфики преступлений той или иной классификационной группы, а также из характера складывающихся следственных ситуаций.

Этим определяется и своеобразие доказывания вины по делам о мошенничестве.

По своей природе мошенничество — всегда умышленное преступление, совершаемое только с прямым умыслом. Причем умысел виновного содержится в самих его действиях: обмане и злоупотреблении доверием. Поэтому применительно к мошенничеству одни и те же действия виновного выражают и объективную, и субъективную сторону преступления. Иначе говоря, в данном составе объективная и субъективная стороны взаимообусловлены. Отсюда установление элементов объективной стороны и доказывание вины по делам о мошенничестве осуществляются в процессе расследования одновременно, взаимно, одними и теми же средствами.

Наряду с этим широта и многообразие способов обмана и злоупотребления доверием, к которым прибегают преступники, соединенное с использованием различных приемов и средств маскировки и вуалирования обмана в значительной степени затрудняют разоблачение преступных действий и доказывание вины. Данное обстоятельство обуславливает тот факт, что в подавляющем большинстве случаев потерпевшие не сразу разгадывают мошеннический характер действий преступников, т. е. то, что в отношении их совершается или уже совершено преступление. Поэтому почти всегда преступник успевает скрыться с места происшествия, и заявление потерпевшего поступает со значительным опозданием, нередко часть доказательственной информации оказывается уже утраченной. Это затрудняет изобличение виновного, установление объективной и субъективной стороны преступления.

Существенно затрудняет доказывание вины и своеобразие обстановки совершения мошенничества. Отсутствие насилия при совершении преступления, добровольность, а иногда и инициатива в передаче потерпевшим своего имущества мо-

шеннику, отсутствие очевидцев, свидетелей, которые могли бы подтвердить как передачу, так и наличие обмана или злоупотребления доверием, сопутствовавшего ей, значительно осложняют установление преступного характера завладения имуществом, умысел виновного на такое завладение и процедуру его доказывания, поскольку круг источников доказательственной информации оказывается суженным.

Перечисленные факторы характеризуют специфику рассматриваемой группы преступлений. Они определяют в целом своеобразие процесса доказывания вины по делам о мошенничестве. Наряду с ними процесс и структура доказывания вины по данным делам определяется характером складывающихся следственных ситуаций. Их круг и характер достаточно широк и разнообразен. В рассматриваемом нами аспекте — установлении субъективной стороны преступления — решающую роль в оценке складывающихся ситуаций играют такие элементы, как: известен или нет заявителю человек, совершивший преступление, признает ли он факт получения имущества от потерпевшего обманным путем, а также объем и характер имеющейся доказательственной информации.

С учетом этих элементов можно выделить две основные группы типичных следственных ситуаций, складывающихся по делам о мошенничестве — простые и сложные (см.: 2; 7. С. 63). Простые ситуации характерны для совершения мошенничества лицами, знакомящимися с потерпевшим под предлогом оказывания услуг, займа денег или вещей без намерения их возвратить, отдельных способов карточного мошенничества. Основная задача следователя в этих ситуациях состоит в установлении в действиях лица, указанного потерпевшим, преступного обмана или злоупотребления доверием. Решение ее обычно не вызывает особых трудностей. У потерпевшего, как правило; есть записка или расписка мошенника о получении денег или ценностей. Остается лишь проверить обстоятельства и причины, связанные с неисполнением мошенником принятых на себя обязательств. В большинстве случаев он прекрасно понимает и значение имеющейся у следователя доказательственной информации, и несложность проверки и опровержения выдвигаемых им доводов. Поэтому чаще всего мошенники признают и факт получения имущества у потерпевшего, и мошеннический характер своих действий. Проверка же иногда выдвигаемых ими заявлений о том, что их оговорил потерпевший или что преступления они не совершали, деньги взяли в долг или намеревались помочь

в приобретении дефицитных товаров, обычно сложностей не представляет. Она осуществляется путем проведения допросов свидетелей, на которых ссылаются виновные и потерпевшие, их родственников, знакомых. В ходе такой проверки устанавливается отсутствие возможности и намерений в выполнении принятых обязательств, возврата полученного у потерпевшего имущества.

Наиболее оптимальным путем решения задачи, вытекающей из рассматриваемой ситуации, является проведение системы следственных действий, состоящей из: 1) допроса потерпевшего; 2) выемки предметов или документов, имеющих значение для расследуемого события: расписок, обязательств, данных мошенниками, денежных и вещевых «кукол» и т. п.; 3) осмотра места происшествия, обнаруженных и изъятых предметов, документов; 4) назначения экспертиз по исследованию этих предметов и документов (почерковедческой, технико-криминалистической, дактилоскопической и т. п.); 5) задержания и личного обыска мошенника; 6) его допроса в качестве подозреваемого; 7) обыска по месту его жительства или работы, у его родственников, знакомых; 8) очной ставки между потерпевшим и подозреваемым; 9) допроса свидетелей.

Проведенные исследования показали, что такая, совокупность следственных действий наиболее результативна в решении задачи, вытекающей из рассмотренной ситуации и доказывания вины. В рамках этой совокупности, с учетом индивидуальных особенностей исходной информации и той, которая получена уже при ведении следствия, отдельные следственные действия могут быть альтернативными, необходимость в их проведении может отпадать (обыск, очная ставка, осмотр места происшествия). Отдельные следственные действия могут меняться местами либо проводиться параллельно (задержание и личный обыск, допрос свидетелей и обыск, осмотр и допрос свидетелей и т. д.). Таким образом, в каждом конкретном случае последовательность производства следственных действий и их совокупность в рамках предложенной типовой системы может варьироваться, что обуславливается неотложностью их проведения, первоочередностью получения недостающей информации, временем, затрачиваемым на ее получение, и другими факторами. Подобные исключения и перестановки вполне оправданны, допустимы и ни в коей мере не подрывают сущности предложенной системы как типовой, направленной на установление в действиях ви-

нового преступного обмана или злоупотребления доверием.

Сложные с точки зрения доказывания вины следственные ситуации могут быть нескольких видов. Первый — имеющих в распоряжении следователя доказательств достаточно для изобличения лица, совершившего преступление, но мошенник не признает себя виновным. В этой ситуации основной задачей следствия является проверка, уточнение и опровержение доводов, выдвинутых обвиняемым в свою защиту. Второй — собранных доказательств недостаточно, но мошенник признает свою вину. Тогда основная задача следствия — закрепление полученной от обвиняемого информации необходимыми доказательствами, дальнейшее собирание и исследование доказательств его причастности к совершенному преступлению.

Третий — имеющейся доказательственной информации недостаточно и мошенник не признает свою вину. Основная задача следствия в этой ситуации заключается в дальнейшем собирании и исследовании доказательств его причастности к совершенному преступлению в уточнении и опровержении доводов, выдвинутых обвиняемым.

Сложные следственные ситуации названных видов наиболее распространены при совершении мошенничества незнакомыми потерпевшему лицами, в преступлениях, совершенных группой, и в сложных, замаскированных способах мошенничества, представляющих значительные трудности в определении и доказывании обмана или злоупотребления доверием. Такие ситуации чаще всего встречаются при расследовании мошенничества, совершенного под видом гадания, или знахарства, под предлогом взимания штрафов или арендной платы, при размене купюр, самочинных обысках, обчетах при вручении денежной или вещевой «куклы» и отдельных способах карточного мошенничества. Сложность расследования в этих ситуациях состоит в том, что доказыванию подлежит как факт совершения преступления именно данным лицом, так и наличие в его действиях преступного обмана (злоупотребления доверием). В рассматриваемых случаях мошенники, хотя и не отказываются от дачи показаний, но обычно постоянно меняют их и в ходе одного допроса, и на протяжении всего расследования, стремясь при этом запутать следствие, исказить истинные обстоятельства происшедшего события. В изученных материалах такие факты встречались почти по каждому делу, а по 2/3 дел мошенники на протяжении следствия неоднократно меняли свои показания. Даже при

задержании с поличным или непосредственно после совершения преступления они прибегали к разного рода уловкам: заявляли, что деньги или вещи взяли на время, потерпевший их сам дал и никаких обманных действий в отношении его они не совершали, тот их оговаривает и т. п. Мошенники «гастролеры» обычно говорят, что потерпевшего вообще не знают, потерпевший при опознании ошибся, на месте происшествия они никогда не были, ссылаются на мнимое алиби и т. д.

Поэтому в доказывании вины, изобличении мошенника чрезвычайно важное место занимает правильная организация и проведение его допроса. Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о том, что наиболее эффективны при получении достоверной информации от допрашиваемого мошенника определенные тактические приемы, например: использование противоречий между сообщаемыми сведениями о предполагаемых фактах и другими - доказательственными, косвенный допрос, развертывание вероятного хода событий и перспектив следствия, т. е. тактические приемы, побуждающие к даче показаний логикой установленных или будущих установленными фактами (см. : 5; 8). При допросе рассматриваемой группы лиц оказываются неэффективными тактические приемы эмоционального воздействия, применяемые как самостоятельно, так и в сочетании с другими тактическими приемами, что объясняется, на наш взгляд, характерологическими особенностями мошенников.

Когда в распоряжении следствия доказательственной информации недостаточно, но мошенники дают правдивые показания, должны применяться тактические приемы, направленные на ее восполнение. Это может быть достигнуто путем уточнения второстепенных фактов или путем предъявления доказательств не в логической последовательности. Предъявление вначале самого веского доказательства также, может быть целесообразным в таких случаях, поскольку в этих ситуациях мошенники обычно не имеют стойкой установки на ложь. Наибольший эффект достигается при предъявлении всей совокупности доказательств «вразброс». Это подкрепляет убеждение допрашиваемого в правильности выбранной им позиции. Разумеется, применять данный прием, как и другие, нужно с учетом конкретных обстоятельств. Важное значение в такой ситуации имеет поддержание должного психологического контакта с допрашиваемым, хорошие результаты дает также обращение к его логическому мышлению.

Сложные следственные ситуации третьего вида чаще всего складываются при допросе мошенников, совершивших серию преступлений. В этих ситуациях в распоряжении следствия обычно оказывается недостаточно информации о всех эпизодах преступной деятельности данного лица или лиц, что мошенники хорошо понимают и, в связи с чем, занимают выжидательную позицию, рассчитывая выведать, какими данными располагает следствие, и уже в соответствии с этим решить, какие эпизоды и обстоятельства признать, поскольку доказательств здесь собрано достаточно, а какие не признавать. Чаще всего именно так ведут себя на допросах мошенники-рецидивисты.

Для успешного допроса и изобличения виновного в этой ситуации исключительно важным является выбор наиболее удачной линии проведения допроса, с точки зрения момента.

Оптимальным будет тот допрос, когда собраны достаточные материалы, которые своей доказанностью заставили бы обвиняемого признать вину. И в этом плане прав Ф. В. Глазырин, отмечая, что поспешность в допросе, надежда на умение следователя заставить такого обвиняемого врасплох могут оказаться неоправданными (см. : 1. С. 98).

Однако нередко такого материала все же недостаточно. Тогда для получения от допрашиваемого максимального объема информации о его преступной деятельности и изобличения необходимо применять комплекс тактических приемов. Здесь важным моментом является разъяснение того, что лицо будет нести ответственность не по совокупности приговоров, а по совокупности преступлений. Кроме того, создание у него преувеличенного представления об осведомленности следствия, об обстоятельствах дела и ситуаций, вызывающих приговор и т. п.

Рассмотренные тактические приемы с успехом могут применяться при допросе мошенников, совершивших преступления в группе. Вместе с тем в таких случаях необходимо использовать и определенные специфические приемы. В первую очередь желательно установить роль и значимость в этой группе каждого из ее членов. Нужную информацию можно получить путем анализа способа совершения мошенничества и той роли, которую играл тот или иной мошенник в его осуществлении; поведения каждого из мошенников в ходе следствия; оперативных источников. Можно провести предварительные «разведывательные» допросы с целью уяснения распределения ролей в группе. После установления наиболее

слабого звена в группе с учетом всех данных и характеристик ее членов необходимо начать допрос с наиболее слабого члена группы, поскольку он менее всего расположен и подготовлен к уклонению от ответственности и, как показывает практика, быстрее, чем другие, дает правдивые показания (см.:3). При допросе членов преступных групп могут с успехом использоваться и другие тактические приемы, рекомендуемые применительно к данным обстоятельствам.

В случае дачи мошенником правдивых показаний необходимо сразу же провести следственный эксперимент, в ходе которого, например, предложить ему изготовить аналогичным образом денежную или вещевую «куклу», уложить колоду или раздать карты определенным образом, выполнить другие действия, свидетельствующие о наличии у него определенных преступных или иных навыков, проявленных при совершении конкретного преступления. Показанное им умение изготавливать орудия и средства преступления, продемонстрированное умение и навык в совершении определенных и особенно незаметных для потерпевшего и окружающих манипуляций по обману и завладению имуществом служат убедительным доказательством его вины. Характерно, что по изученным делам во всех случаях мошенники после проведения эксперимента в дальнейшем уже не изменяли свои показания.

В доказывании большое значение имеет своевременное проведение обыска. В ходе его могут быть обнаружены и изъяты орудия и средства совершения преступления, преступно добытое имущество, различные документы и материалы, имеющие значение для дела. Круг их определяется исходя из способа совершения мошенничества. Ими могут быть предметы и вещи-заменители, аналогичные переданным потерпевшему, остатки этих вещей, части упаковки, нарезанные по формату денежных знаков листы бумаги, меченые карты и т. п. Своевременно, качественно подготовленный и проведенный обыск обычно всегда приносит хорошие результаты, и они служат важным средством изобличения виновного.

Распространенное при расследовании мошенничества следственное действие — это предъявление для опознания потерпевшему вещей и предметов, изъятых у него либо служивших орудием, средством совершения преступления. В подавляющем большинстве случаев потерпевшие (иногда свидетели) уверенно их опознают, что помогает опровергнуть лживые утверждения обвиняемого, подтвердить показания

потерпевшего (или свидетеля) и служит средством установления истины по делу.

Важное место в доказывании вины по делам о мошенничестве имеют результаты экспертиз, среди которых чаще назначаются криминалистические. Это объясняется способом совершения преступления, необходимостью для завладения имуществом потерпевшего совершать преступнику различные действия руками, режущими инструментами, использовать обрезки бумаг, ткани, писать расписки и т. п. Трудно переоценить значение дактилоскопических экспертиз, дающих возможность получить доказательства передачи преступником потерпевшему тех или иных предметов. Сам способ совершения мошенничества предполагает образование следов рук на орудиях и средствах преступления, похищенных вещах. В то же время изучение материалов показало, что весьма редко используются возможности порошкопических и неидентификационных дактилоскопических исследований. Криминалистические экспертизы по следам преступления способствуют определению средств совершения преступления, что помогает их розыску.

Нетрадиционной для криминалистики экспертизой, которая может стать характерной для отдельных способов карточного мошенничества, выступает математическая экспертиза с использованием теории вероятности. Суть этой экспертизы заключается в установлении на основе методов математического анализа и расчетов частоты встречаемости вероятного выпадения определенных карт у одного игрока или нескольких игроков, а также вероятности выпадения у игроков на протяжении какого-то периода определенной постоянной совокупности карт. Выводы такой экспертизы служат важным средством установления обмана в действиях виновного.

В целом же в сложных следственных ситуациях наиболее оптимальным путем решения вытекающих из них задач является проведение системы таких действий; 1) допрос потерпевшего и свидетелей преступления; 2) выемка и осмотр изъятых предметов и документов; 3) осмотр места происшествия; 4) предъявление для опознания (в том числе предъявление потерпевшему и возможным свидетелям фотоальбомов с изображением мошенников, стоящих на учете в органах внутренних дел); 5) задержание и допрос подозреваемого; 6) обыск по месту его жительства или работы, у его родственников и знакомых; 7) предъявление для опознания потерпевшему предметов, изъятых у подозреваемого; 8) на-

значение экспертиз; 9) следственный эксперимент; 10) очная ставка.

Предлагаемая система, с возможными варьированиями отдельных следственных действий внутри ее, как показали исследования, бывает наиболее результативной при установлении в действиях виновного преступного обмана или злоупотребления доверием, доказывании его вины в сложных следственных ситуациях. Она может в этом плане рассматриваться в качестве типовой модели.

Изложенное позволяет заключить, что доказывание вины по делам о мошенничестве имеет свою специфику, обусловленную своеобразием способов совершения этих преступлений, характером складывающихся следственных ситуаций. Такой процесс имеет определенные особенности, может быть упорядочен и приведен в систему, отдельными аспектами которой могут быть рассмотренные положения.

1. Глазырин Ф. В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск, 1973.
2. Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987; Яблоков Н. П. Исследование обстоятельств преступных нарушений правил безопасности труда. М.: Изд-во МГУ, 1980.
3. Миненок М. Г. Личность расхитителя. Криминалистическая характеристика и типология. Калининград, 1980.
4. Петелин Б. Я. О доказывании мотива и цели преступления // Сов. государство и право. 1980. № 11.
5. Филонов Л. Б. Психологические способы выявления скрытого обстоятельства. М., 1979.
6. Хмыров А. А. Косвенные доказательства субъективной стороны преступления (статья в настоящем сборнике).
7. Яблоков Н. П. Исследование обстоятельств преступных нарушений правил безопасности труда. М., 1980.
8. Якушин С. Ю. Тактические приемы при расследовании преступлений. Казань, 1983.

ЗНАЧЕНИЕ И ДОКАЗЫВАНИЕ УМЫСЛА ВИНОВНОГО ПРИ ПОХИЩЕНИИ ЛИЧНОГО ИМУЩЕСТВА, ВРЕМЕННО НАХОДЯЩЕГОСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

**Г. В. Овчинникова
В. В. Новик**

При расследовании похищений личного имущества, временно находящегося в государственной организации или предприятии, возникают типичные вопросы доказывания направленности умысла виновного. Они рассмотрены в п. II постановления Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности» (см:1). Целесообразно эту проблему рассмотреть на примере правовой оценки таких действий при похищении личного имущества из автоматических камер хранения (АКХС).

Отличительной особенностью квалификации похищений личного имущества из АКХС является сложность (и одновременно важность) определения объекта преступного посягательства и направленности умысла виновного. Это связано с «двойной» ответственностью за сохранность личного имущества, помещенного в автоматические камеры: в одних случаях самого собственника — гражданина, в других — соответствующих государственных организаций (МПС, Аэрофлота и т. д.).

Согласно Инструкции по эксплуатации автоматических камер хранения самообслуживания МПС СССР № ЦЛ-3046 от 7 августа 1972 г., АКХС устанавливаются в зданиях вокзалов железнодорожных, морских, речных станций и аэропорта и предназначены для кратковременного платного хранения клади пассажиров. Самообслуживание предполагает, что гражданин сам должен правильно использовать ячейку АКХС, проверить надежность запирающего устройства, вы-

брать шифр автоматического запираения и открывания двери, сохранять тайну шифра и т. д. Таким образом, в основном на гражданина, а не на социалистическую организацию возлагаются меры по обеспечению сохранности помещенного в АКХС имущества.

Вместе с тем администрация вокзала обеспечивает техническое обслуживание АКХС, а также принудительное вскрытие ячейки АКХС теми лицами, которые имеют на это право, если пассажир забыл шифр или если ячейка длительное время не открывалась и есть основание считать вещи забытыми. Согласно п. 14 названной Инструкции, администрация станции несет материальную ответственность перед собственником, если были допущены нарушения с ее стороны в перечисленных выше случаях, что повлекло утрату вещей.

Направление и содержание доказывания при расследовании дел этой категории во многом определяется необходимостью установить непосредственный объект преступного посягательства и направленность умысла виновного. Решение вопроса о том, кому фактически причинен материальный ущерб при похищении из АКХС личного имущества определяет непосредственный объект преступного посягательства. Однако для правильной квалификации преступных действий этого мало, необходимо установить, осознал ли виновный фактическое причинение материального ущерба (государству или гражданину) или же ему были безразличны данные обстоятельства и он допускал любой материальный ущерб.

В первом случае виновный отвечает по направленности умысла, во втором — по фактически наступившим последствиям. На это указано в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности»: «Если на социалистической организации лежала обязанность по сохранности вверенного ей личного имущества граждан, хищение, совершенное лицом, знавшим либо допускавшим, что материальную ответственность за указанное имущество несет эта организация, следует квалифицировать как преступление против социалистической собственности» (1).

Чаще всего действия виновного, завладевшего вещами, хранившимися в АКХС, могут считаться кражей личного имущества (ст. 144 УК РСФСР).

Хищение государственного имущества путем кражи (ст. 89 УК РСФСР) возможно лишь в тех случаях, когда виновный использовал известные ему различные нарушения

по эксплуатации АКХС, допускаемые администрацией подразделений МПС, и когда он сознавал, что собственник «не пострадает», поскольку государство возместит ему стоимость похищенного.

Менее типичными, но возможными являются хищения путем мошенничества или мошенничество (ст. 93, 147 УК РСФСР) и хищения путем злоупотребления служебным положением.

Первое возможно в ситуациях, когда мошенник, выдавая себя за собственника имущества, помещенного в АКХС, требует принудительного вскрытия, а работник МПС, не выполняя всех предписаний Инструкции, выдает ему чужое имущество (ст. 93 УК РСФСР).

Если инструкция работником МПС точно соблюдалась, то преступные действия представляют мошенничество — ст. 147 УК РСФСР.

Хищение путем злоупотребления служебным положением имеет место, если должностные лица при принудительном вскрытии камер похищают имущество, находящееся в них, составляя подложные акты о его наличии, ценности, количестве и т. п.

Особенности правовой оценки (квалификации) являются первым моментом, обуславливающим специфику расследования хищений из АКХС.

Второй момент связан с особенностью обстановки совершения этих преступлений (похищений из АКХС) и способами их совершения.

Как известно, на выбор конкретного способа совершения преступления влияет ряд условий, в которых осуществляются преступные действия. Для похищений имущества из АКХС имеют значение следующие условия:

1) конструктивные особенности и порядок эксплуатации АКХС;

2) обстановка в месте расположения АКХС (характер пассажирского потока, дефицит свободных ячеек, наличие патрульно-постовой службы, телеустановки и т. п.);

3) личность потерпевшего;

4) характер похищаемого имущества;

5) время совершения хищения;

6) наличие двойной формы ответственности за сохранность имущества, похищенного в АКХС;

7) личностные свойства виновного, в частности его отношение к обслуживанию АКХС, наличие специальных знаний

и навыков по завладению имуществом, помещенным в АКХС.

В способе совершения преступных действий фокусируется информация, позволяющая судить о данных личности виновного, направленности его умысла, и в значительной степени определяющая как правовую оценку содеянного, так и выбор направления расследования. Именно поэтому при расследовании похищений из АКХС важно очень быстро установить каким способом совершено хищение. В настоящее время следственная практика располагает сведениями о 14 основных способах проникновения в ячейку АКХС для завладения ручной кладью, их анализ позволяет вычленить типичные криминалистические признаки каждого из способов.

Процесс доказывания представляет в этом смысле сбор конкретной информации, которую следователь сопоставляет с типизированными следами и признаками, указывающими на определенный способ совершения похищений из АКХС.

Ряд таких следов и признаков может быть установлен в ходе осмотра места происшествия, другие — при подробном допросе потерпевшего. Третьи — при анализе функциональных обязанностей обслуживающего персонала на основе изучения инструкции по эксплуатации АКХС, а также при осмотре учетных документов, фиксирующих деятельность этих лиц.

В расследовании данного вида преступлений имеет важное значение определение перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию, ибо без их установления и анализа нельзя не только выявить и изобличить виновного, но, как отмечалось, и правильно квалифицировать его действия.

С учетом элементов составов преступлений, по которым могут быть квалифицированы различные варианты хищений из АКХС, исходя из предмета доказывания (ст. 68 УПК РСФСР) и криминалистической характеристики данного вида преступлений, по делам о хищениях из АКХС подлежат установлению следующие обстоятельства:

1. Что похищено: наименование похищенных предметов, родовые и индивидуальные признаки, приметы, а также стоимость.

2. Откуда совершено хищение: место расположения АКХС и самой ячейки, ее порядковый номер.

3. Когда совершено хищение (с учетом моментов: времени помещения в ячейку и обнаружения пропажи и постановления на контроль ячейки с истекшим сроком использования).

4. Каким способом совершено проникновение. Имела ли

место подготовка, какие использовались орудия, приспособления, другие технические средства.

5. Кто совершил хищение.

5.1. Не является ли похититель лицом, связанным с обслуживанием АКХС, либо было таким лицом в прошлом,

5.2. Не должностное ли это лицо, использующее свои служебные функции в целях создания особой обстановки для вскрытия и изъятия вещей.

5.3. Не является ли похититель лицом, имеющим специальные познания в технике и порядке эксплуатации АКХС

5.4. Использовал ли похититель доверие владельца или работников, обслуживающих АКХС.

5.5. Если хищение совершено группой лиц, то был ли предварительный сговор между ними и какова роль каждого из них с учетом пп. 5.1, 5.2, 5.3, 5.4.

6. Кому причинен материальный ущерб.

6.1. Не нарушены ли правила хранения в АКХС (либо собственником, либо государственным служащим).

6.2. В чем конкретно выразилось нарушение.

6.3. Кто несет материальный ущерб в связи с утратой имущества.

7. Характер и содержание действительной направленности преступного умысла, мотива и цели завладения имуществом.

7.1. Знало ли виновное лицо точно или допускало, что своими действиями причиняет ущерб государственной организации (такая осведомленность может иметь место в силу занижаемого лицом должностного положения в настоящее время, либо в прошлом, а также в силу соучастия в совершении преступления)

7.2. Знало ли виновное лицо точно, что оно причиняет ущерб гражданину.

7.3. Виновное лицо не знало точно кому причиняет ущерб своими действиями, безразлично относилось к этому.

8. Размер материального ущерба.

9. Материальное положение и условия жизни потерпевшего в момент совершения хищения.

10. Наличие у обвиняемого имущества, надлежащего изъятию с целью, возмещения материального имущества.

11. Личность виновного (возраст, семейное положение, образование, род занятий и др.).

12. Наличие обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность (от. 38, 39 УК РСФСР).

13. Обстоятельства, опровергающие событие преступления (потеря имущества, утрата его в ином месте, инсценировка кражи и т. п.).

14. Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Как видно из приведенного перечня, наряду с обстоятельствами, которые должны быть доказаны по делам о кражах, по делам о похищениях личного имущества, временно находящегося в государственной организации, при похищениях из АКХС, помимо их следует доказывать и ряд дополнительных обстоятельств, позволявших установить направленность умысла виновного и определявших квалификацию совершенных преступных действий.

1. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности» // Бюл. Верхов. Суда СССР. 1986. № 6.

Л. А. Андреева
В. В. Новик

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ УМЫСЛА, НАПРАВЛЕННОГО НА ЛИШЕНИЕ ЖИЗНИ

Следственная и судебная практика испытывают определенные трудности, связанные с доказыванием направленности умысла на лишение жизни, что необходимо для отграничения, в частности, покушения на убийство от составов преступлений, предусматривающих умышленное причинение телесных повреждений различной тяжести.

Типичной для следственной практики является ситуация, когда очевидцы причинения ранения отсутствуют, виновный, стремится смягчить свою вину, потерпевший нередко «сгущает краски», мотивы совершения насильственных действий не способствуют выяснению направленности умысла, так как

они могут быть идентичными и при лишении жизни, и при причинении телесных повреждений.

Судебная практика при разрешении уголовных дел указанной категории исходит из разделяемого многими учеными, работающими в области уголовного права, положения о том, что предвидение субъектом неизбежности наступления определенных общественно опасных последствий свидетельствует и о желаний их наступления, т. е. говорит о прямом умысле на причинение конкретных последствий, в частности, смерти¹. Устанавливать вину лица при этом приходится, основываясь прежде всего на способе его действий, механизме причинения смерти, а также, исходя из определенных данных о личности виновного и потерпевшего и сведений об обстановке совершения преступления. Перечисленные элементы составляют структуру криминалистической характеристики преступления.

Под способом в криминалистике понимается определенный порядок, последовательность движений и приемов, применяемых лицом для совершения преступления, включающих подготовительные действия (см.: 2. С. 60—69; 3. С. 113—132).

Под механизмом мы понимаем действия, входящие в способ совершения, которые производятся при контакте виновного с жертвой, т. е. те действия, которые непосредственно направлены на причинение ранения. При этом в механизм составной частью входят и действия жертвы, когда она вступает во взаимодействие с нападающими.

При покушении на убийство совершаются, как правило, активные, динамичные, разнообразные, хотя обычно кратковременные действия, оставляющие характерные следы на теле и одежде потерпевшего и в иной материальной обстановке (на месте происшествия). Поэтому существенную информацию о направленности умысла виновного надо искать прежде всего в механизме причинения ранения.

Так, например, если по делу установлено, что лицо сознательно наносило удары в жизненно важные органы (центры) потерпевшего орудием, которым можно причинить смерть, и с достаточной для причинения смерти силой, то тем самым можно считать установленным, что виновный предвидел неизбежность смертельного исхода и желал его, т. е. действовал с прямым умыслом на причинение смерти.

Зайков народным судом был осужден по ст. 15 и ст. 103

¹ Против такого подхода к определению прямого умысла возражает Г, 3. Анашкин (см.: 1, С. 96).

УК РСФСР. Он признан виновным в том, что находясь в своей квартире в состоянии алкогольного опьянения, во время ссоры со своей сожительницей Тупутовой на почве личных неприязненных отношений умышленно с целью убийства нанес ей удар по голове лезвием топора, причинив открытый вдавленный перелом левой лобно-теменной кости с повреждением вещества головного мозга, причинив тяжкое, опасное для жизни телесное повреждение.

В кассационном порядке приговор был изменен, действия Зайкова квалифицированы по ч.1 ст. 108 УК РСФСР.

Президиум областного суда по протесту председателя суда отменил кассационное определение и указал, что, изменяя приговор в части квалификации действий Зайкова, судебная коллегия сослалась на то, что в деле не имеется доказательств, подтверждающих наличие у осужденного прямого умысла на лишение жизни потерпевшей.

Между тем по делу установлено, что удар лезвием топора Зайков нанес потерпевшей в жизненно важную часть тела — в голову, причинив тяжкие, опасные для жизни телесные повреждения. Суд первой инстанции правильно сослался на эти доказательства, как на подтверждающие прямой умысел на убийство (см.:4. С. 9).

Если обратиться к перечню жизненно важных органов и центров организма человека, приводимых в Правилах судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений (см.: 5.С ПО—117) (опасные для жизни повреждения), то он намного шире общепринятых житейских представлений о жизненно важных центрах и органах.

При доказывании вины необходимо проверить совпадение судебно-медицинских понятий о жизненно важных центрах человека с представлением о них обвиняемого. Такое совпадение бывает при нанесении ударов в область головы и левую часть грудной клетки, но нанесение даже ножевого ранения, например, в брюшную полость, с житейской точки зрения, часто не расценивается как удар в жизненно важный центр. В таких случаях, не добыв дополнительных данных о пределах предвидения лица, основанных на его определенных занятиях и навыках, как правило, не представляется возможным доказать прямой умысел на лишение жизни, а следовательно, квалифицировать содеянное в случае наступления смерти, как покушение на убийство.

Дополнительные данные могут быть получены при ана-

лизе информации о профессии лица, характере выполняемых им работ, бытовых навыках и интересах. Для оценки пределов предвидения последствий, нужно проверить, обладает ли виновное лицо профессиональными, а значит, большими знаниями по сравнению с другими людьми. Большими знаниями в этом смысле располагают медицинские работники, лица, имеющие отношение к ряду спортивных дисциплин, к специальным подразделениям Вооруженных Сил, а также лица, профессионально занимающиеся убоем скота или лица определенных национальностей, у которых приготовление пищи связано с убоем животных и т. п.

Лицо, обладающее специальными познаниями и навыками, предвидит развитие причинной связи от своих действий дальше, чем лицо, которое руководствуется лишь общепринятыми житейскими представлениями.

Особое внимание необходимо обращать на установление пределов предвидения последствий от своих преступных действий подростками. В силу недостаточного интеллектуального развития, житейского опыта, принятых в их среде представлений и образов действий (способе разрешения конфликтов), они в определенных ситуациях предвидят лишь ближайшие последствия своих насильственных действий.

Характеристика орудия преступления также играет важную роль в выявлении направленности умысла. Криминалистике известны различные виды орудий. По возможности причинения смерти их можно условно расположить в таком порядке: огнестрельное, рубящее (топор, сечка, тесак); колюще режущее (ножи: финский, кухонный, столовый, перочинный); колющие (ножницы, стамеска, шило, вилы); режущие (бритва); тупые предметы (кастет, молоток, гаечный ключ, гиря, кирпич, груба и др.).

При определенных условиях любым из перечисленных орудий можно причинить смертельное ранение. Однако использование, например, огнестрельного оружия определенного вида (охотничьего ружья крупного калибра с большим зарядом), поражающие свойства которого и по житейским понятиям и по судебной практике оцениваются однозначно, т. е. при направленности ранения в жизненно важный центр, принимается как свидетельство наличия у использовавшего его лица прямого умысла при причинении смерти.

Аналогично разрешается вопрос при осознанном нанесении ранения в область головы лезвием топора.

Использование колюще-режущих и тупых предметов для нанесения ранений в жизненно важные центры может быть оценено различным образом: они могут быть отнесены либо к орудиям, свидетельствующим о предвидении неизбежности смерти и желании ее наступления, либо как не дающие таких оснований. При этом следственная и судебная практика руководствуются таким критерием оценки: если использовано орудие, существенно увеличивающее силу удара, имеющее значительные поражающие свойства, когда тяжесть телесного повреждения достигается главным образом за счет массы предмета, либо других его свойств (остроты, длины и т. п.) может идти речь о наличии прямого умысла к смерти.

Так, по делу Гафиятуллина Президиум Верховного Суда РСФСР указал, что способ совершения преступления: нанесение небольшим фонариком беспорядочных ударов потерпевшему в лицо, не свидетельствует о наличии умысла на убийство (см.: б. С. 6).

Дополнительным доводом при оценке характера орудия, как обладающего значительными поражающими свойствами, может быть признание его холодным оружием.

Наряду с установлением осведомленности лица относительно части тела, куда оно наносит удар, орудия, способного причинить смерть, необходимо для доказывания прямого умысла определить и силу удара.

О силе удара при использовании колюще-режущих орудий может свидетельствовать глубина раневого канала наличие проникающего ранения, характер повреждений костей, сухожилий и другие подобные признаки, на которые укажет судебно-медицинский эксперт.

При нанесении ударов тупыми предметами о силе удара может свидетельствовать характер переломов костей, разрывов внутренних органов и т. д.

Как уже отмечалось, при причинении ранения огнестрельным оружием, вопрос о силе предрешен характером самого орудия.

О направленности прямого умысла на лишение жизни при наличии всех рассмотренных факторов, могут свидетельствовать и сравнительно несильные, но интенсивные удары, т. е. несколько ударов, нанесенные за короткий промежуток времени.

Анализируя силу и интенсивность ударов, следует учиты-

вать, обладает ли данное лицо соответствующими навыками (профессиональными, бытовыми, спортивными, преступными) нанесения ударов достаточной для причинения смерти силы, точности: удара в сочетании с применением специального приема, нанесение большого количества ударов в течение короткого промежутка времени и т. д.

Нужно, однако, иметь в виду, что обстановка, в которой совершались насильственные действия, а также данные, характеризующие потерпевшего, в том числе его защищенность, поведение в момент взаимодействия с виновным, могут облегчать действия виновного или препятствовать им, влиять на них таким образом, что возникает определенное несоответствие между направленностью умысла при реализации его и наступившими последствиями.

В обстановку совершения рассматриваемых преступлений включаются такие факторы как степень освещенности места, где совершается преступление, стесненность действий виновного одеждой, размером помещения, возможностью выбора из находящихся на месте преступлений орудий нападения.

Факторы, относящиеся к защищенности потерпевшего от ранения, определяются характером одежды, головного убора, позой в момент нанесения ему удара.

При отсутствии других доказательств направленности умысла, на основе детального анализа всех рассмотренных факторов, может быть правильно решен вопрос о вине и дана верная квалификация содеянного виновным.

1. Анашкин Г. З. Проблемы подготовки новых основ уголовного законодательства и УК РСФСР //Сов. государство и право. 1987. № 10.

2. Кудрявцев В. Н. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение // Сов. государство и право. 1957. № 8.

3. Васильев А. Н., Яблоков Н. П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М.: Изд-во МГУ, 1984.

4. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1985. № 9.

5. Судебно-медицинская экспертиза: Справочник для юристов. М.: Юрид. лит., 1980.

6. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1975. № 11.

Сведения об авторах

- Александров И. В. — ст. препод. кафедры уголовного процесса и криминалистики Красноярского университета, канд. юрид. наук.
- Андреева Л. А. — препод. Ленинградского института усовершенствования следственных работников, канд. юрид. наук.
- Баев О. Я. — зав. кафедрой уголовного права и криминалистики Воронежского университета, д-р юрид. наук, проф.
- Барабаш А. С. — доц. кафедры уголовного процесса и криминалистики Красноярского университета, канд. юрид. наук.
- Бурданова В. С. — доц. Ленинградского института усовершенствования следственных работников, канд. юрид. наук.
- Заблоцкий В. Г. — доц. кафедры уголовного процесса и криминалистики Красноярского университета, канд. юрид. наук.
- Ищенко И. П. — доц. кафедры криминалистики Свердловского юридического института, канд. юрид. наук.
- Карнеева Л. М. — проф. Московской высшей юридической заочной школы МВД СССР, д-р юрид. наук.
- Копьева А. Н. — доц. кафедры уголовного процесса и криминалистики Иркутского университета, канд. юрид. наук.
- Мотовиловкер Е. Я. — ст. препод. кафедры уголовного процесса Воронежского университета, канд. юрид. наук.
- Михеев Р. И. — доц. кафедры уголовного права Дальневосточного университета, канд. юрид. наук.
- Новик В. В. — препод. Ленинградского института усовершенствования следственных работников, канд. юрид. наук.
- Овчинникова Г. В. — препод. Ленинградского институ-

та усовершенствования следственных работников, канд. юрид. наук.

- Первухина Л. Ф. — ст. препод. кафедры уголовного процесса и криминалистики Красноярского университета, канд. юрид. наук.
- Помренин К. Г. — асс. кафедры педагогики и психологии Красноярского университета.
- Резниченко И. М. — доц. Дальневосточного университета, канд. юрид. наук.
- Стойко Н. Г. — доц. кафедры уголовного процесса и криминалистики Красноярского университета, канд. юрид. наук.
- Трухачев В. В. — асс. кафедры уголовного права и криминалистики Воронежского университета.
- Трухин А. М. — ст. препод. кафедры уголовного права и криминалистики Красноярского университета, канд. юрид. наук.
- Хмыров А. А. — зав. кафедрой криминалистики Кубанского университета, доктор юрид. наук, проф.
- Царев В. М. — ст. препод. кафедры уголовного процесса и криминалистики Красноярского университета, канд. юрид. наук.
- Шимановский В. В. — доц. Ленинградского института усовершенствования следственных работников; канд. юрид. наук.

Содержание

Введение	3
I. Понятие доказывания виновности в советском уголовном процессе	5
Михеев Р. И. Конституционные гарантии и методологические основы установления вины	5
Заблоцкий В. Г. О подходе к определению предмета исследования при установлении виновности обвиняемого в совершении преступления	21
Стойко Н. Г. Обеспечение неотвратимости уголовной ответственности и установление виновности лица, совершившего преступление	32
Барабаш А. С., Помренин К. Г. Состязательность, ее роль в установлении виновности обвиняемого	40
Мотовиловкер Е. Я. О содержании принципа презумпции невиновности	54
Резниченко И. М. Показания подсудимого и установление его вины	62
Царев В. М. Доказывание виновности и вопрос об одностороннем характере деятельности защитника	67
Карнеева Л. М. Доказывание виновности на этапе, предшествующем предъявлению обвинения	72
Ищенко Е. П. О совокупности доказательств, необходимых для предъявления обвинения	80
Шимановский В. В. Доказывание следователем виновности лица по уголовным делам, прекращаемым по нереабилитирующим основаниям	89
Копьева А. Н. Вопросы виновности в решениях вышестоящих судов	95
II. Вопросы методики и тактики доказывания в советском уголовном процессе	104
Хмыров А. А. Косвенные доказательства субъективной стороны преступления	104
Бурданова В. С. Выдвижение и проверка версий защиты при доказывании вины	112
Баев О. Я., Трухачев В. В. Использование данных	

о мотиве преступления для выявления обвиняемого и доказывания его вины	120
Трухин А. М. Доказывание субъективного критерия неосторожности как формы вины	129
Первухина Л. Ф. Роль типовых криминалистических моделей преступления и типовых версий в доказывании виновности обвиняемого (по делам о квартирных кражах)	138
Александров И. В. Доказывание вины при расследовании мошенничества	149
Овчинникова Г. В., Новик В. В. Значение и доказывание умысла виновного при похищении личного имущества, временно находящегося в государственной организации	159
Андреева Л. А., Новик В. В. Некоторые вопросы доказывания умысла, направленного на лишение жизни	164
Сведения об авторах	170